

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА
И СОЦИОЛОГИЯ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Сборник научных трудов

Основан в 2019 году

ВЫПУСК 4

Минск
Академия МВД
2022

РАЗДЕЛ I ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Представлены научные труды по психологической, педагогической и социологической проблематике деятельности правоохранительных органов.

Издание предназначено для аспирантов, адъюнктов, научных работников, преподавателей учреждений высшего образования, а также сотрудников правоохранительных органов.

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *А.В. Башан* (председатель);
доктор социологических наук, профессор *Т.В. Казак* (зам. председателя);
доктор социологических наук, профессор *Г.М. Евелькин*;
доктор педагогических наук, профессор *Ф.В. Кадол*;
академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор *С.Л. Кандыбович* (Российская Федерация);
доктор психологических наук, профессор *В.М. Крук* (Российская Федерация);
доктор социологических наук, профессор *Е.Е. Кучко*;
доктор социологических наук, профессор *С.В. Лапина*;
кандидат социологических наук, доцент *Е.Н. Мисун*;
доктор психологических наук, профессор *А.Н. Пастушеня*;
кандидат психологических наук, доцент *В.П. Прилепин*;
доктор педагогических наук, профессор *А.В. Торхова*;
кандидат исторических наук, доцент *А.А. Урбанович*;
доктор психологических наук, профессор *И.А. Фурманов*

<i>Алесковский С.Ю., Коваленко С.Б.</i> Полиграф AQIQAT – создание и развитие	7
<i>Гаврилюк М.Н.</i> Особенности манипулятивного общения как комплексный психологический феномен	17
<i>Голубев В.Л.</i> Современная картина воровского аргю	25
<i>Дубинко Н.А.</i> Самоорганизация как индикатор эффективности управленческой деятельности	32
<i>Казак Т.В., Шершень Л.Л.</i> Концепция психосоциальной адаптации молодых сотрудников к условиям профессиональной деятельности в органах внутренних дел	40
<i>Мальгина О.В.</i> К вопросу о некоторых аспектах личностных особенностей женщин-руководителей органов внутренних дел в период их профессионального становления	48
<i>Мисун Е.Н., Ластовский А.А.</i> Психологические аспекты соблюдения цифровой гигиены в информационно-коммуникативном пространстве	57
<i>Пастушеня А.Н.</i> Психологический анализ преступления в контексте его криминалистической и уголовно-правовой оценки	66
<i>Пекарский Ф.В.</i> Психологические особенности работы с инвалидами с учетом состояния здоровья и их психофизиологического развития	74
<i>Сагайдак С.С., Котов В.В.</i> Методики специализированного развития параметров внимания сотрудников органов внутренних дел	82
<i>Схоччик О.Э.</i> Особенности психологического тренинга и его применения для решения задач в профессиональной деятельности сотрудников	89
<i>Товстуха А.Н.</i> Социально-психологические факторы психологической адаптированности лиц мужского пола, освобождающихся из мест лишения свободы	97
<i>Урбанович А.А.</i> Базовые характеристики системной индивидуальной управленческой концепции руководителя в системе органов внутренних дел	105
<i>Чернобродов Е.Р.</i> Влияние личностного потенциала руководителя на результаты профессиональной деятельности подчиненных	112

РАЗДЕЛ II ЮРИДИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА

<i>Грушецкий В.И.</i> Основные аспекты проведения психокоррекционных и воспитательных мероприятий с лицами, осужденными за преступления против половой неприкосновенности	118
---	-----

<i>Нефёдов И.О.</i> Медико-социальная реабилитация осужденных как элемент системы исправления	124
<i>Павленко Д.А.</i> Нормативное оформление психолого-педагогических основ процесса исправления	129
<i>Филипчик И.В.</i> Особенности психических состояний несовершеннолетних осужденных и организационные основы их коррекции	145
<i>Шамелов П.А.</i> Особенности жизненных ценностей осужденных, отбывающих наказание за незаконный оборот наркотических веществ	151

РАЗДЕЛ III ЮРИДИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Ганусевич Н.Д.</i> Феномен информационного противоборства в информационно-коммуникативной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь	158
<i>Масленченко С.В.</i> Создание и легитимация систем идей в работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна»	165
<i>Узгорок М.Ю.</i> Современная практика эффективного формирования положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел	181
<i>Шкурова Е.В., Кудревич М.А.</i> Социальный контроль и право	188

CONTENTS

SECTION I JURIDICAL PSYCHOLOGY

<i>Aleskovsky S.Yu., Kovalenko S.B.</i> Polygraph AQIQAT – creation and development	7
<i>Gavrilyuk M.N.</i> Features of manipulative communication as a complex psychological phenomenon	17
<i>Golubev V.L.</i> A modern picture of thieves' slang	25
<i>Dubinko N.A.</i> Self-organization as an indicator of the effectiveness of management activities	32
<i>Kazak T.V., Shershen L.L.</i> The concept of psychosocial adaptation of young employees to the conditions of professional activity in the internal affairs bodies	40
<i>Malygina O.V.</i> On the question of some aspects of the personal characteristics of female heads of internal affairs bodies during their professional formation, at the present stage	48
<i>Misun E.N., Lastovsky A.A.</i> Basic rules for compliance with digital hygiene in the information and communication space	57
<i>Pastushenya A.N.</i> Psychological analysis of a crime in the context of its criminalistic and criminal-legal assessment	66
<i>Pekarsky F.V.</i> Psychological features of work with disabled people in considering the state of health and their psychophysiological development	74
<i>Sagaidak S.S., Kotov V.V.</i> Methods of specialized development attention parameters of internal affairs employees	82
<i>Shopchik O.E.</i> Features of psychological training and its application for solving problems in the professional activities of employees	89
<i>Tovstukha A.N.</i> Socio-psychological factors of psychological adaptability of male persons released from prisons	97
<i>Urbanovich A.A.</i> Basic characteristics of the systemic individual management concept of the head in the system of internal affairs bodies	105
<i>Chernobrodov E.R.</i> Influence of the personal potential of the manager on the results of the professional activities of the subjects	112

SECTION II JURIDICAL PEDAGOGICS

<i>Grushetsky V.I.</i> Main aspects of carrying out psycho-correctional events with persons convicted for crimes against sexual integrity	118
<i>Nefedov I.O.</i> Medical and social rehabilitation of inmates as an element of the correctional system	124
<i>Pavlenko D.A.</i> Normative design of the psychological and pedagogical foundations of the correction process	129

<i>Filipchik I.V.</i> Peculiarities of mental states of minor convicts and organizational bases of their correction	145
<i>Shamelov P.A.</i> Features of life values of convicts serving sentences for illegal drug trafficking	151

Section III JURIDICAL SOCIOLOGY

<i>Ganusevich N.D.</i> The phenomenon of information confrontation in information and communication activities bodies of internal affairs of the Republic of Belarus	158
<i>Maslenchenko S.V.</i> Creation and legitimization of systems of ideas in the work of J.-F. Lyotard 'The State of postmodernity'	165
<i>Uzgorok M.Yu.</i> Modern practice of effective formation of a positive image of police officers	181
<i>Shkurova E.V., Kudrevich M.A.</i> Social control and law	188

Раздел I ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 343.985.7

С.Ю. Алесковский, С.Б. Коваленко

ПОЛИГРАФ AQIQAT – СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Представлен комплексный подход к инструментальному психофизиологическому методу выявления скрываемой информации с применением полиграфа AQIQAT. Излагаются юридические основы регламентации применения полиграфа в Республике Казахстан. Приводятся характерные черты и особенности использования данного аппарата.

Ключевые слова: полиграф, процедура, полиграфная проверка.

S.Yu. Aleskovsky, S.B. Kovalenko

POLYGRAPH AQIQAT – CREATION AND DEVELOPMENT

A comprehensive approach to the instrumental psychophysiological method of revealing hidden information using the AQIQAT polygraph is presented. The legal basis of the regulation of the use of a polygraph in the Republic of Kazakhstan is outlined. The characteristic features and features of the use of this device are given.

Keywords: polygraph, procedure, polygraph test.

Полиграф давно уже стал неотъемлемым средством, используемым правоохранительными органами самых разных стран при расследовании и раскрытии преступлений. Путь внедрения этого криминалистического направления в деятельность правоохранительных органов не везде был одинаков. В Казахстане, как в стране, входившей в состав СССР, был пройден путь от непринятия данного метода, а порой и запрещения экспериментальных разработок ученых, до позиции представителей органов расследования о невозможности раскрыть отдельные неочевидные преступления без «палочки-выручалочки», каковыми стали «величать» полиграф и психофизиологический метод.

Вспоминается 2002 г., когда в только что вышедшем первом казахстанском учебнике по криминалистической технике полиграфологический метод «скромно» был «спрятан» в разделе «Нетрадиционные средства получения доказательственной информации при расследовании преступлений» [4, с. 614]. Прошло ровно двадцать лет и инструментальный психофизиологический метод выявления скрываемой информации

с применением полиграфа стал обыденностью как для правоохранительных органов Казахстана (в первую очередь, органов внутренних дел), так и для судебной системы.

Сегодня в Республике Казахстан накоплено достаточно опыта применения полиграфа для реализации идей создания и внедрения собственных разработок. Предпосылки для этого были созданы еще в 70-х гг. прошлого века, в первую очередь молодым тогда ученым-криминалистом из Карагандинской высшей школы МВД СССР – И.Б. Зинкевичем. Еще с курсантской скамьи И.Б. Зинкевич заинтересовался работами выдающегося советского академика А.Р. Лурия о возможностях использования психофизиологии в деле раскрытия и расследования преступлений. Определяющую роль для выбора направления научных изысканий И.Б. Зинкевича сыграла его встреча с легендарным советским разведчиком В.Г. Фишером (более известным под псевдонимом Рудольфа Абеля), который проводил ряд занятий с курсантами Карагандинской высшей школы МВД СССР. Так, Зинкевич узнал от Фишера об истории его разоблачения контрразведкой США, которое состоялось именно при помощи полиграфа.

Уже став адыонктом Академии МВД СССР в Москве, И.Б. Зинкевич, стремясь исследовать возможности использования полиграфа при расследовании преступлений, добился направления на стажировку в Варшаву, в Институт криминалистики Главного управления гражданской милиции МВД Польской Народной Республики, поскольку работы по полиграфной тематике в социалистическом лагере в тот период проводились только в Польше.

Результатом научной командировки И.Б. Зинкевича в Польшу стало его выступление на Всесоюзной конференции МВД СССР «Использование технических средств в раскрытии и расследовании преступлений». Конференция состоялась в Киевской высшей школе МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского и по ее итогам был выпущен сборник трудов [6]. Выступление И.Б. Зинкевича и статья в сборнике назывались «Проблемы использования полиграфа при расследовании преступлений в Польской Народной Республике».

Позже в Карагандинской высшей школе МВД СССР И.Б. Зинкевич создал свою модель полиграфа и развернул программу исследований по его использованию. Правда, в связи с существовавшими тогда запретами, дальше экспериментальных тестирований на полиграфе курсантов высшего учебного заведения МВД его изыскания не зашли, но стали своеобразными «ростками, которые спустя время дали свои всходы».

Первые полиграфологи независимого Казахстана, к числу которых относится один из авторов данной статьи, ввели свои работы по двум

направлениям – создание прототипа полиграфа и необходимой нормативной базы для его использования.

Так, при непосредственном участии С.Ю. Алесковского в 2002 г. был разработан первый в Казахстане нормативно-правовой акт по применению полиграфа: приказ Председателя Комитета национальной безопасности (КНБ) Республики Казахстан «Об утверждении ведомственных Правил проведения полиграфологических исследований в органах национальной безопасности Республики Казахстан».

В дальнейшем, С.Ю. Алесковский продолжил заниматься внедрением полиграфа в правоприменительную область. Совместно с патриархом казахстанской криминалистики профессором А.Ф. Аубакировым они впервые в Казахстане приступили к использованию при расследовании преступлений российского полиграфа «Барьер-14», созданного академиком В.А. Варламовым.

В 2008 г. авторами данной статьи впервые в Казахстане и Центральной Азии было создано Общественное объединение «Алматинская ассоциация полиграфологов», в которую вошли все профессионалы из сферы инструментальной детекции лжи. К десятилетию принятия первого законодательного акта по полиграфу в Казахстане был проведен ребрендинг Ассоциации в Евразийскую ассоциацию полиграфологов, которая сегодня объединяет ведущих специалистов-полиграфологов из 19 стран Азии, Европы и Северной Америки, в их число входит Республика Беларусь. Почти все ведущие полиграфологи Беларуси – почетные члены Евразийской ассоциации полиграфологов.

Сейчас полиграф используют все правоохранительные органы и специальные службы Казахстана. В соответствии с Законом Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» применение полиграфа возможно и даже необходимо для повышения эффективности проведения оперативно-розыскных мероприятий. Статьей 11 данного закона, наряду с другими общими оперативно-розыскными мероприятиями, определяется «опрос лиц». Психофизиологическое исследование, безусловно, является специфической разновидностью опроса граждан с применением технического средства, называемого полиграфом.

21 мая 2013 г. были внесены изменения в Закон Республики Казахстан «О правоохранительной службе». Среди прочих новшеств в данном законе более подробно регламентировано применение полиграфа. 19 июня 2014 г. были утверждены Правила прохождения полиграфологического исследования в правоохранительных органах Республики Казахстан, в которых определяется порядок прохождения полиграфологического исследования гражданами, поступающими на службу в правоохранитель-

ные органы, а также действующими сотрудниками правоохранительных органов при проведении очередных и внеочередных аттестаций.

Ежегодно сотни ведомственных и частных полиграфологов Казахстана проводят более 30 000 проверок на полиграфе. В их распоряжении многочисленные модели полиграфов ведущих производителей оборудования США, России и других стран.

Таким образом, как и прогнозировал Р.С. Белкин, криминалистика превратилась из «потребителя» в «заказчика», т. е. стимулятора развития других наук, в данном случае психофизиологической детекции лжи. Сегодня полиграфологи создают новые и модернизируют старые тесты именно в интересах практики розыскных и следственных подразделений, повышая валидность и надежность методики и исключая ошибочных выводов.

Безусловно, в основе всего человек, и от квалификации и опыта специалиста-полиграфолога зависит очень многое. Именно поэтому Евразийская ассоциация полиграфологов стремится как можно меньше использовать какие-либо дистанционные методы подготовки начинающих специалистов. С online-профанацией профессии активно борется Учебный центр Общественного объединения. Проведение полностью онлайн-курсов обучения на полиграфе, которым, к сожалению, грешит целый ряд учебных заведений, умножает ошибки и прямо дискредитирует наш метод, который приобрел свой достойный статус.

Общеизвестно, что результат работы полиграфолога во многом зависит и от применяемой им техники – полиграфа. Напомним, что полиграф – это многоканальный регистратор физиологических реакций человека (дыхания, кровяного давления, кожно-гальванической реакции, биотоков мозга, сердца, скелетной и гладкой мускулатуры и т. д.) для выявления скрываемой информации путем контроля его физиологических реакций в ответ на задаваемые вопросы [3, с. 189].

Парк используемых в Казахстане ныне моделей полиграфов кажется весьма и весьма обширным и, вроде бы, удовлетворяющим любому, даже самому изысканному вкусу (рис. 1). Как и в других странах постсоветского пространства, полиграфологи Казахстана в основном работают либо на североамериканских полиграфах (Axciton, Lafayette) и на гораздо более редких Stoelting и канадском Limestone, либо на аппаратах российского производства: так называемых варламовских приборах («Барьер-14», «Крис», «Риф»), производных от аппарата «Диагноз» («ПиК», «Поларг», «Диана»), устройствах, так или иначе связанных с полиграфом «Дельта» («Конкорд-М», «Энергия», «Дельта Оптима»), приборах «Эпос» («Эпос 7», «Эпос 9») [5, с.102].

Рис. 1. Полиграфы мировых брендов, применяемые в Казахстане

При всем разнообразии перечисленных приборов у них есть одна общая черта – они созданы либо уже очень давно (15 и более лет назад), либо из старых материалов. Однако интеллектуальный прогресс достиг небывалых высот, особенно в области электроники, которая за это время ушла далеко вперед. Достаточно посмотреть на наши компьютеры и телефоны и сравнить их с образцами 15-летней давности. Поэтому создание нового качественного прибора по более низкой цене всегда являлось актуальной задачей.

Мы уже отмечали, что Казахстан имел в прошлом опыт конструкторских разработок в данной сфере. Еще в конце девяностых – начале нулевых годов научно-конструкторское подразделение одного из правоохранительных органов Казахстана с участием одного из авторов данной статьи подготовило и выпустило собственный полиграф «Адал», а в дальнейшем и «Адал-2» [2, с. 23]. К сожалению, в практической деятельности полиграф «Адал» (рис. 2) использовался очень мало и в основном применялся при тестировании абитуриентов Академии КНБ Республики Казахстан в г. Алма-Ате для выявления у них факторов риска.

Рис. 2. Первый казахстанский протополлиграф «Адал-2»

Вскрылись и существенные недостатки полиграфа «Адал», правильнее даже было бы назвать протополиграфа – очень сложная и утомительная подстройка прибора к физиологическим реакциям каждого обследуемого, которая занимала иногда до 20–30 минут. Невозможно было длительное время удерживать стабильную амплитуду сигналов. Естественно, это было неприемлемо для практической работы [1, с. 5]. Поэтому вскоре протополиграф «Адал» сошел в небытие, не выдержав суровой действительности и испытания практикой.

В 2019 г. в Казахстане появился первый совместный российско-казахстанский полиграф – одиннадцатиканальный профессиональный компьютерный полиграф AQIQAT, в котором нашли свое воплощение самые передовые на сегодня конструкторские и программные находки. Полиграф AQIQAT является глубоко переработанной и адаптированной для казахстанского рынка моделью ведущего российского полиграфа «Триумф», созданного конструкторской группой под руководством А.Ю. Калафати (рис. 3).

При разработке самого полиграфа «Триумф» разработчики ориентировались на законодателей моды в области полиграфных проверок – американских производителей. Первый раз прибор был показан ведущим мировым специалистам на ежегодном семинаре Американской ассоциации полиграфологов в сентябре 2015 г. в г. Чикаго, которые высоко оценили качество изготовления датчиков и точность съема сигнала.

Рис. 3. Разработчики полиграфа AQIQAT – А.Ю. Калафати (справа) и С.Ю. Алесковский

Казахстанские полиграфологи С.Ю. Алесковский и М.М. Мильштейн впервые увидели в действии новый полиграф «Триумф» (рис. 4) именно в Чикаго. Полиграф, действительно, привлек внимание многих производителей.

Рис. 4. Полиграф «Триумф-2»

Именно тогда возникло первое желание о создании современного казахстанского полиграфа на основе перспективного «Триумфа».

Однако от идеи до начала работы по осуществлению задуманного прошло еще ровно три года. В октябре 2018 г. во время проходившей в российском городе Сочи 19-й Международной научно-практической конференции «Научно-теоретические подходы и их прикладное применение в практике инструментальной детекции лжи в борьбе с преступностью и работе с кадрами» состоялось окончательное оформление совместного проекта «Триумф-AQIQAT». Наш казахстанский полиграф AQIQAT стал значительно отличаться от своего российского прародителя:

- разработана новая материнская плата с процессорами;
- полностью переработана визуальная часть интерфейса;
- значительно увеличилось количество информативных каналов, регистрирующих физиологические показатели организма;
- полиграф стал «полиглотом» и работает на нескольких языках: казахской кириллице, казахской латинице, русском, английском и др.;
- установлен двухкомпонентный модуль выявления динамического противодействия и др.

Полиграф AQIQAT (рис. 5) оказался таким удачным продуктом, что вскоре на его основе А.Ю. Калафати выпустил новый полиграф «Триумф-2».

Рис. 5. Сенсорный блок полиграфа AQIQAT

Очень важно, что в основе полиграфов «Триумф-2» и AQIQAT лежит 24-битный аналого-цифровой преобразователь, что делает эти аппараты самыми мощными полиграфами в Евразии.

Только на полиграфах «Триумф-AQIQAT» используется уникальный компьютерный алгоритм анализа полиграмм «Сокол», не имеющий аналогов в мире (рис. 6). Он является первым российским валидизированным алгоритмом и значительно превосходит по точности алгоритм ChanceCalc полиграфа «Диана».

Рис. 6. Компьютерный алгоритм анализа полиграмм «Сокол»

Для полиграфов «Триумф-AQIQAT» разработан и внедрен в программное обеспечение новый физиологический канал под названием «Интегральный» (рис. 7), имеющий исключительную наглядность. При его создании А.Ю. Калафати творчески развил идеи одного из патриархов советской и российской полиграфологии Л.Г. Алексеева. Интегральный канал получается путем вычисления параметров Кирчера (длина линии дыхания, амплитуды ЭДА и манжеты), а также амплитуды ФПГ на всем протяжении записанного вопроса. При этом учитываются только те значения, которые превышают фоновую физиологическую активность. В других современных полиграфах отсутствует подобный интегральный канал.

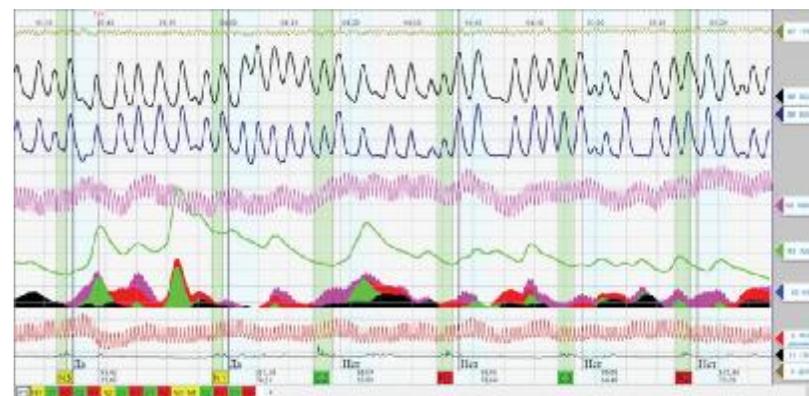

Рис. 7. Интегральный канал на полиграмме полиграфа AQIQAT

Большое значение сегодня полиграфологи уделяют выявлению возможного умышленного противодействия со стороны опрашиваемых лиц, для чего применяются разнообразные датчики тремора. В полиграфе AQIQAT используется пять датчиков тремора, что позволяет значительно повысить точность и надежность полиграфической проверки. Это датчик двигательной активности в тканевом чехле, датчик двигательной активности с металлическими пластинами, универсальный датчик пьезоплетизмограммы и мимики лица, двухкомпонентный модуль выявления динамического противодействия и датчик, фиксирующий тремор жевательной мышцы, – «датчик челюстей» (рис. 8). Часть из этих датчиков являются уникальными и не применяются на полиграфах других моделей.

Рис. 8. Датчик тремора «Челюсти»

Таким образом, сегодня полиграф AQIQAT (рис. 9) ни в чем не уступает ведущим мировым полиграфам, а по многим позициям превосходит большинство из них. Полиграф AQIQAT – это та инновационная продукция, которой может и должен гордиться не только Казахстан, но и Евразийский союз!

Рис. 9. Одиннадцатиканальный профессиональный компьютерный полиграф AQIQAT

Список использованных источников

1. Алесковский, С.Ю. Детектор лжи в Казахстане – история и современность / С.Ю. Алесковский // *Naqhoz Law and Public Policy*. – Алматы : Ун-т «Нархоз», 2020. – № 1 (1). – С. 5.
2. Алесковский, С.Ю. Становление и развитие полиграфа в Казахстане / С.Ю. Алесковский // *Эксперт-криминалист: Федер. науч.-практ. журн.* – М., 2015. – № 4. – С. 23.
3. Коваленко, С.Б. Перспективы использования полиграфологического метода при подборе кадров в органы внутренних дел Республики Казахстан / С.Б. Коваленко, С.Ю. Алесковский // *Проблемы совершенствования правовых основ борьбы с преступностью и деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан и стран ближнего зарубежья : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : ч. 1.* – Алматы : ООНИиРИР Акад. МВД РК, 2004. – С. 189.
4. Криминалистика: Криминалистическая техника : учеб. для вузов / А.Ф. Аубакиров [и др.]. – Алматы : Аркаим, 2002. – С. 614.
5. Полиграф в Казахстане – избранные страницы: Библиотека полиграфолога / под ред. С.Ю. Алесковского и Г.А. Алибаевой. – Алматы, 2016. – С. 102.
6. Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии : сб. науч. тр. – Киев : НИиРИО Киев. высш. шк. МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1980. – 208 с.

Дата поступления в редакцию: 25.04.2022

УДК 159.99

М.Н. Гаврилюк

ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯТИВНОГО ОБЩЕНИЯ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Раскрываются различные подходы к изучению феноменологии манипулятивного общения в структуре социального и межличностного взаимодействия. Рассматриваются особенности практического использования психологических знаний в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Приводятся и описываются наиболее типичные формы реализации феномена манипуляции в вербальной коммуникации, способы их практического применения и противодействия манипуляторам.

Ключевые слова: вербальная коммуникация, манипуляция, манипулятор, манипулятивное общение, сотрудники органов внутренних дел, влияние, воздействие, психологическое воздействие, вербальное воздействие, невербальное воздействие, правонарушитель, коммуникация, правоохранительные органы, милиция.

FEATURES OF MANIPULATIVE COMMUNICATION AS A COMPLEX PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

The article reveals various approaches to the study of the phenomenology of manipulative communication in the structure of social and interpersonal interaction. The features of the practical use of psychological knowledge in the professional activities of law enforcement officers are considered. The author presents and describes the most typical forms of realization of the phenomenon of manipulation in verbal communication, ways of their practical application and counteraction to manipulators.

Keywords: verbal communication, manipulation, manipulator, manipulative communication, law enforcement officers, influence, impact, psychological impact, verbal impact, non-verbal impact, offender, communication, law enforcement agencies, police.

Желание изменить поведение другого человека для достижения собственных целей, а также добровольное изменение персонального поведения в рамках социального взаимодействия сформировано в каждом человеке в ходе эволюционного развития биологического вида. Люди по своей природе существа социальные, что позволяет им посредством выстраивания сложных схем межличностного и межгруппового взаимодействия кардинальным образом преобразовывать окружающую действительность. Феномен манипуляционного воздействия начинает проявлять себя с момента рождения ребенка, который своими действиями изменяет ритм жизни родителей и иных окружающих его людей, в целях удовлетворения собственных потребностей. При этом методы с процессом взросления меняются, ведь схемы, приводившие к достижению целей в одном возрасте, в другом, более старшем, вызывают среди окружения только недоумение. На последующем жизненном пути ребенок находится в поиске все новых и новых методик удовлетворения собственных потребностей посредством манипуляционного воздействия на окружающих его людей. Достигая взрослого возраста, человек не избавляется от наработок по воздействию на свое окружение, а использует их во взрослой жизни, в том числе и в своей профессиональной деятельности, выстраивая принципиально новые схемы коммуникационного взаимодействия.

В своей основе манипуляция – это вид скрытого психологического воздействия на партнера по взаимодействию с целью добиться от него определенного прогнозируемого поведения. В своих работах В.Н. Панкратов называет манипуляцией любой прием, «с помощью которого хотят облегчить общение для себя или затруднить его для оппонента» [7]. Манипулирование сознанием сегодня стало глобальной социально-по-

литической реальностью, влияющей на все сферы общественной жизни. Изучение оснований и причин становления принудительной системы манипулирования сознанием, механизмов ее функционирования и путей противодействия этой системе представляется достаточно актуальным для понимания проблем социальной свободы [1].

Ряд исследователей выделяют такие виды манипуляции:

манипуляции сознанием человека и общества с целью изменения мировоззренческих основ социума, его нравственных, эстетических и других ценностей;

манипуляции поведением и эмоциями людей с использованием определенных речевых психотехник с целью преобразования групповой, чаще протестной активности, с помощью искажения информации и способа ее подачи;

тотальные манипуляции посредством телевидения и средств массовой информации [5, 6].

Таким образом, понятие манипуляции рассматривается значительно шире простого вербально-коммуникативного акта. К данному термину относятся все сознательно и бессознательно организованные формы воздействия. Среди основных признаков, по которым можно распознать манипуляцию, исследователи выделяют: психологическое воздействие; отношение манипулятора к другому как к средству достижения собственных целей; стремление получить односторонний выигрыш; скрытый характер воздействия; использование силы, игра на слабостях [4, 8].

Для манипулятора важно, как можно использовать весь потенциал человека исключительно в своих интересах. Так, В.А. Соснин, П.А. Лунев выделяют 10 типов наиболее часто встречающихся манипуляций: формирование впечатления, провоцирование защитных реакций; провоцирование замешательства и дезориентации; создание иллюзии настроя на сотрудничество; игра на чувствах нетерпимости, безысходности и жадности; использование запланированных «трудных» уступок; намеренное затягивание времени обсуждения; провоцирование интереса к партнеру, снятие у него опасений по отношению к манипулятору [9].

Определенный интерес представляют научные изыскания Г. Грачева и И. Мельника, посвященные рассмотрению проявления манипуляционных методик в массовом сознании людей, их настроениях и действиях, а также работы Е.Л. Доценко, в которых проведено аналитическое исследование проблем манипуляции в психологии человека [2, 3].

Американский психолог Э. Шостром выделяет следующую типологию манипуляторов:

«диктатор», который в желании управлять другими людьми указывает, заставляет, угрожает, подавляет;

«тряпка», «слабак» – человек, с выгодой для себя использующий позицию жертвы, для избегания какой-либо деятельности, наиболее комфортно чувствует себя в тени диктатора;

«вычислитель» (калькулятор), стремящийся все контролировать, перепроверять всех, с кем взаимодействует, при этом постоянно хитрит, обманывает;

«прилипала» – человек, преувеличивающий свою зависимость от других. Нуждается, чтобы за него выполняли всю работу, потому что он беспомощен;

«хулиган» – манипулятор, использующий угрозы и демонстрацию излишней жестокости;

«славный парень» – излишне добродетельный и угодливый, преувеличивающий свою заботу и любовь;

«судья» – мстительный и критичный, обвиняющий всех манипуляторов, преувеличивающий свою поддержку других людей. В своем сочувствии лишает людей возможности действовать самостоятельно [10].

В зависимости от личностных установок и сформированных мировоззренческих позиций действия человека всегда будут направлены на удовлетворение своих потребностей. Акцент при этом может быть сосредоточен либо на эгоцентричных установках, без учета возможных потребностей других членов общества, либо на адаптивном и социально одобряемом поведении, учитывающем нужды социального окружения. В доминирующем большинстве люди выбирают тактику избегания конфликтов, они социализированные, мягкие и преимущественно имеют сильные ожидания, акцентуации, устойчивую мотивацию и направленность личности на достижение успеха и высокого статуса в определенных социальных группах или в обществе в целом, они идеалисты, не утратившие веру в доминирование лучших качеств у других людей. Именно эти качества открывают для манипуляторов возможности влиять на поведение другого человека.

Доминирующее большинство людей оптимистично полагают, что непосредственно ими невозможно манипулировать, потому что вестись на процесс манипуляции – это удел духовно слабых и недалеких людей. Но, как показывает правоохранительная практика, подобные заявления являют собой огромное заблуждение, ввиду того, что в действительности дела обстоят противоположным образом.

Мир слабо интеллектуальных и ограниченных людей монохромен, он однозначно делится на черное и белое, на добро и зло, такие люди категоричны в своих суждениях, настойчивы и уперты в достижении своих целей, сосредоточены исключительно на своих акцентуациях и их

очень сложно в чем бы то ни было убедить, ведь они безупречны и непогрешимы. Образованный же и интеллектуально развитый человек имеет четкое понимание возможности наличия пробелов в своих знаниях и компетенциях, он всегда находится в сомнениях, просчитывает алгоритмы и варианты развития событий. Именно данный механизм сомнений и анализа открывает для манипулятора путь к достижению стоящих перед ним целей, формируя базис для будущих возможных подходов к манипулятивной коммуникации.

В основе манипулятивного общения лежит мягкое воздействие на мотивационную сферу человека. Оно ставит перед собой особую цель, заключающуюся в том, чтобы вопреки основным и профессиональным установкам принудить собеседника к совершению незначительного исключения из правил, не несущего в себе существенного нарушения установленных норм. Доминирующее большинство подобных действий осуществляются в надежде на благорасположение оппонента или на ответное совершение им каких-либо значимых действий, представляющих для человека определенную ценность.

Классическая схема работы манипулятора начинается с вербальной разведки, представляющей собой беседу на отвлеченные темы. Особенностью данной беседы выступает отсутствие сосредоточенности на конкретной тематике. Происходит постоянная смена тематики разговора и его сценариев, не позволяющая оппоненту, сосредоточиться на конкретном объекте беседы. В качестве основной по сути, но дополнительной по содержанию задачи выступает зашифровка цели, не позволяющая в последующем человеку проследить ее результаты в ходе рефлексии. В качестве ключевой цели проведения вербальной разведки со стороны манипулятора выступает процесс обнаружения тем, вызывающих в человеке наибольший психоэмоциональный отклик, вычленения нужды либо иной актуальной потребности. Грамотно организованный и проведенный процесс вербальной разведки позволяет осуществить маркирование обозначенных тем для разговора с последующим сосредоточением хода беседы на важных для собеседника темах.

Грамотно проведенные этапы вербальной разведки и маркирования актуальных для собеседника тем открывают перед манипулятором мотивационную и ценностную сферу личности, ее желания и устремления. Полученный результат позволяет в последующем воздействовать на мотивационную сферу человека, осуществить «присвоение» важных для него ценностей себе, обеспечивая пространство для создания иллюзии наличия желания и возможности оказания помощи в преодолении имеющихся трудностей на пути достижения цели, выступить в роли посред-

ника, располагая человека к манипулятору, вызывая доверие и желание к осуществлению дальнейшего сотрудничества и общения. Процесс легкого отдаления важного для человека предмета устремлений только вынуждает его вольно или невольно тянуться за ценностью или возможностью, чтобы не упустить ее, усиливая тем самым связь и зависимость.

Особый профессиональный интерес для правоохранительных органов приобретают люди, которые ставят свои нужды, потребности и желания выше норм морали и нравственности, традиций и обычаев, выше охраняемых законом интересов государства, за нарушение которых законодателем с целью защиты общества, в качестве наказания и предусмотрено лишение свободы.

Профессия сотрудника, стоящего на страже правопорядка, в силу своей специфики предусматривает большой объем коммуникативного взаимодействия с широким кругом отдельных индивидов и представителей различного рода общественных и субкультурных групп. В силу особенностей своей профессии правоохранитель находится в постоянном поиске информации, представляющей для него служебный и оперативный интерес. Вектор его мотивов и целей всегда направлен в сторону, противоположную целям лиц, руководствующихся антиобщественными мотивами, вследствие чего результат поисковой активности способен приводить к эскалации конфликтного взаимодействия, что обусловлено столкновением противоположно направленных интересов субъектов деятельности, на уровне вербальной коммуникации. Для эффективного достижения собственных целей в ходе ведения коммуникативной активности стороны вынуждены прибегать к методикам коррекции целеполагания и мотивационной сферы оппонента, осуществляемой посредством вербальных способов манипулирования поведением и установками субъектов взаимодействия. Учитывая взаимное противоположное воздействие, его результат в полной мере не поддается однозначному прогнозированию.

Сама структура уголовного законодательства направлена на регламентацию наиболее важных общественных отношений. Вследствие чего на нарушение норм Уголовного кодекса решаются в доминирующем большинстве лица, для кого жизнь или возможные страдания другого человека ничего не стоят. Отдельных членов социума они рассматривают исключительно как ресурс для достижения своих собственных целей. В доминирующем большинстве применение манипулятивных методик, ведущих к нарушению уголовного законодательства, применяются мошенниками, либо лицами, призывающими к групповому нарушению общественного порядка.

Даже будучи привлеченными к ответственности за содеянное, данные лица расценивают наказание как глубокую трагедию, вызванную непониманием их со стороны общества. Они не осознают своей вины, акцентируясь на личной обиде и невозможности быть свободным. Освободившись из мест лишения отбывания наказания, продолжают выстраивать коммуникацию с другими людьми аналогичным образом, эффективно продолжая использовать манипулятивные методики.

Определенную трудность представляет работа с манипуляторами, содержащимися в местах лишения свободы. При осуществлении коммуникации важно, чтобы лицо, осуществляющее данную деятельность, не испытывало изначального конфликта интересов и не было настроено негативно по отношению к администрации исправительного учреждения, руководству страны и т. п., в связи с тем, что это открывает возможности для дальнейшего манипулирования. Замкнутый и однообразный мир вынуждает человека включать в сферу своих интересов все возможное окружение, с целью его изучения и потенциального использования в качестве ресурсной базы.

Лица, имеющие возможность в силу определенных полномочий покидать места лишения свободы и возвращаться обратно, преимущественно несвязанные с администрацией исправительного учреждения, начинают представлять потенциальный интерес по различным перспективным направлениям (пронос вещей двойного назначения, вынос и передача информации, получение средств на расчетный счет). После произошедшей оценки перспективности использования определенного человека и проведенной вербальной разведки, где выискиваются уязвимости и точки возможного воздействия.

Далее с искренним и неподдельным страданием манипулятор будет описывать свою судьбу и ужасы своего положения, он будет тонко и акkuratно воздействовать на чувства порядочности, сострадания, акцентуации и ценностные ориентиры, формируя чувство вины за то, что слушающий бездействует, не пытается изменить ситуацию, находясь снаружи, и не хочет ему ничем помочь. Для неподготовленного слушателя, особенно для человека, склонного к эмпатии, этот рассказ будет вызывать глубокие переживания, оставляя на сердце «эмоциональные раны».

Необходимо осознавать, что манипулятор отдает отчет целям и устремлениям, которыми руководствуется тот либо иной человек, осуществляющий с ним коммуникацию. Он понимает, какое поведение от него ожидается, и будет обеспечивать эмоциональное подкрепление и удержание такого контакта на грани неудовлетворенности.

На данных этапах общения он может обратиться с просьбой об оказании незначительной услуги или помощи, не требующей дополнительных

усилий от исполнителя. Оказание при этом какой-либо услуги данному лицу (даже абсолютно законной) имеет определенные психологические последствия. Лицо, оказавшее услугу другому человеку по традиционным нормам, имеет определенные ожидания на ответную услугу со стороны того, кому эта помощь оказана, в результате чего формируется так называемый феномен Франклина, связанный с тем, что, оказав услугу человеку, мы начинаем проникаться к нему большей симпатией.

При этом в качестве психологического приема может применяться метод уступки, когда просьба высказывается о чем-то большем, но при озвученном отказе, ее объем значительно уменьшается. В результате чего при повторном озвучивании произнести слова отказа, для человека к которому обратились с просьбой, становится сложнее в силу нежелания предстать в негативном свете, отвергнув незначительных размеров просьбу. В результате чего, сделав для человека что-либо единожды, повторная помощь вызывает для человека все меньше и меньше отторжения, а делать ее становится все легче и легче.

В связи с особой актуальностью рассматриваемой проблематики профессиональная подготовка сотрудников правоохранительных органов должна включать формирование компетенций, направленных на комплексное противодействие использованию в отношении их методик манипулятивного общения. Понимание методов построения коммуникации позволяет лицам, вовлеченным в процесс общения с манипулятором, существенным образом повысить эффективность взаимодействия, избежать ошибок и негативных последствий коммуникации.

Список использованных источников

1. Баукин, А.В. Манипулирование сознанием: опыт социально-философского анализа : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А.В. Баукин. – М., 2007. – 370 л.
2. Грачев, Г. Манипулирование личностью / Г. Грачев, И. Мельник. – М. : Алгоритм, 1999. – 162 с.
3. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
4. Зелинский, С.А. Способы манипулирования психическим сознанием человека / С.А. Зелинский. – СПб. : Скифия, 2008. – 248 с.
5. Кандыба, В.М. Речевые психотехники / В.М. Кандыба. – М. : Лань, 2002. – 382 с.
6. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2003. – 832 с.
7. Панкратов, В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация / В.Н. Панкратов. – М. : Изд-во ин-та психиатрии, 2000. – 190 с.
8. Сидоренко, Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию / Е.В. Сидоренко. – М. : Речь. – 256 с.

9. Соснин, В.А. Как стать хозяином положения: анатомия эффективного общения / В.А. Соснин, П.А. Лунев. – М. : Изд. центр «Акад.» ; Ин-т психологии РАН, 1996. – 220 с.

10. Шостром, Э. Анти-Карнеги или человек манипулятор / Э. Шостром ; пер. с англ. А.М. Малышевой. – М. : ТПЦ «Полифакт», 1992. – 128 с.

Дата поступления в редакцию: 24.06.2022

УДК 811.161.1.276.45

В.Л. Голубев

СОВРЕМЕННАЯ КАРТИНА ВОРОВСКОГО АРГО

Рассматриваются вопросы возникновения, существования арго воровских сообществ, тенденции его развития, лингвистические и психологические аспекты воровской речи.

Ключевые слова: воровское арго, тайна языка, магия воровской речи, специфика воровской речи, семантика и морфология социально-корпоративного арго, воровской язык жестов, экспансия воровского слова.

V.L. Golubev

A MODERN PICTURE OF THIEVES' SLANG

The issues of the emergence and existence of Argo of thieves communities, trends in its development, linguistic and psychological aspects of thieves' language are considered here.

Keywords: thieves' Argo, secret of language, the magic of thieves' language, the specifics of thieves' language, semantics and morphology of social-corporate slang, thieves sign language, expansion of thieves word.

Арго (фр. argot) – это речь определенных социально замкнутых групп, одной из которых является воровская среда, т. е. среда воров-профессионалов, среда деклассированных элементов.

Первые сведения о бытовании этой речи в Европе относятся к концу XV–XVI вв. Возникающие города, наполнение их разоряющимся крестьянством создали благоприятные условия для формирования групп и небольших сообществ по интересам, которые не совпадали с законными интересами граждан и даже характеризовались враждебным отношением к нормальному обществу. Воровская среда вписалась в легальное общество, опираясь на его противоречия и позарилась на институт «свя-

щенной» частной собственности. Именно в этой, кастово замкнутой, среде возникли воровская идеология и речь.

Сравнивая лексику современного аргю с условными языками, имеющими более длительный срок существования, можно сделать вывод о том, что большая часть отвлеченных понятий в аргю обозначается словами, заимствованными из этих языков.

Многонациональность преступного мира, возникшая в процессе развития и выделения различных «воровских» специальностей, привела к проникновению в общеворовское аргю тюркизмов (туфта, башли), цыганизмов (тырить, хавать), семитизмов (шмон, гамура, гомэра), территориальных диалектизмов и заимствований из языков – доминант данного региона – белорусизмов, украинизмов («одесский язык», «портовый язык»), полонизмов и др.

Одним из важных в исследовании воровского аргю является вопрос об условном и тайном его характере. В современной литературе или признается искусственность, надуманность, тайный смысл зашифрованности речи, или рассматривается естественный эволюционный путь ее возникновения и развития. С одной стороны, воровская речь позволяет соблюдать конспирацию, отличать «своих» от «чужих». На блатном языке принято говорить между «своими» без посторонних. С другой стороны, воровской говор может выдать вора и разоблачить предпринимаемое им действие. В-третьих, состояние общества в настоящее время таково, что часть воровского сообщества нагло демонстрирует свою принадлежность к нему, «гордится этим» и руководствуется принципом «Не пойман – не вор» [1].

Воровская речь насыщена словами и выражениями, которые лишь слегка видоизменяют обычное русское значение. Смысл большинства этих слов понятен, поэтому назвать аргю «засекречиванием» в полном смысле нельзя.

В последние два-три десятилетия воровская лексика наполнилась многочисленными жаргонизмами, сокращенными и двусмысленными инозаимствованиями, новым образным смыслом, соответствующим реалиям нынешней действительности. Поэтому часть воровского аргю делается менее понятной для посторонних: калан-пешина (тройная ставка), калхат (сотрудник милиции), рейс (предупреждение), сянцы (покерные карты), тиг (нож), шмаер (пистолет), эйгер (замок), эрзац-песок (соль) и т. п.

Социально-корпоративная лексика воровского мира, представленная в распространяемых с помощью компьютеров словарях, насчитывает от 7,5 тыс. и более словесных единиц. Поэтому делать вывод о тайном характере воровского аргю некорректно.

Следует отметить, что все-таки в воровской среде существуют тайные, условные языки, которые создаются для тайных переговоров накануне планирования «воровских предприятий». Этот язык редко выходит за пределы шайки и редко живет более нескольких месяцев. Такой язык носит название «маяка». В принципе – это его шифр [2].

Блатной язык для вора так же естественен, как любой другой профессиональный сленг.

Изобличенные в преступлениях вору на допросах прибегают к тактике запирательства, не дают никаких сведений о воровской среде, ее быте, языке. И это обстоятельство не обязывает нас думать о воровской речи как тайной.

Если сравнивать семантику русской воровской речи и воровской речи в европейских странах, то складывается впечатление о стереотипности, ибо в основе многих воровских понятий лежат одни и те же представления, эмоциональная окраска, совпадение мышления, однотипность словообразования.

Перечисленные факторы соответствуют понятиям «примитивизм», «первобытность». Ведь в воровской среде первобытная ментальность проявляется во враждебном отношении к тем, кто не вор, «охотничьи» приемы деятельности, бродячая жизнь, огромная роль личных качеств и «естественных условий» для своей деятельности, общее потребление и т. п.

Воровская среда живет традициями, обычаями. Вору склонны принимать чужую установку, они психически несамостоятельны, поведение их носит инфантильные формы. В воровской среде бесчисленное количество правил, норм, понятий о «приличии». Существует сложная иерархия подчинения. Воровской суд жестко карает нарушителей своего кодекса поведения. За внешней распушенностью воров скрываются предусматривающие все, вплоть до мелочей, правила поведения, коллективные представления [3].

Отличием воровского мышления является суеверное отношение к своему делу, так как оно подвержено всяким случайностям и риску. Вору верят в сны, приметы, предзнаменования, гадания, в том числе на картах (штос). Плохие приметы – повод отказаться от предстоящего дела. Игра в карты превратилась в своеобразный культ. Фартовых картежников (даже шулеров) охотно принимают в воровскую шайку, в надежде, что шайке подфартит.

Говоря о воровском аргю, следует также заострить внимание на магии его слова. Выступая своеобразным инструментом, орудием воров, слова прежде всего должны вызывать эффект у окружающих. Воровские слова – сигналы в виде коротких выкриков («ша», «дербажить», «калякай»,

«стрёмь», «не кипятаться», «не каркай», «разбредуха», «тырь», «расхлись» и т. д.) – стереотипны на большом географическом пространстве и одновременно призывают или приказывают совершать определенное действие. Достаточно примитивно указать на ситуацию, чтобы характер был ясен. Воровское слово не способно раскрыть какое-либо новое содержание, оно лишь указывает на конкретный факт [4].

Воровские слова – сигналы распространяются в воровской среде и имеют место только при развитых коллективных представлениях, при стереотипных нормах поведения и реакциях воров. Малейшее нарушение «правил» воровского сообщества может привести к расшатыванию всего языкового склада этой среды.

Несмотря на связь воровского образа жизнедеятельности с современностью, все же существует подсознательная вера в силу, которая воздействует на различные предметы, явления. Вера в приметы является достаточно прочной.

Делая свою роль действенной, представители воровской среды буквально пересыпают ее нецензурной лексикой, носящей откровенно эротико-порнографический и циничный характер. Подобная брань ни к кому не обращена, она просто подкрепляет или заменяет воровское слово. Но если она направлена на сотоварищей, то воспринимается как унижение и оскорбление, которое может закончиться кровавой развязкой.

Скрытая вера в магическую силу слова содержится в воровской клятве («божба»), к которой воры прибегают довольно часто: «не забуду мать родную», «лягавым буду», «сука буду, не забуду» и др.

Магия слова, расчет на публику придают вору необходимые внутренние силы для риска.

Еще одним словесно-речевым проявлением стали повествования воров о своих подвигах-проделках. В этой бытовой ситуации не важна правда, истинность не играет никакой роли. Разрешается врать, жульничать, играя в карты. Останавливать и избличать рассказчика во лжи считается оскорблением, нарушением «блатного достоинства». Возражать возможно только тем, у кого «рыльце в пушку» [5].

В качестве наказания за неудачное возражение может быть изгнание из своей среды или запрет на хвастовство. Ведь хвастать – значит укреплять самообладание, уверенность, внутренние силы, закреплять свою силу над подчиненной шайкой: «сизу на нарах, как король на именинах».

Подобное хвастовство характерно для песен и фольклора, которые распространяются и в сети Интернет. Они часто выступают фоном времяпрепровождения преступных элементов, где постоянной атмосферой

являются употребление алкоголя, наркотиков, азартные игры, разврат. Предпочитается довольно громкая музыкальная какофония, чтобы стимулировать беспричинное возбуждение и агрессию или снимать эмоциональное напряжение. Вора по душе тюремно-воровская и блатная песенная лирика, жаргонная лексика, отражающая их «систему ценностей». В ходу у них романтическая поэтизация воровской и тюремной жизни, в которой делается попытка морального оправдания и философского обоснования преступного поведения персонажа, в тексте он описан как хороший человек, совершивший преступление под давлением внешних обстоятельств или случайно, несправедливо осужденный и несчастный. Воры, преступники, матерые уголовники предстают в текстах мужественными, благородными героями или невинными жертвами чужой подлости. Подобные тексты представителей воровского сообщества бодрят и укрепляют преступное сознание.

Культом слова, придающий ему магический характер, проявляется в кличке, которую принимают раз и навсегда. Кличка – необходимый атрибут вхождения в воровскую среду. Преступник татуирует кличку или ее символ на своем теле и не убирает ее даже тогда, когда она становится известной даже правоохранительным органам. В кличке заключается своеобразная гордость, воровская «честь». Кличка – предмет бережного охранения. Большинство кличек отражает какие-либо достоинства их носителя. Иногда в наказание за воровство утверждается кличка, которая «ставит крест» в карьере на сложной лестнице преступной иерархии.

В основе преступного мировоззрения лежит представление о двух враждебных началах: «свое» и «чужое», «урки» и «мурки». И слова преступный элемент также делит на «свои» и «не свои». Свои для себя, а слова, вышедшие из воровской среды в общий обиход, перестают быть своими («босс», «валюта», «дать маху», «железно», «иметь зуб», «мясо-рубка», «лох», «майдан», «повесить лапшу на уши», «фраер» и др.).

Воровская речь должна выделять из массы людей «своего». Употребление «не своих» слов считается ззорным.

Таким образом, в воровской речи просматриваются элементы примитивизма, магии, суеверия.

С одной стороны, речь создает вору атмосферу приподнятости, пафосности, доказательство его принадлежности к сообществу подобных, с другой – заставляет его быть осторожным, носит отпугивающий, устрашающий, циничный характер.

В чем специфика воровской речи как магической? Пожалуй, в экспрессивно-эмоциональной насыщенности. Вор схож с человеком ранних эпох тем, что его психика не позволяет отделять возникновение идеи от

возникновения чувств и эмоций. Он с трудом подавляет импульсы, потому его речь носит импульсивный характер. Между моментом рождения эмоции и произнесения слова почти нет временного промежутка. Именно перенесение эмоционального отношения к предмету на слово позволяет выделить в эмоционально-экспрессивной функции речи сущность магии, т. е. отождествление в сознании говорящего предмета и слова, его обозначающего.

В отличие от эмоционально-экспрессивной функции речи – интеллектуальная основана на строгом разделении слова и предмета. Следует отметить, что эмоционально-экспрессивная функция характерна для речи тех групп, которые тесно не связаны с промышленным производством, управлением, а наоборот, чей воровской успех зависит от удачи, случая, ловкости, изворотливости.

Вульгаризация речи неприятно поражает каждого человека. В качестве примера приведем несколько образчиков эмоциональной речи представителей этой среды: «шевелить рогами» (вмешиваться в чужие дела; действовать незаконно), «забить стрёму» (находиться в состоянии готовности к действиям; готовность к охране соучастников во время преступления), «кашлянуть на мобилу» (позвонить, сообщить), «бить понты» (притворяться; возвышать себя в глазах окружающих), «поднять кипиш» (драка, шум, скандал, вечеринка), «грузить лоха» (надуть глупого, потерпевшего, рассеянного человека).

Многие слова воровской речи носят «метафорический» смысл и больше воздействуют на эмоции, чем на разум.

Воровской социально-корпоративный словарь включает в себя всю воровскую идеологию, все коллективные представления и коллективные эмоции. Не зная точно употребления и смысла воровских слов, нельзя не только завоевать себе «место под солнцем», но и добиться расположения к себе, получить признание.

Не приходится говорить также о разнообразии эмоций воровской речи. Доминируют в основном две эмоции: положительная и отрицательная.

Воровская речь эмоционально приподнята и даже патетична. В ней преступник чувствует себя героем.

В некоторых случаях, чтобы выразить презрение к «шпане», воровская речь употребляется для снижения значения, вульгаризации.

Значительная часть воровского лексикона попадает в иную среду, например, в молодежную, армейскую, милицмейскую и другую, здесь к воровскому слову относятся несерьезно, с озорством, слово теряет приподнято-блатной смысл, как бы растрчивает свою силу. Приходится обращаться к языкотворческой миссии экспрессивной тенденции,

чтобы создать новые слова и вернуть им утраченную мощь, иногда добавляя хлесткости.

Активная лексика профессионального преступника составляет 200–300 слов. Понимает он, конечно, значительно больше. Многие слова живут недолго и только лишь некоторые выживают и являются лексическим ядром.

Говоря о морфологических признаках арга, следует принимать во внимание, что ряд речевых образований выступают как междометия, часть слов почти не склоняются, некоторые существительные употребляются только в именительном падеже единственного или множественного числа, распространены вспомогательные глаголы («заговаривать зубы» вместо сбивать с толку; «иллюзию качать» вместо слова «небылица»; «сделать побег» вместо бежать и т. д.). Чаще всего «вспомогательными глаголами» являются «дать», «делать», «держать», «брать», «взять», «качать» и некоторые другие.

О воровском арге невозможно рассуждать вне связи с невербальным языком – языком жестов. Он как «тайный» язык возник, вероятнее всего, в тюрьмах в целях передачи информации через окно на расстояние. Передаются или буквы, или целые слова, по примеру моряков или глухонемых. Этот способ переговоров называется «маяком» или «светом».

Вор боится произнести лишнее, боится выдать себя, боится произнести запретные слова – табу, речь напряжена. Поэтому жест приходит на помощь, как разрешение этого напряжения. Нельзя вслух называть такие слова, как пистолет, кража, стрелять, грабить и др. Пальцами руки, ладонями, движениями рук, постукиваниями, корпусом тела делаются намеки на действия, которые необходимо выполнить в указанных обстоятельствах.

Все это означает, что жест есть мускульно-моторное восприятие слов, связанное с запретом на некоторые слова и фразы. Он снимает напряжение и свидетельствует о близости и неразличимости в сознании преступников слов и предметов, слов и действий.

Таким образом, единого воровского языка не существует в силу отсутствия многочисленных взаимосвязей, характеристик, истоков, тенденций, характерных для обычного языка человеческого общения. Кроме того, воровская среда не знает единой языковой системы. Можно лишь вести речь о некоей узкой части или тенденции в бытовании всего народного языка. Арга воровского сообщества примитивно и свидетельствует лишь о «внутреннем прогрессе», а в целом же оно в сопоставлении с языковыми тенденциями развития общества регрессирует.

Об этом говорят такие явления, как консерватизм, магическое сознание носителей арго, языковой примитивизм, патология языка, и в целом данное явление имеет исключительно отрицательное значение.

Важно также упомянуть о необычайной экспансии воровского слова за пределы собственной среды. К сожалению, воровское арго звучит со сцены, экранов телевизоров, в такси, в устах молодежи. Даже сотрудники органов внутренних дел смешали свой профессиональный сленг с воровским арго. Наша задача – интенсифицировать процесс отставания чистоты речи правоохранителей, исчезновения арготизмов из их лексики.

Список использованных источников

1. Голубев, В.Л. Риторика: речевой потенциал сотрудника органов внутренних дел : практ. пособие / В.Л. Голубев, О.В. Бурибо ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 299 с.
2. Лихачев, Д. Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д. Лихачев. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР ; Ин-т языка и мышления им. Н.Я. Марра, 1935. – С. 47–100.
3. Щербакова, О.И. Социально-корпоративная лексика. Словарь жаргона преступников : учеб. пособие / О.И. Щербакова, Е.Г. Бруева. – Минск : Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1994. – 210 с.
4. Грачев, М.А. Блатной жаргон в повседневной речи / М.А. Грачев // Наука и жизнь. – 2008–2009.
5. Грачев, М.А. Аффiliation / М.А. Грачев // Рус. речь. – 2020. – № 1. – С. 91–101.

Дата поступления в редакцию: 13.01.2022

УДК 005.32(075.8)

Н.А. Дубинко

САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются вопросы эффективности управленческой деятельности, проанализированы методологические подходы к определению управленческого труда, выявлены концептуальные понятия по исследуемой проблеме. Применение экспериментального игрового моделирования позволило проанализировать компетенции руководителей в области самоорганизации деятельности, выявить оптимальную структуру информационного взаимодействия руководителя, определить содержание видов управленческих действий, выявить оптимальность временных затрат на выполнение различных видов работ.

Ключевые слова: управленческая деятельность, самоорганизация, управленческие действия, информационное воздействие, информационный барьер.

Н.А. Дубинко

SELF-ORGANIZATION AS AN INDICATOR OF THE EFFECTIVENESS OF MANAGEMENT ACTIVITIES

The article discusses the issues of the effectiveness of managerial activity, analyzes methodological approaches to the definition of managerial work, identifies conceptual concepts on the problem under study. The use of experimental game modeling made it possible to analyze the competencies of managers in the field of self-organization of activities, to identify the optimal structure of information interaction of the head, to determine the content of types of managerial actions, to identify the optimality of time spent on performing various types of work.

Keywords: managerial activity, self-organization, managerial actions, information impact, information barrier.

Совершенствование процесса государственного управления предполагает в первую очередь самосовершенствование носителя управленческой власти. Психология управления как наука входит в систему психологического знания и в систему управленческого знания, находится на их стыке. Первоочередной проблемой психологии управления является познание и прогнозирование психологического состояния объекта управления с точки зрения его управляемости, определение психологического состояния субъекта управления, его всесторонняя психологическая характеристика [1, 4, 6].

Целью управленческой деятельности является обеспечение эффективного функционирования определенной организационной системы, принадлежащей к особому социотехническому типу систем. Социотехнические системы качественно разнородны по составу своих компонентов, но, как минимум, включают «технологическую» и «человеческую» составляющие, поэтому труд руководителя, с одной стороны, направлен на обеспечение технологического процесса, а с другой – на организацию межличностных взаимодействий своих подчиненных [2, 5].

Самоорганизация работы руководителя включает такие компоненты, как *обработка информации, умение планировать собственное время, установление приоритетов решаемых задач, правильное распределение своих усилий* [3, 7, 8]. В целом обозначенные проблемы констатируют возникшую необходимость изучения компетенции руководителя по самоорганизации собственной деятельности. Для достижения поставленной цели были разработаны методические рекомендации по органи-

зации игрового моделирования. Исследование проводилось на базе Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь. В исследовании приняли участие 153 слушателя: со стажем управления от 5 до 10 лет – 63 человека, от 10 до 15 лет – 55, свыше 15 лет – 35. Игровое моделирование включает в себя четыре этапа и содержит целевые установки.

Этап 1. Структура информационного взаимодействия.

Цель: выявить оптимальную структуру информационного взаимодействия. Определить, имеет ли место недогрузка/перегрузка информацией.

Под управленческой информацией будем понимать определенные новые сведения, совокупность некоторых данных, знания о фактах, событиях или состояниях управляемого объекта. Модель информационного потока представлена на рис. 1.

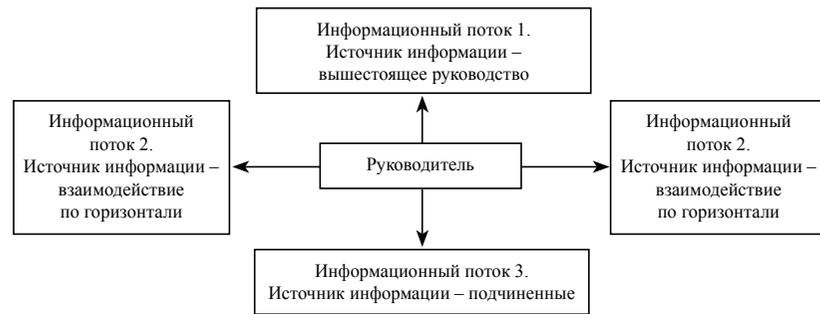
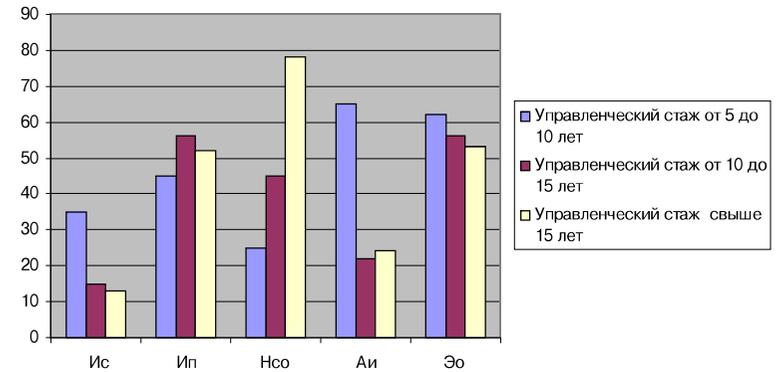

Рис. 1. Модель информационного потока

Информационная система управления информацией должна обеспечить полноту информации для каждого звена информационной системы, которая определяется как отношение информации, полученной к необходимой, для управления. Полезность и ценность информации выступают важнейшим компонентом управленческих решений, а неточность и недостоверность информации увеличивают риск ошибок и неверных решений. Немаловажное значение приобретает своевременность поступления информации.

В результате проведенного анализа информационных потоков слушатели выделили ряд информационных барьеров, препятствующих принятию оптимальных или рациональных управленческих решений, что влечет за собой снижение эффективности управленческой деятельности (рис. 1).

Примечание: Ис – искажение сообщений, Ип – информационные перегрузки, Нсо – неудовлетворенная структура организации, Аи – агрегируемость информации, Эо – эффективность обработки.

Рис. 2. Показатели проявления информационных барьеров

Как видим из рис. 1, для слушателей со стажем управления до 10 лет основными информационными барьерами являются агрегируемость информации и эффективность обработки, тогда как для слушателей со стажем свыше 15 лет это не является проблемой. Агрегируемость информации рассматривается как рациональное распределение информации по уровням информационного взаимодействия, либо уровням иерархии управления. При наличии небольшого управленческого опыта можно прогнозировать сбой в поставке информации по каналам передачи, так как на высшие уровни управления должна поступать все более обобщенная информация, на низшие – все более детализированная.

Для опытных управленцев основная причина снижения эффективности принятия решений при получении информации связывается с неудовлетворенной структурой организации, так как в организации многоуровневого типа растет вероятность искажения информации, возникает больше информационных потерь. Исходя из этого, руководители видят выход в структурах с малым числом уровней управления и каналами сравнительно прямого информационного обмена. Для руководителей со стажем от 10 до 15 лет характерен барьер информационной перегрузки. Руководитель, поглощенный большими объемами информации, не способен эффективно использовать вновь поступающую информацию, иногда вынужден отсеивать менее важную информацию, по его оценкам, которые могут оказаться субъективными.

Более 54 % испытуемых, независимо от стажа управленческой деятельности, отмечают поступающую информацию как ненужную, непол-

ную, несвоевременную или избыточную. Одна из проблем при обработке информации – неумение использовать информационные технологии.

Этап 2. Перечень управленческих действий, обуславливающих деятельность в течение дня.

Цель: выявить, каков процент совершаемых действий осуществляется на уровне навыков и умений.

На данном этапе слушатели определяли содержание видов управленческих действий, результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика видов управленческих действий

Виды управленческих действий	Профессиональные задачи
Планирование (П)	Определение целей и планов преобразования управленческой ситуации, приоритетов значимости целей
Регулирование (Р)	Руководство как управление человеческими ресурсами по реализации управленческого решения в рамках, заданных программой, планом, инструкциями
Организационно-исполнительные (Ои)	Реализация и исполнение управленческого решения с учетом имеющихся людских и материальных ресурсов. Исполнение решения
Координирующие (К)	Координация действий участников исполнительской деятельности, распределение функции и ролей. Организация сотрудничества и партнерства
Контролирующе-учетные (Ку)	Выявление несоответствия хода и результатов организационно-исполнительной деятельности принятым решениям. Оценка эффективности управления по совпадению поставленных целей и полученных результатов
Инновационно-исследовательские (Иис)	Нахождение нестандартных путей разрешения управленческой ситуации и реализации управленческого решения
Экспертно-консультационные (Эк)	Оценивание управленческого решения и путей его реализации на основе профессионального опыта. Рекомендации, консультации по оптимизации управленческой деятельности

На протяжении рабочего дня руководитель для выполнения поставленных задач применяет управленческие действия как на уровне навыков, так и на уровне умений. Опыт и стаж работы прямо пропорциональ-

но связаны с навыком выполнения управленческих действий, так как навык носит автоматизированный характер выполняемой работы. Умение направлено на совершенствование и повышение качества выполняемой работы. Анализируя выполнение управленческих действий на уровне навыков и умений, слушатели проявили следующие показатели (табл. 2).

Таблица 2

Показатели средних значений выполнения управленческих действий на уровне навыков и умений

Вид управленческих действий	Управленческий стаж от 5 до 10 лет		Управленческий стаж от 10 до 15 лет		Управленческий стаж свыше 15 лет	
	Навык	Умение	Навык	Умение	Навык	Умение
Информационно-аналитические (Иа)	0,12	0,45	0,23	0,78	0,89	0,34
Планирование (П)	0,55	0,65	0,56	0,43	0,85	0,34
Регулирование (Р)	0,23	0,76	0,78	0,54	0,75	0,43
Организационно-исполнительные (Ои)	0,44	0,54	0,67	0,19	0,78	0,23
Координирующие (К)	0,41	0,67	0,87	0,32	0,93	0,22
Контролирующе-учетные (Ку)	0,12	0,78	0,57	0,55	0,80	0,22
Инновационно-исследовательские (Иис)	0,11	0,98	0,78	0,74	0,34	0,98
Экспертно-консультационные (Эк)	0,12	0,56	0,43	0,88	0,23	0,86

Как видим из табл. 2, руководители со стажем от 5 до 10 лет чаще всего осуществляют деятельность на уровне умений, что требует постоянного контроля и напряжения как умственного, так и эмоционального. Руководители со стажем от 10 до 15 лет способны распределять свои ресурсы, в одинаковой степени используя и навыки, и умения, тогда как руководители со стажем свыше 15 лет выполняют управленческие действия на уровне навыков, умения используют при решении проблемных ситуаций.

Слушателями были проанализированы *неэффективные приемы* выполняемых действий: неумение выделить приоритетные цели, перегрузка информацией ведут к несвоевременной постановке проблемы, неполный прогноз развития ситуации, установка на жесткие планы, преобладание краткосрочных планов и формальное составление долгосрочных планов и др.

Этап 3. Основные виды выполняемых работ по совокупности выполняемых действий.

Цель: выявить, насколько оптимальны временные затраты на выполнение различных видов работ.

Анализ деятельности и времени как процесс контроля означает сравнение фактического использования времени в течение рабочего дня и недели с запланированным. Методы исследования затрат времени на управленческие процессы могут классифицироваться по ряду признаков. Слушателями анализируются значимые виды управленческих действий, выявленные на предыдущем этапе игры, и производится расчет коэффициентов расхода времени по четырем критериям.

1. А – целесообразность выполнения видов управленческих действий. Сосчитать продолжительность управленческих действий, по которым дается ответ «Нет» (Ан). Расчеты производятся по формуле:

$$K1 = (A_n / ПР) \times 100 \%, \quad (1)$$

где ПР – общая продолжительность выполнения управленческой деятельности.

2. Б – оправданность затрат времени на управленческие действия (Бн).

$$K2 = (B_n / ПР) \times 100 \%, \quad (2)$$

3. В – необходимость использования именно данных видов управленческих действий (Вн).

$$K3 = (B_n / ПР) \times 100 \%, \quad (3)$$

4. Г – порядок определения расхода времени на каждый вид управленческих действий (Гн).

$$K4 = (G_n / ПР) \times 100 \%, \quad (4)$$

Результаты проведенного анализа позволили определить сильные и слабые стороны руководителя (рис. 3).

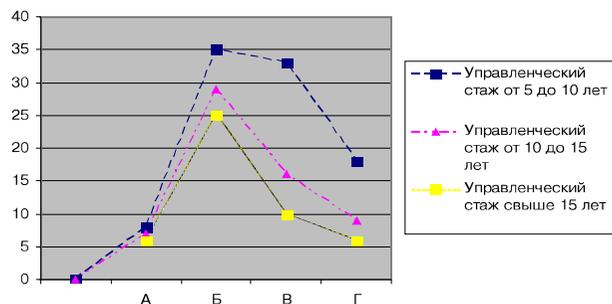

Рис. 3. Показатели коэффициента расхода рабочего времени

В результате интерпретации данных за норму расхода времени принимался показатель коэффициента не более 10 %. Как видим, «целесообразность выполнения видов управленческих действий» (параметр А), которые связаны с делегированием полномочий и установлением приоритетов в выполнении управленческой деятельности, практически в норме у всех испытуемых, что свидетельствует о высоком уровне развития данной компетенции.

Следует обратить внимание на параметр Б «оправданность затрат времени на управленческие действия», так как все слушатели независимо от стажа управленческой деятельности показали коэффициент свыше 10 %. По мнению слушателей, объяснение данного показателя состоит в том, что не анализируется фактор «пожирателей времени». К данному фактору были отнесены бесполезные телефонные звонки, незапланированные оперативные совещания у руководства, искажение информации по вертикали, неконкретная постановка задач для подчиненных. Слушатели установили интервал времени «дорогостоящих помех» – от 45 минут до 2–3 часов, исходя из этого показателя их рабочий день может затягиваться до 10–12 часов, что снижает эффективность управленческой деятельности.

Параметр В – «необходимость использования именно данных видов управленческих действий» – позволяет найти причину неэффективности использования рабочего времени, так как руководителю необходимо уделить внимание организации и самореализации деятельности. Данный параметр находится в норме проявления у слушателей, управленческий стаж которых свыше 15 лет.

Параметр Г – «порядок определения расхода времени на каждый вид управленческих действий» – свыше 10 % (у руководителей со стажем до 10 лет). Это свидетельствует о том, что момент исполнения решения был определен спонтанно, не уделяется должное внимание планированию и подготовке к рабочему дню.

Таким образом, профессиональная успешность личности руководителя обусловлена специфическими условиями особого вида профессионального труда – управленческой деятельности. При этом достижение эффективности руководителя в своей профессиональной сфере представляет взаимосвязанный двусторонний процесс. С одной стороны, осуществление непосредственных функций управления, которые направлены на организацию деятельности подчиненных, планирование, контроль, с другой – руководитель выступает как самоорганизующая система, деятельность которой направлена на оптимизацию собственной деятельности. Овладение руководителем процессами самопознания, самоконтроля, саморазвития, самореализации – неперемнное условие развития аутопсихо-

логической компетентности. Применение игрового моделирования в процессе переподготовки слушателей по анализу собственной деятельности позволило им скорректировать свои управленческие действия, изучить опыт коллег по эффективному планированию собственной деятельности, расширить диапазон компетенций по обработке информации, оптимизировать временные затраты на управленческие действия.

Список использованных источников

1. Деркач, А.А. Развитие аутопсихологической компетентности государственных служащих / А.А. Деркач, Л.А. Степнова. – М., 2003. – 272 с.
2. Дубинко, Н.А. Психология профессиональной деятельности руководителя : пособие / Н.А. Дубинко. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 226 с.
3. Дубинко, Н.А. Психолого-акмеологические особенности определения профессионально важных качеств руководителя / Н.А. Дубинко // Акмеология. – 2007. – № 3 (23). – С. 92.
4. Ивашкин, А.Г. Закономерности и социально-психологические детерминанты профессиональной успешности личности муниципального руководителя / А.Г. Ивашкин // Вестн. Ун-та РАО. – 2007. – № 3. – С. 34–42.
5. Управление организацией / М.В. Петрович [и др.] ; под науч. ред. М.В. Петровича. – Минск : Дикта, 2008. – 864 с.
6. Машков, В.Н. Практика психологического обеспечения руководства, управления, менеджмента / В.Н. Машков. – СПб. : Речь, 2005. – 304 с.
7. Amabile, T.M. Effects of externally imposed dead lines on subsequent intrinsic motivation / T.M. Amabile, W. DeJong, M.R. Lepper // J. Pers. Soc. Psychol. – 1976. – V. 34.
8. Sigelman, C.K. Lifespan human development / C.K. Sigelman, D.R. Shaffer. – Grove, 1989. – 714 p.

Дата поступления в редакцию: 20.06.2022

УДК 316.614

Т.В. Казак, Л.Л. Шершень

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ К УСЛОВИЯМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Раскрываются основы концепции психосоциальной адаптации молодых сотрудников. Опираясь на концепцию Ж. Пиаже, раскрывается принципиальная схема человеческой деятельности. Излагаются и обосновываются принципы и

общие цели излагаемой концепции. Значительное внимание уделяется раскрытию основополагающих принципов профессионального обучения сотрудников, которое позволяет осуществить эффективную психосоциальную адаптацию.

Ключевые слова: концепция, социальная среда, адаптация, ассимиляция, аккомодация, самоприспособление, принципы.

T.V. Kazak, L.L. Shershen

THE CONCEPT OF PSYCHOSOCIAL ADAPTATION OF YOUNG EMPLOYEES TO THE CONDITIONS OF PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article reveals the basics of the concept of psychosocial adaptation of young employees. Based on the concept of J. Piaget, reveals the basic scheme of human activity. The principles and general objectives of the presented concept are stated and justified. Considerable attention is paid to the disclosure of the fundamental principles of professional training of employees, which allows for effective psychosocial adaptation.

Keywords: concept, social environment, adaptation, assimilation, accommodation, adaptation itself, principles.

Разработка методологически обоснованного концептуального аппарата психосоциальной адаптации (ПСА) молодых сотрудников органов внутренних дел (ОВД) к условиям деятельности предполагает изучение комплекса связей и отношений, в которые вовлечен индивид и которые устанавливаются им не только в период собственно адаптации к деятельности, но и в процессе профессионального обучения и вообще жизнедеятельности в этот период.

Исследователи в целом единодушны в том, что адаптация – это сложный интегральный процесс, на который решающее воздействие оказывают свойства человека как целого, праксис, гнозис, информированность, психодинамика, осмысление половозрастной принадлежности в связи с требованиями профессии и т. п. [1–5]. Особое значение в адаптации, на наш взгляд, приобретают составляющие формируемого профессионализма – мотивационная и операциональная. Эти составляющие, возможно, оценить как по отдельным критериям (объективным, субъективным, качественным, количественным, прогностическим и т. п.), так и их совокупностями.

Изучение научной литературы показывает, что парадигмы адаптации являются общераспространенными в изучении человеческой деятельности. Иными словами, человеческая деятельность в психологической науке, преимущественно, рассматривается в рамках парадигм адаптации.

Примером может служить концепция Ж. Пиаже, в которой развитие и функционирование интеллектуальной сферы описывается как процесс взаимодействия субъекта с объектом, служащий цели адаптации, а адаптивная активность осуществляется в процессах ассимиляции субъектом объекта и аккомодации субъекта к объекту [6].

Не углубляясь в детали концепции Ж. Пиаже, отметим лишь то, что адаптация у него представлена в качестве активного процесса, включающего, с одной стороны, трансформацию объекта и его сообразование познавательным схемам субъекта (ассимиляция), и с другой – уподобление, своеобразное «пристраивание» познавательной схемы или структуры к характеристикам объекта. Полагаем, необходимо указать, что взаимосвязи индивида с социумом могут включать в себя два полярно противоположных вида активности – адаптацию и преобразование. Таким образом, человеческая деятельность включает в себя две полярные, но не альтернативные разновидности активности – адаптивную и преобразовательную активность. Каждая из них, в свою очередь, включает моменты ассимиляции объекта и аккомодации к нему (рис. 1).

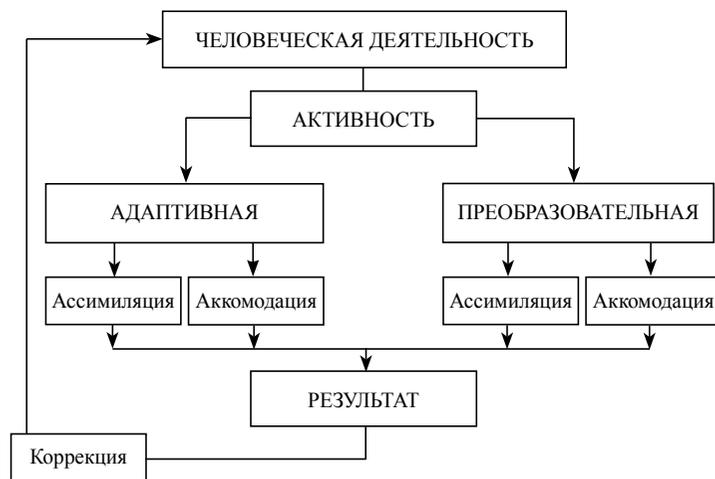

Рис. 1. Принципиальная схема человеческой деятельности

Отмеченное дает нам основание говорить о том, что, по-видимому, наиболее разумное решение вопроса о модальности взаимодействия личности с социальной средой лежит в плоскости рассмотрения адаптивной активности во взаимосвязи с координирующей и коррелирующей ее преобразовательной активностью. Помимо этого важно отметить и то обстоятельство, что адаптивная активность нередко рас-

сматривается преимущественно в разрезе приспособления человека к окружению. Однако при этом недооценивается значение того значимого факта, что перед личностью постоянно стоит задача приспособиться не только к экзогенным событиям (явлениям и событиям, происходящим во внешнем мире), но и к трансформациям собственного внутреннего мира (к собственным поступкам и действиям, к их результатам, к своим недостаткам и достоинствам); иными словами, то обстоятельство, что для индивида актуальна не только задача приспособления к окружению, но и задача самоприспособления (СП), упускается из виду.

Между тем именно СП относится к числу важнейших детерминантов деятельности личности вообще и познавательной активности в частности. С этой точки зрения, одна из причин просчетов в деятельности по адаптации – крайность, проявляющаяся в игнорирование роли СП и ПСА личности. Стало быть, принципиальнейшим моментом следует считать разработку и использование такого инструментария, который бы побуждал личность к самоадаптации, и не просто к СП к условиям жизни и деятельности конкретного социума, а к ПСА в конкретных условиях деятельности ОВД.

Адаптивная активность личности не ограничивается направленностью на социальное окружение, ее объектом является также внутреннее состояние, собственные характерологические признаки, свои недостатки и достоинства, свой же выбор и решения, собственный поступок и его результаты. Можно перечислить многие проявления тенденции СП, такие как самопрятие, снисходительность к себе, самопоследовательность, самоуверенность и т. д. Им противостоят самонеприятие, отсутствие снисходительности к себе, непоследовательность выбранной стратегии действий относительно самого себя, неуверенность в своих силах и внутрличностных сомнениях, угрызания совести и чувство вины и т. п. Вообще трудно переоценить значение тенденции адаптироваться к своему выбору и решениям в регуляции деятельности личности, в формировании и смене установок. Недаром столь много исследований посвящено феноменам когнитивного диссонанса, в которых, после Л. Фестингера, наиболее детально отражаются конкретные стратегии самоадаптации в сфере личностного выбора и принятия решения.

Основу концепции составляют результаты углубленного анализа образовательных ценностей, потребностей и мотивов молодежи, курсантов и слушателей учреждений высшего образования (УВО) Министерства внутренних дел Республики Беларусь (МВД) и молодых специалистов ОВД, существенных, содержательных характеристик компонентов

современного профессионального обучения и профессиональной деятельности, особенностей действия закона общественно-социальной (национальной) обусловленности целей, содержания и методов обучения в государственной высшей школе. Исходный постулат концепции состоит в том, что в современном государстве, трансформирующем социально-политическую и экономическую систему, обучение в государственном УВО и профессиональная деятельность должны стать качественно иными, адекватными возможностям и условиям развития страны, соответствующим запросам «потребителей» высшего образования МВД (общества, ОВД и личности) и специалистов ОВД. Что касается основных принципов концепции ПСА молодых специалистов, то они следующие:

ПСА молодых специалистов ОВД к условиям деятельности в структурных подразделениях ОВД представляет собой сложный и не однопорядковый процесс приспособления личности к условиям деятельности с учетом целей и задач функционирования ОВД, при котором максимизируется эффективность деятельности структурных подразделений ОВД благодаря энергетической, психологической, нравственной мобилизации профессиональной деятельности молодых специалистов. Наиболее успешно этот процесс протекает у индивидов, личностные свойства которых полностью соответствуют требованиям профессиональной деятельности (обучения). Тем не менее скорость и эффективность адаптационных процессов и у таких молодых людей, число которых относительно невелико, значительно повышается при условии целенаправленного, перманентного и взаимосвязанного психологического регулирования, сопровождения, поддержки и корректировки этого процесса;

профессиональное обучение должно быть общественно-социальным (национальным), институционально ориентированным, а потом личностным. При согласовании общественно-социальных (национальных), институциональных и личных образовательных ценностей, приоритет отдается общественно-социальным (национальным) идеалам и институциональным приоритетам. Именно и только такая структура аксиологических элементов государственного высшего образования МВД (профессиональной подготовки) создает необходимые условия для обучения, воспитания и развития специалиста ОВД с выраженной позитивной профессиональной мотивацией, соответствующими морально-психологическими ценностями, способного и, главное, готового трудиться в ОВД;

эффективную ПСА молодых специалистов к условиям деятельности в правоохранительных органах следует рассматривать как приоритетную цель и главный элемент их обучения, воспитания и развития в структуре ОВД (в УВО);

система ПСА молодых специалистов к условиям деятельности в ОВД должна базироваться на теоретико-методологической базе управления человеческим ресурсом и новейших достижениях науки;

деятельность по ПСА молодых специалистов к условиям деятельности в ОВД необходимо тесно увязать с усилиями всей системы МВД;

одним из основных направлений совершенствования ПСА молодых специалистов к условиям деятельности в ОВД должна стать перманентная актуализация и поддержка самоадаптации курсантов, слушателей и специалистов ОВД, что позволит, с одной стороны, обеспечить гарантированную и качественную их подготовку, а с другой – приблизиться к продуктивной, гуманистической парадигме образования и деятельности, обеспечить субъект-субъектные отношения между преподавателем и курсантами УВО, специалистом ОВД и наставником, специалистами и руководителями ОВД;

модели специалистов должны быть личностно-ориентированными, отражающими необходимость эффективной ПСА молодых специалистов к условиям деятельности в ОВД. Эти модели, будучи целью и критерием результата обучения в УВО, должны отличаться подробной разработкой личностной компоненты и наличием смыслов и целеполаганий молодого человека. При этом требование эффективной ПСА молодых сотрудников к условиям деятельности придает личностно-ориентированной модели специалиста целостный характер;

познавательные мотивы, интерес к содержанию обучения и деятельности не могут быть только средствами, обуславливающими эффективное усвоение знаний, умений и навыков, развитие личности курсантов и слушателей и совершенствование деятельности молодого специалиста. Необходимо обеспечить взаимную диверсификацию познавательных общеобразовательных и профессиональных мотивов, без которой невозможны осознание личной ценности высшего образования и высокий уровень ПСА курсанта в УВО, а затем и специалиста в ОВД;

решающее влияние на процесс ПСА молодых специалистов к условиям деятельности оказывается профессорско-преподавательским составом УВО, наставниками и руководителями в ОВД, что, в свою очередь, требует изменений в системе их подбора, расстановки, переподготовки. Тем не менее ПСА молодых специалистов к условиям деятельности в ОВД будет эффективнее и динамичнее при согласованных, взаимосвязанных усилиях всех должностных лиц УВО (ОВД).

Концепция ПСА молодых специалистов в состоянии обеспечить реализацию гуманистической парадигмы государственного высшего образования и деятельности в ОВД в условиях социально-политических

преобразований и транзитивной экономики государства. Смещение акцента учебно-воспитательной деятельности в сторону формирования и развития психологических качеств личности, общественно (национально) и институционально значимой мотивационно-ценностной направленности способствует трансформации типа социализации молодого специалиста в ОВД. При этом достигается достаточная степень его свободы в пределах существующих социально-политических и социально-экономических обстоятельств, создаются реальные условия для гуманизации образовательной и профессиональной практики, становления нового типа отношений (субъект-субъектных) между участниками образовательного процесса в УВО и профессиональной деятельности в структуре ОВД.

С учетом особенностей действия закона общественно-социальной (национальной) обусловленности целей, содержания и методов обучения в УВО МВД, исходного постулата и основных принципов концепции ПСА молодых специалистов, мы выделяем основные общие цели этой адаптации. Первая (общественно (национально) значимая, институциональная) цель – удовлетворение потребности общества в профессионалах правоохранительных органов МВД, соответствующих требованиям обеспечения внутренней безопасности государства и правоохранительной защиты граждан, гуманитарного, социального, научно-технического прогресса, обладающих развитым чувством патриотизма и личной ответственности за результативность правоохранительной деятельности. Вторая (социальная) цель – воспитание социально активной, социально адаптивной и социально мобильной личности с развитой профессиональной мотивацией, высокими морально-психологическими качествами, способной к эффективной правоохранительной деятельности. Третья (личная) цель – создание условий для эффективной самоактуализации личности, углубления и расширения образования, овладения профессиональной деятельностью и получения квалификации, позволяющей человеку трудиться в соответствии с его интересами и способностями.

Эти цели предопределяют качества личности, которые необходимо формировать (развивать) в ходе ПСА курсантов и слушателей к условиям обучения в УВО МВД, а затем и в период их адаптации к деятельности в ОВД. Одними из главных психологических качеств, обеспечивающих положительный результат образования и позволяющих считать его общественной и институциональной ценностью, являются профессиональная направленность и мотивация, а также способность к быстрой и эффективной адаптации к экзогенным условиям, которые могут быть сформированы, развиты и оценены современными психолого-педагогическими методами.

В соответствии с Концепцией ПСА молодых специалистов к деятельности в ОВД среди основополагающих принципов профессионального обучения можно выделить следующие:

приоритетной, основополагающей целью и главным результатом обучения в УВО МВД следует полагать формирование профессиональной направленности и способности личности молодого человека эффективно адаптироваться к условиям деятельности в ОВД;

в основу ПСА курсантов и слушателей (молодых специалистов) должна быть положена трансформация ценностно-мотивационной структуры личности и приведение ее в соответствие с целями и задачами обучения (профессиональной деятельности);

деятельность педагогов, наставников и должностных лиц в первую очередь должна быть направлена на активизацию самоадаптационной активности обучающихся и молодых специалистов, а также на развитие мотивационной составляющей компонентов системы обучения и адаптации;

в ходе учебного процесса (адаптации молодых специалистов) профессорско-преподавательскому составу (наставникам, специалистам и должностным лицам) необходимо концентрировать усилия по формированию, поддержанию и развитию у курсанта (молодого специалиста) внутренней мотивации к адаптации и СА, обеспечивая при этом взаимную трансформацию общеобразовательных, профессиональных и личных мотивов учения и трудовой деятельности;

в процессе обучения, воспитания и развития курсантов и слушателей (адаптации молодых специалистов) профессорско-преподавательский состав, наставники во взаимодействии с другими должностными лицами должны обеспечить непрерывный контроль их уровня психосоциальной адаптированности и корректировку соответствующих компонентов учебно-воспитательной системы, учебного процесса и трудовой деятельности.

Список использованных источников

1. Налчаджян, А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А.А. Налчаджян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2010. – 368 с.
2. Реан, А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 480 с.
3. Розум, С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека / С.И. Розум. – СПб. : Речь, 2007. – 364 с.
4. Сидорова, А. А. Психология адаптации человека : учеб. пособие / А.А. Сидорова. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – 112 с.

5. Тараскина, Т.В. Профессиональное самосознание как основа профессионализма практического психолога : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Т.В. Тараскина. – М., 2005. – 219 л.

6. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология : пер. с фр. / Ж. Пиаже ; предисл. В.А. Лекторского [и др.]. – М. : Просвещение, 1969. – 659 с.

Дата поступления в редакцию: 14.04.2022

УДК 159.922

О.В. Малыгина

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЖЕНЩИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРИОД ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Рассматриваются личностные особенности женщин-руководителей в системе органов внутренних дел. Уделено достаточное внимание рассмотрению особенностей женщин-руководителей. Особое внимание при этом обращено на то, что в современных условиях понятия «мужской» и «женской» профессий утратили свою значимость. Утверждается, что важнейшей личностной предпосылкой для эффективной профессиональной деятельности женщины-руководителя в системе правоохранительных органов является развитое правовое самосознание. Приводятся результаты эмпирического исследования личностных особенностей современных женщин-руководителей органов внутренних дел в период их профессионального становления.

Ключевые слова: личностные особенности, терминальные ценности, адаптация, изменение в структуре личностных особенностей, женщина-офицер, женщина-руководитель в органах внутренних дел, профессиональное становление, современные условия.

O. V. Malygina

ON THE QUESTION OF SOME ASPECTS OF THE PERSONAL CHARACTERISTICS OF FEMALE HEADS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES DURING THEIR PROFESSIONAL FORMATION, AT THE PRESENT STAGE

The personal characteristics of women leaders in the system of internal affairs bodies are considered. Sufficient attention is paid to the consideration of the cha-

racteristics of women managers. Special attention is paid to the fact that in modern conditions the concepts of 'male' and 'female' professions have lost their significance. It is argued that the most important personal prerequisite for the effective professional activity of a female leader in the system of law enforcement agencies is a developed legal self-awareness. The results of an empirical study of the personal characteristics of modern female heads of internal affairs bodies during their professional formation are presented.

Keywords: personal characteristics, terminal values, adaptation, change in the structure of personal characteristics, female officer, female head in the internal affairs bodies, professional formation.

Качественные изменения в структуре федеральных органов исполнительной власти в России определили объективную потребность совершенствования системы управления органами, подразделениями и учреждениями органов внутренних дел (ОВД) [13, с. 3].

Анализ теории и практики управления ОВД показывает, что в современных условиях произошло смещение приоритетов в личностных и деловых качествах, обуславливающих успешность деятельности руководителя, – от профессионализма в узком, конкретно-служебном смысле слова к решению задач, связанных со стимулированием инициативы и творческой активности подчиненных, их самореализацией, формированием социально-психологического климата в служебных коллективах; от деятельности «на результат любой ценой» к работе с людьми, достижению результатов через развитие коллектива [13, с. 3–4].

В существующих в настоящее время исследованиях, в рамках изучения личностных особенностей руководителей, необходимо отметить, что они характеризуются рядом ограничений.

Уделим внимание такому аспекту, как личностные особенности женщин-руководителей в ОВД, в современных условиях, в период их профессионального становления. Поскольку на современном этапе женщины-сотрудницы успешно несут службу наравне с мужчинами, занимают руководящие должности, принимают участие в боевых действиях, т. е. все больше адаптируются к мужской субкультуре правоохранительной системы в целом и оперативных подразделений в частности. На сегодня деловая женщина, женщина-офицер, женщина-руководитель – уникальное явление, детище XX в. Это неоспоримый факт, факт жизни, прогресса, переосмысление устаревших истин. Кем раньше мы могли увидеть женщину? Врачом, учителем, продавцом, очень редко директором. В государственную же сферу попадали единицы... [7, с. 92–105; 11].

Сегодня женщина активно выходит на политическую арену, успешно работает в большом и малом бизнесе. Примеры таких стран, как США,

Норвегия, Великобритания, Германия, где женщины занимали и занимают ключевые государственные посты, известны всем. Женщина заявила себя на первых ролях даже в странах Востока (Турция, Пакистан, Индия, Филиппины). Теперь и в России женщину все чаще можно встретить в парламенте, правительственных учреждениях, в руководстве банков, холдинговых компаний, солидных современных предприятий. Будем откровенны – путь женщины к вершинам деловой карьеры труден и тернист. У нас нет традиций, еще сильны стереотипы, предубежденность. Да и сами представительницы прекрасного пола порою боятся карьеры, чувствуют неуверенность в себе... Ведь часто возникает и проблема выбора: семья или карьера [6, 7, с. 92–105; 8, с. 97–100].

Очень важен и другой аспект проблемы [9, с. 35–44; 10, с. 158–164; 16]. Последнее время демографы и социологи ставят проблему феминизации страны, так как увеличивается преобладающая доля женщин в численном составе населения, резко увеличивается число женщин в производственной сфере, кроме того, ряд сфер малого бизнеса являются исключительно женскими. Сегодня реалии таковы, что уже никого не удивляют женщины-офицеры, женщины-руководители в армии, правоохранительных органах, суде [12, с. 41–43].

В России, в условиях продолжающейся демократизации жизни общества, молодые люди постепенно становятся все более открытыми и искренними в своих высказываниях и действиях. В таких, относительно более терпимых и более свободных, условиях начинает четче и откровенно проявляться внутренняя природа человека, его изначальные фундаментальные стремления и свойства. Это касается, в равной мере, как мужчин, так и женщин во всех сферах общественной жизни [17, с. 225].

Молодые люди после окончания средней школы задумываются о выборе профессии. В данном случае немаловажное значение имеют система ценностных ориентаций и ее соответствие выбираемой профессии. В настоящее время понятия «мужской» и «женской» профессий утратили свою значимость. Например, нередки случаи, когда женщины работают спасателями, а мужчины – стилистами, и т. д. [12, с. 41–43]. К подобным примерам также относится профессия полицейского – профессия престижная, однако непростая [12, с. 42].

Среди факторов, формирующих у женщин желание служить в полиции, важную роль играют семейные традиции: почти четверть от общего числа женщин, носящих погоны, – жены или дочери офицеров. Следующим немаловажным фактором, побуждающим женщин к выбору этой довольно сложной профессии, является желание проявить качества лидера, в частности, самообладание, терпение, умение быстро ориентиро-

ваться в сложных ситуациях, принимать правильные решения – словом, проявить качества профессионала [12, с. 42].

Необходимо отметить, что на современном этапе становление женщины как профессионала, а тем более как руководителя, приводит к формированию западной модели, «бизнес-леди», поэтому в новой роли россиянки вынуждены отказываться от традиционных женских ценностей. Конфликт состоит в противоречии привычных ценностей (семья, дом, любовь) и новых ценностей (финансовая независимость, карьера) [12, с. 42].

На данный момент в большинстве отечественных и зарубежных исследований изучение становления личности женщины-руководителя идет по пути выделения некоторых личностных качеств, обеспечивающих профессиональную пригодность и эффективность профессиональной деятельности. Так, например, в ряде работ С.П. Безносова, В.С. Олейникова, В.В. Романова, Т.А. Хрусталева отмечается, что важнейшей личностной предпосылкой для эффективной профессиональной деятельности женщины-руководителя в системе правоохранительных органов является развитое правовое самосознание. Кроме того, для успешного освоения этого вида профессиональной деятельности необходимы общительность, проницательность, высокий интеллект, стрессоустойчивость, стенический тип реагирования на чрезвычайные ситуации, готовность к риску, уверенность в себе, выраженный самоконтроль [12, с. 44].

Конечно, при изучении становления личности женщины-профессионала необходимо выделить определенный комплекс ее свойств, требуемых той или иной профессией [1, с. 52–66]. Однако следует учитывать и то, что сама профессиональная деятельность представляет собой диахронику различных свойств и состояний личности [2, с. 7–17]. Разные фазы деятельности требуют последовательного «включения» различных свойств личности, перехода от одного функционального состояния к другому [3, с. 8–19]. С этой точки зрения сама профессиональная деятельность может быть понята как динамическое, многофазное развертывание личности, как последовательность личностных преобразований, как закономерная смена ее функциональных состояний [4, с. 140–148]. В соответствии с этим для наиболее полного раскрытия личности женщины-профессионала необходимо изучить изменения, реорганизацию свойств личности в процессе деятельности, требующей выдвижения на первый план то одного, то другого свойства личности [5, с. 12–125].

Таким образом, в большинстве исследований, посвященных проблеме профессионального становления личности в целом и как личности руководителя в частности, недостаточно глубоко разработана методоло-

гия исследования проблем интеллектуального и духовного роста личности специалиста. В частности, как правило, рассматривается лишь один из этапов профессионализации – этап выбора профессии; описываются его механизмы и факторы, детерминирующие профессиональный выбор. Большинство отечественных исследователей выделяют какой-либо один процесс, лежащий в основе профессионального становления личности, (формирование профессиональной пригодности, профессиональной идентичности, профессионального самосознания и др.) [11, с. 53].

Необходимо отметить, что именно представители силовых ведомств при возникновении чрезвычайной ситуации должны оказывать незамедлительную и умелую помощь другим людям (даже в нерабочее время). Именно представители силовых структур, кроме основной специальности, должны обладать определенным набором умений (физическая и боевая подготовка, умение управлять различными видами транспорта, навыки патрулирования, охраны, задержания и конвоирования и пр.). Подобные профессиональные требования к сотрудникам силовых ведомств отражены в нормах профессиональной этики и в тексте Присяги [12, с. 45]. К данной категории также и без исключения относятся сотрудники-женщины, а главным образом женщины-руководители, профессиональная деятельность которых тесно связана с результирующими параметрами служебной деятельности.

Таким образом, ведя речь о личностных особенностях женщин-руководителей ОВД на современном этапе, необходимо остановиться на таких взаимосвязанных аспектах, как параметры и характеристика личности, поскольку требования выдвигает сама руководящая деятельность, которая, как мы отмечали выше, тесно связана с результирующими параметрами служебной деятельности в ОВД.

В связи с вышеизложенным следует акцентировать внимание на том, что профессиональная деятельность в общем и специфика деятельности женщины-руководителя в частности, обуславливает личностные трансформации, которые существенно влияют на особенности профессиональной самореализации. Трансформация личностной сферы женщин-руководителей в системе ОВД на разных уровнях профессиональной самореализации проявляется в виде выработки устойчивых жизненных стратегий, обеспечивающих возможность переживать связь с миром в контексте профессиональной деятельности как устойчивое отношение, которое охватывает субъективное ощущение источника собственного опыта (принятие решения, ответственность, выделение значимых профессиональных перспектив) [15, с. 479].

На наш взгляд, необходимо уделить внимание личностным качествам, характерным для женщин-руководителей ОВД в период их профессионального становления. В этой связи предлагаем фрагментарно

рассмотреть, в рамках настоящей статьи, проведенное нами эмпирическое исследование личностных особенностей современных женщин-руководителей ОВД в период их профессионального становления.

В исследовании приняли участие две группы женщин-руководителей ОВД. В первую группу были включены респонденты, находящиеся в должности руководителя до 5 лет. Соответственно, во вторую группу вошли женщины-руководители, находящиеся на руководящей должности более 5 лет. Всего выборку составили 60 респондентов со стажем службы от 3 до 13 лет.

Обработка результатов включала в себя количественный и качественный анализ полученных экспериментальных данных:

диагностика уровня развития отдельных личностных качеств в обеих группах;

определение достоверности различий с помощью *t*-критерия Стьюдента в уровне выраженности отдельных личностных качеств.

Нами были выявлены различия в личностных особенностях женщин-руководителей первой и второй группы на уровне выраженности отдельных личностных качеств, которые отражены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения в «сырых» баллах по шкалам опросника 16 PF женщин-руководителей ОВД, представленных фрагментарно

Факторы	Женщины-руководители до 5 лет в должности	Женщины-руководители более 5 лет в должности	<i>t</i> -критерий
A	13,2	10,3	4,47*
B	8,8	10,1	3,63*
C	12,8	15,9	4,56*
E	11,7	12,8	2,14**
F	12,5	16,2	6,94*
H	13,3	16,2	6,68*
L	12,5	13,1	10,19*
N	11,3	14,3	7,71*
Q2	8,0	12,9	14,69*
Q3	10,2	12,0	3,71*
Q4	10,8	7,6	5,78*

Условные обозначения: «*» – уровень значимости $p < 0,01$; «**» – уровень значимости $p < 0,05$.

На основании результатов, полученных по опроснику 16 PF, можно сделать вывод о том, что личностные качества женщин-руководителей ОВД имеют динамику, которая, как показывают исследования, является следствием приобретенных профессиональных навыков.

Различия в структурной организации личностных качеств женщин-руководителей, в обеих группах, отмечены только на уровне комплекса общих личностных качеств, характерных для обеих групп. Наиболее интересным представляется также то, что в ходе профессионального становления, а это в большей мере относится к женщинам-руководителям ОВД, которые находятся на руководящей должности до 5 лет, происходят изменения, как на уровне выраженности личностных качеств, так и на уровне изменений их структуры. Изменения уровня выраженности носят локальный характер, а структурные трансформации характеризуются «сквозной направленностью».

Наиболее же интенсивные личностные изменения в плане выраженности отдельных личностных качеств происходят в первые 5 лет службы в должности руководителя. После 5 лет службы уровень выраженности большинства личностных качеств существенно не изменяется. Дальнейшие личностные изменения касаются не уровня выраженности отдельных личностных качеств, а особенностей их структур личностных качеств.

Исследования показали, что в формировании терминальных ценностей женщин-руководителей ОВД большую роль играет повышенная оценка собственных возможностей, которая основывается на знании собственных сил, физического и духовного воспитания, а также реалий жизни (см. табл. 2).

Таблица 2

Результаты, полученные по опроснику терминальных ценностей, женщин-руководителей ОВД, представленных фрагментарно

Шкала	Женщины-руководители до 5 лет в должности	Женщины-руководители более 5 лет в должности	t-критерий
Пр	36,5	31,0	5,57*
МП	35,4	39,0	9,49*
Кр	41,0	32,0	5,65*
СК	40,0	34,0	5,11*
Д	47,7	34,1	5,56*
СИ	45,7	33,0	8,74*
ПЖ	61,1	50,4	6,98*
О	56,3	50,3	2,18*
У	54,0	48,0	3,13*

Условные обозначения: «*» – уровень значимости $p < 0,01$.

Анализ проведенного исследования показывает, что в ходе профессионального становления изменяются не только отдельные личностные качества, но и происходит формирование системно-структурной орга-

низации личности женщин-руководителей ОВД, что задает в исследованиях личностных особенностей новую направленность.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что вступление на руководящую должность женщины-сотрудника ОВД запускает определенные субъектные трансформационные и достаточно эффективные управленческие процессы при условии наличия высокой профессиональной адаптивности на индивидуально-психологическом уровне, в период профессионального становления. Профессиональная адаптивность, в свою очередь, определяется: нервно-психической и эмоциональной устойчивостью, уверенностью в себе, низкой раздражительностью и подозрительностью, доверительностью, готовностью к оправданному риску, практичностью взглядов, прямолинейностью [14].

Говоря о женщине-руководителе ОВД, необходимо отметить, что профессиональная адаптивность преимущественно зависит от внутриличностной гармонизации системы отношений руководителя к себе. В то же время, по мере приобретения профессионального опыта, в период профессионального становления женщины-руководителя ОВД и формирования адаптивности происходит и обратный процесс – личность обретает уверенность в сфере собственной оперативно-служебной деятельности и вследствие этого гармонизируется ее система индивидуальных самооценок [14].

В заключение, на наш взгляд, целесообразно указать, что необходимо совершенствовать психологическую работу с руководителями всех уровней, а также с сотрудниками, входящими в кадровый резерв, в направлении адаптации к новым условиям деятельности, коммуникативной компетентности, развитию способностей к адекватному межличностному восприятию и взаимодействию, а также осваивать и развивать навыки различных стилевых приемов управления с требованиями служебных задач и особенностями служебного коллектива [13, с. 3–203]. Это, несомненно, будет способствовать более качественной и успешной адаптации молодых руководителей к новой для себя деятельности и тем требованиям, которые ставит перед современными руководителями ОВД Министерство внутренних дел Российской Федерации и государство в целом.

Список использованных источников

1. Анцыферова, Л.И. Психологические закономерности развития личности взрослого человека и проблема непрерывного образования / Л.И. Анцыферова // Психол. журн. – 1980. – Т. 2, № 4. – С. 52–66.
2. Анцыферова, Л.И. Личность с позиции динамического подхода / Л.И. Анцыферова // Психология личности в социалистическом обществе (личность и ее

жизненный путь) / под ред. Б.Ф. Ломова, К.А. Абульхановой-Славской. – М. : Наука, 1980. – С. 7–17.

3. Анцыферова, Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности / Л.И. Анцыферова // Психол. журн. – 1981. – Т. 2, № 2. – С. 8–19.

4. Анцыферова, Л.И. Системный подход к изучению формирования и развития личности / Л.И. Анцыферова // Проблемы психологии личности / под ред. Е.В. Шороховой. – М. : Наука, 1982. – С. 140–148.

5. Анцыферова, Л.И. Личность в динамике: некоторые итоги исследований / Л.И. Анцыферова // Психол. журн. – 1992. – Т. 13, № 5. – С. 12–125.

6. Бодалев, А.А. Личность и общение / А.А. Бодалев. – М. : Междунар. пед. акад., 1995. – 328 с.

7. Завалова, Н.Д. Психические состояния человека в особых условиях деятельности / Н.Д. Завалова, В.А. Пономаренко // Психол. журн. – 1983. – Т. 4, № 6. – С. 92–105.

8. Иванова, Е.В. Некоторые аспекты изучения проблемы профессиональной деформации личности / Е.В. Иванова // Проблемы общей и прикладной психологии. – Ярославль, 2001. – С. 97–100.

9. Ковалев, В.П. Мотивационная сфера личности и ее динамика в процессе профессиональной подготовки / В.П. Ковалев, В.Н. Дружинин // Психол. журн. – 1982. – Т. 3, № 6. – С. 35–44.

10. Кон, И.С. Постоянство и изменчивость личности / И.В. Кон // Психол. журн. – 1987. – Т. 1, № 6. – С. 158–164.

11. Малыгина, О.В. Динамика личностного профиля женщин-сотрудниц уголовного розыска органов внутренних дел : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / О.В. Малыгина. – Ярославль, 2008.

12. Малыгина, О.В. Специфика и динамика личностных особенностей сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел: гендерный аспект : монография / О.В. Малыгина. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2001. – С. 4–83.

13. Социально-психологическая компетентность руководителя органов внутренних дел : учеб.-метод. пособие / М.Н. Марьин [и др.]. – М. : ЦОКР МВД России, 2005. – С. 3.

14. Поршук, А.С. Личностные особенности сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на должность руководителя / А.С. Поршук // Нац. психол. журн. – 2020. – № 1 (37). – С.107–114.

15. Реан, А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.

16. Родимушкина, О.В. Особенности прохождения женщинами службы в милиции : учеб. пособие / О.В. Родимушкина, М.В. Черетаева. – М. : ВНИИ МВД РФ, 1998.

17. Сысоева, Н.А. Особенности ценностных ориентаций женщин-сотрудников уголовного розыска / Н.А. Сысоева // Гендерные ценности и самоактуализация личности и малых групп XXI веке : материалы Междунар. симпозиума : Т. I. – М. ; К., 2004. – 255 с.

Дата поступления в редакцию: 21.03.2022

УДК 004:34

Е.Н. Мисун, А.А. Ластовский

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СБЛЮДЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГИГИЕНЫ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются вопросы, связанные с организацией обучения цифровой гигиене граждан Республики Беларусь в связи с высоким темпом информатизации общества. Анализируются основные составляющие данного процесса и предлагается видение наиболее эффективной модели освоения гражданами основополагающих принципов «цифровой гигиены».

Ключевые слова: цифровая гигиена, цифровая безопасность, информационная безопасность, информационные технологии, информационно-коммуникативная деятельность, интернет.

Е.N. Misun, A.A. Lastovsky

BASIC RULES FOR COMPLIANCE WITH DIGITAL HYGIENE IN THE INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE

The issues related to the organization of digital hygiene training for citizens of the Republic of Belarus in connection with the high rate of informatization of society are considered. The main components of this process are analyzed and a vision of the most effective model for the development of citizens of the fundamental principles of 'digital hygiene' is proposed.

Keywords: digital hygiene, digital security, information security, information technology, information and communication activities, Internet, cybercrime, software, personal computer, gadget, digitalization (digitalization).

Стремительное развитие информационных технологий во всем мире и в Республике Беларусь в частности привело к существенному изменению реальности. Кардинальным образом изменились не только все сферы социально-бытовых отношений, но и окружающая действительность: мы не мыслим себя без мобильного телефона, не можем обойтись без персонального компьютера; окружили себя многочисленными техническими гаджетами и перепоручили им рутинную работу (роботы-пылесосы, голосовой сервис «Алиса», дистанционное управление бытовыми устройствами и т. д.).

Отдельно стоит отметить повсеместное и нарастающее использование различных форм дистанционного обслуживания. Республика Беларусь, как и все мировое сообщество, ориентирована на развитие и популяризацию безналичных расчетов, сопровождающихся увеличением количе-

ства устройств, осуществляющих финансовые транзакции, ростом числа пользователей всевозможных электронных платежных систем и сети Интернет (далее – интернет). Не последнюю роль сыграли последствия распространения коронавирусной инфекции COVID-19, в частности, переход в интернет-пространство многих сфер общественных отношений, включая удаленный режим работы, товарный и денежный обороты.

Сегодня в Беларуси почти все трудоспособное население страны так или иначе вовлечено в активности, связанные с вычислительными ресурсами, чаще всего осуществляемыми в интернете. Если в 2013 г. [1] удельный вес количества пользователей из числа граждан Республики Беларусь составлял 58,4 %, то в 2021 г. – уже 86,9 %. При этом заметное развитие интернет получил в сельской местности: удельный вес пользователей за указанный период вырос с 43,1 % до 76,9 %.

Значительно выросло и число организаций, использующих интернет. Если в 2011 г. лишь 9,2 % организаций сектора информационно-коммуникативных технологий имели доступ к интернету, то в 2018 г. этот показатель возрос до 30,1 %. Примерно такая же тенденция (с 9,6 % в 2011 г. до 38,4 % в 2020-м) наблюдается и относительно к организациям, не относящимся к сектору информационно-коммуникативных технологий [2].

Согласно данным аналитической платформы DataReportal, число интернет-пользователей в Беларуси по состоянию на январь 2022 г. составляло 8,03 млн человек (примерно 85 % от населения страны). Медианная скорость мобильного интернета равняется 10,33 Мбит/с (на 15,8 % выше, чем годом ранее), скорость фиксированного проводного подключения – 48,39 Мбит/с (на 24,8 % выше прошлогоднего показателя) [2].

В основном белорусы выходят в интернет с ноутбуков и компьютеров (57 %), однако доля этих устройств падает, в то время как смартфоны используются все чаще: их доля составляет 42 % (+13,2 % по сравнению с прошлым годом).

В список самых посещаемых белорусами сайтов вошли google.com, youtube.com и vk.com. Портал onliner.by идет на 6-м месте, торговая площадка kufar.by – на 9-м месте. Главный поисковик для белорусов – Google, он примерно в 3,5 раза популярнее своего ближайшего конкурента – «Яндекса». В Google белорусов больше всего интересуют погода и новости. Частыми были запросы в соцсети VK, «Одноклассники», связанные с решениями домашних заданий, картами, курсами валют и расписанием автобусов, а также фильмами и музыкой.

Количество мобильных подключений на начало 2022 г. в Беларуси составляло 11,64 млн, или 123,3 % от общего количества населения. За год

этот показатель вырос на 70 тыс. (+0,6 %). На широкополосные подключения (3G, 4G, 5G) приходится 76,4 %. В разрезе операционных систем больше всего трафика зафиксировано с Android (77,5 %), на 2-м месте – iOS (22,1 %), на 3-м – фирменная операционная система Samsung.

Количество белорусских пользователей соцсетей за год выросло на 450 тыс. и равняется 4,35 млн, или 46,1 % от общего количества населения. Примечательно, что 95,7 % выходят в соцсети с мобильных устройств.

Счет в банках и других финансовых организациях есть у 81,2 % населения, кредитными карточками владеют 18,7 % белорусов, дебетовыми – 70,6 %. Цифровые платежи за последний год совершали или получали 78,7 % населения, каждый третий сделал хотя бы одну покупку через интернет, 32 % пользовались интернет-банкингом, а 42 % оплачивали счета онлайн.

Как видим из приведенных статистических данных, в условиях столь стремительного развития цифровых технологий в Республике Беларусь и постоянно возрастающих объемов потоков цифрового контента все более актуальными становятся вопросы обеспечения безопасности.

Древнегреческий философ Гиппократ сказал: «Мы то – что мы едим!», подразумевая, что еда не только утоляет голод, но и влияет на здоровье и самочувствие. Сегодня это утверждение можно отнести не только к еде, но и к информации. Ведь потоки данных непосредственно влияют на наше ментальное здоровье.

Повышение общей информационной и компьютерной грамотности населения, включая обучение людей старшего и среднего возраста правилам защиты персональных данных, умению безопасной работы в интернете, наряду с подготовкой профессиональных кадров, определено в качестве одного из важнейших приоритетов по обеспечению информационной безопасности в Республике Беларусь. Наиболее предметно задачи повышения всеобщего уровня информационной безопасности населения раскрыты в принятой в 2019 г. Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [3] (далее – Концепция) и направлены на обеспечение ее двух составляющих – информационно-психологической и информационно-технической.

Так, согласно п. 41 Концепции противодействие деструктивным информационно-психологическим воздействиям (распространению фальсифицированной, недостоверной и запрещенной информации) в первую очередь основывается на формировании у населения ответственного поведения в информационном пространстве, а также на продвижении общих правил коммуникации с едиными для физического мира и вир-

туального пространства правами и обязанностями участников информационных процессов.

В рамках борьбы с несанкционированными информационно-техническими воздействиями согласно п. 76 Концепции одним из приоритетных направлений деятельности уполномоченных государственных органов определена профилактика киберпреступности, основанная на популяризации среди населения, прежде всего молодежи, нетерпимости к асоциальному поведению в информационном пространстве, проведении разъяснительной работы в средствах массовой информации (СМИ) и интернета в целях формирования безопасной национальной информационной экосистемы.

Развитие информационных систем, а вслед за ними систем обеспечения защиты информации определило высокую частоту использования устойчивого словосочетания «*цифровая безопасность*», или его синонимического родственника – «*цифровая гигиена*».

К сожалению, большинство пользователей, вовлеченных в сферу информационно-коммуникативных отношений, имеют недостаточный уровень владения соответствующими компетенциями по обеспечению своей безопасности.

Многие считают, что технологии нейтральны, и пользуются ими, даже не задумываясь о том, как они устроены и на что влияют. Поэтому огромное количество пользователей интернета, слабо осведомленных об угрозах цифровой безопасности, представляют собой обширную, привлекательную и уязвимую целевую группу для злоумышленников. В интернете мы без тени сомнения сообщаем неизвестным лицам реквизиты банковских платежных карточек. А в реальном мире мы разве отдадим кошелек со всем содержимым первому проходивцу, который нас попросит об этом? Вопрос риторический...

Нас с детства учат различать добро и зло, обучают правилам поведения индивида в обществе, прививают навыки правильного поведения на дороге. А вот правилам поведения в цифровой среде не уделяется должное внимание. Основная проблема здесь заключается в том, что цифровая среда широкими массами серьезно не осознается и не формулируется в четко выстроенный поведенческий алгоритм.

Таким образом, в условиях цифрового мира понятие «*цифровая гигиена*» можно трактовать как «*обязательное следование ритуалам и правилам, направленным на обеспечение безопасности граждан при нахождении в цифровом пространстве*». Если нарушить основополагающие правила «цифровой гигиены», можно столкнуться с крайне негативными последствиями: потерять доступ к важным аккаунтам, расстаться с деньгами, подхватить «вирус» и т. д.

Многие до сих пор не могут осознать, что, наряду с нашей личностью в реальном мире, в цифровом пространстве свою жизнь «отзеркаленно» проживает их цифровой клон. Он представляет собой совокупность цифровой информации о реальной личности, которая в той или иной степени оказалась общедоступной и была размещена в цифровой среде. Этот массив составляют:

информация о персоне, ставшая общедоступной и размещенная в цифровом пространстве: биографические данные (Ф.И.О., место проживания, полные сведения о семье, ближнем и дальнем круге общения, традиции и привычки членов семьи); социальный статус (место работы или учебы всех членов семьи, сведения об имеющемся в наличии имуществе);

мультимедийная информация: фото, видео- и аудиоматериалы; скриншоты личных переписок; передаваемые дистанционно текстовые документы, сохраненные/отмеченные в закладках публикации других интернет-пользователей и т. д.

программно-технический блок: электронные почтовые ящики, аккаунты в социальных сетях, личные кабинеты интернет-сайтов, авторизованное пользование онлайн-ресурсами (видеохостинги, форумы, базы данных, web-версии мессенджеров), онлайн-игры и т. д.

финансовая информация: использование интернет-банкинга, расчет на торговых площадках, оплата услуг посредством онлайн-сервисов, оформление карт лояльности, трансфер платежной информации третьим лицам.

Соединив вышеуказанные элементы воедино, можно получить вполне самодостаточный и узнаваемый облик, цифровой клон человека. Проанализировав информацию по этому «цифровому слепку», можно получить полное представление не только о личности человека, его привычках, интересах, предпочитаемом времяпрепровождении, но и узнать его место жительства, социальный статус, уровень жизни. Или получить доступ к его финансовой информации – вероятность успеха зависит от того, насколько щепетильно пользователь соблюдает правила «цифровой гигиены».

Если правила личной гигиены необходимы для приведения организма к социально-биологическому благополучию, то правила «цифровой гигиены» направлены на защиту нашего цифрового клона. Для приобретения необходимых базовых компетенций любой пользователь должен владеть определенным комплексом знаний и умений. Условно разделим их на несколько категорий: *аппаратно-техническая, программная, информационная грамотность*.

Остановимся на информационной грамотности. Информационная грамотность предполагает наличие навыков, необходимых для безопас-

ного использования информационно-коммуникативных технологий. В наиболее общем смысле информационная грамотность представляет собой набор компетенций, необходимых для получения, понимания, оценки, адаптации, генерирования, хранения и представления информации, используемой для повседневной жизни. Информационно грамотные люди обладают: критическим мышлением, умением анализировать информацию и использовать ее для самовыражения, способностью к созданию информации, готовностью быть информированным гражданином и профессионалом.

Автор термина «критическое мышление» – американский философ Джон Дьюи, который впервые использовал его в 1910 г. в книге под названием «Как мы мыслим» (впервые издана на русском языке уже в 1919 г. под названием «Психология и педагогика мышления») [4]. В данной работе, а затем и в последующих научных трудах, Дж. Дьюи именовал «критическое мышление» в различных вариантах: то как «рефлексивное мышление», то как «рефлексивную мысль» или даже просто как «мысль», «мышление» и даже «рефлексию». Это мышление он трактовал как активное, настойчивое, тщательное, применяемое в отношении всех форм информации. На сегодня равнозначность, а по сути дела, синонимичность этих терминов официально признана многими современными западными философами, педагогами и психологами.

Умение анализировать информацию и использовать ее для самовыражения является необходимым навыком работы в информационном пространстве. Анализ информации тесно связан с процессами ее восприятия и интерпретации.

Процесс восприятия неразрывно связан с каждым из важных психологических процессов: мышлением, речью, чувствами, волей. Образы восприятия как факты психической деятельности легко поддаются словесному описанию. Восприятие представляет целостное отражение предметов, ситуаций, явлений, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств [5, с. 200]. Интерпретация – объяснение какого-либо факта, явления посредством других известных фактов и явлений. Интерпретация – это также объяснение, суть которого заключается в том, что нечто, требующее объяснения, получает такое объяснение путем сведения неизвестного или непонятого (объясняемого) к известному и понятному (объясняющему) [6, с. 158]. Осуществляя процесс восприятия, мы формируем образы, которые интерпретируются и оказывают на человека позитивное либо негативное воздействие.

Зададимся вопросами, с какими основными рисками может столкнуться человек в информационной сфере, для чего необходимо посто-

янно совершенствовать навык работы и «жизни» в информационном пространстве?

Во-первых, это безопасность личных аккаунтов. Помним ли мы, сколько электронных ящиков создали за свою жизнь и реквизиты доступа к ним? Сколько аккаунтов и в каких соцсетях создали, какую информацию о себе размещали? В каких сервисах создавали личные кабинеты, вводили платежную информацию? А ведь все эти аккаунты и электронные ящики, доступ к которым уже может быть окончательно утрачен, являются мишенью непрекращающихся хакерских атак, осуществляемых в автоматическом режиме в формате времени 24/7 специальными программами. Подобрал пароль к аккаунту и получив доступ к нему, злоумышленники получают полный контроль над вашей страницей. От вашего имени они могут рассылать мошеннические просьбы перечислить деньги на телефон вашему списку друзей; изучать личные переписки и шантажировать подробностями о личной жизни или пикантными фотографиями; использовать персональные данные для совершения противоправных операций в интернете.

Пароль – своего рода замок, охраняющий ваше интеллектуальное имущество от преступных посягательств. Чем сложнее пароль – тем надежнее защита. Рекомендуется менять пароли не реже чем раз в полгода. При составлении нового пароля необходимо ориентироваться на количество 8–12 символов; в пароле должны присутствовать и буквы, и цифры; символы должны быть разного регистра; следует избегать повторения символов; пароль не должен содержать фрагментов вашей персональной информации (дата рождения, ваши Ф.И.О., кличка домашнего животного).

Но при этом нужно помнить, что степень безопасности любой системы определяется самым слабым звеном. Если мы используем 20-символьный пароль, представляющий собой сочетание случайных символов, а листок, на котором он записан, хранится в ящике стола, то сложность доступа определяется не возможностями по перебору всех вариантов, а лишь доступом к ящику.

Во-вторых, вызывает опасение увеличивающееся количество мошенничеств, совершаемых в интернете. В первую очередь, речь идет об использовании мошенниками метода социальной инженерии, получившего массовое распространение в последние годы в Республике Беларусь. Социальная инженерия – метод получения необходимого доступа к информации, основанный на особенностях психологии людей. Злоумышленники пытаются применить социальную инженерию, используя телефон, электронную почту и интернет. В основном мошенники

апеллируют к базовым эмоциям человека – страху, вине, обиде и т. д. Умело используя технологии социальной инженерии, мошенникам удается получить доступ к реквизитам банковских платежных карточек, денежным средствам. В условиях ограниченного времени потенциальной жертве предлагается быстро принять решение, ведь угрозе подвергаются их финансовые средства, близкие родственники. На сегодня известны такие формы «обмана», как вишинг, фишинг, смишинг, фарминг.

Так, например, вишинг реализуется по следующей схеме. Позвонив потенциальной жертве под видом работника банка или сотрудника правоохранительных структур, злоумышленники создают стрессовую ситуацию и под различными предложениями выведывают реквизиты доступа к банковскому расчетному счету жертвы для кражи денег, либо получают денежные средства непосредственно от самих жертв.

Существуют и иные мошеннические способы для получения доступа к платежным системам. Злоумышленники весьма изобретательны и регулярно совершенствуют свои преступные схемы, снижая уровень бдительности потенциальных жертв. Одной из последних преступных успешных схем является просьба одолжить на время телефон случайного прохожего с целью позвонить. Однако вместо звонка злоумышленник получает доступ к платежным инструментам и дистанционно открывает микрокредит на пользователя, а полученные средства выводят на свой счет.

В-третьих, негативное информационное воздействие. Интернет предоставил возможность в режиме реального времени следить за событием. Кроме того, он дал возможность каждому желающему стать медиа-проектом, освещающим события под любым желаемым углом. Сегодня каждый блогер может позиционировать себя журналистом. Это, в свою очередь, существенно обесценило качество и достоверность информации, фактически превратив информацию в орудие пропаганды. Увеличилось количество фейковой информации, размещенной в интернете. Фейк может быть намеренным и ненамеренным, полным или частичным. Фейковым может быть контент практически любого вида: новость, изображение, видеоролик и даже аккаунт в социальных сетях. По сравнению с обычными новостями фейк распространяется гораздо быстрее благодаря вбросам. При этом среднее время жизни фейка значительно меньше – в среднем фейк живет 3–4 дня. Площадками для распространения фейков выступают:

квази-СМИ. Сайты, «изображающие» интернет-СМИ. Они распознаются по минимальному присутствию авторских материалов, а чаще всего состоят из новостей, автоматически собранных из других источников;

разовые страницы. Одноразовые сайты, состоящие из нескольких страниц, но имеющие вид СМИ, аналитического издания. Ссылки на

такую публикацию обычно приходят из соцсетей, со страниц, специально созданных для имитации «канала» несуществующего СМИ;

имитация известных СМИ. Одноразовые страницы, созданные для вброса, которые имитируют известные читателю СМИ, оформляются в дизайне и содержат логотипы известных новостных и аналитических сервисов.

Здесь стоит упомянуть и негативное взаимодействие с виртуальным собеседником. Анонимность в общении позволяет собеседнику по ту сторону экрана не только оставаться инкогнито, но и перевоплотиться полностью. Чувство анонимности и безнаказанности проявляет в людях порой самые низменные инстинкты, открывая им возможность вести себя по отношению к другим неподобающим образом. В этом и заключаются предпосылки удовлетворения своих низменных потребностей при общении между собеседниками («троллинг»), травли несовершеннолетних («кибербуллинг») и т. д.

В целом политика Республики Беларусь в области информатизации и развития цифровой грамотности населения соответствует мировой практике. Вместе с тем, очевидно, что с учетом активного использования населением цифровых технологий обучающие процессы, формирующие компетенции «цифровой гигиены», необходимо начинать уже в начальной школе. Отдельные вопросы информационной грамотности и «цифровой гигиены» могут прививаться уже в учреждениях дошкольного образования по аналогии с позитивно зарекомендовавшими себя программами МЧС и ГАИ по обучению детей стандартам безопасности, прежде всего в игровой форме. Кроме того, необходимо формировать соответствующие обучающие программы и для старшего поколения, используя для процесса обучения основам «цифровой гигиены» все доступные для этого возможности: информационные часы, факультативные занятия, единые дни информирования и т. д. Безусловно, следует и самостоятельно заботиться о своей безопасности. Как гласит народная мудрость, «спасение утопающего – дело рук самого утопающего». Поэтому каждому необходимо самостоятельно повышать свой уровень, ознакомливаясь с актуальной информацией в сфере противодействия киберпреступности. В частности, помогут в этом соответствующие разделы на официальном интернет-сайте МВД Республики Беларусь, а также официальные сообщества министерства в социальных сетях.

Список использованных источников

1. Удельный вес количества пользователей сети Интернет из числа граждан Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа:

<http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=226247>. – Дата доступа: 26.02.2022.

2. Распределение организаций по виду подключения к сети Интернет [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/godovye-dannye/>. – Дата доступа: 26.02.2022.

3. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.03.2019, 7/4227. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 26.02.2022.

4. Дьюи, Дж. Психология и педагогика мышления : пер. с англ. Н.М. Никольской / под ред. Н.Д. Виноградова. – М. : Изд. Товарищества «Мир», 1919. – 202 с.

5. Маклаков, А.Г. Общая психология : учеб. для вузов / А.Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2016. – 583 с.

6. Немов, Р.С. Психологический словарь / Р.С. Немов. – М. : Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 2007. – 560 с.

Дата поступления в редакцию: 18.03.2022

УДК 159.9:34

А.Н. Пастушеня

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Представлен комплексный подход к психологическому анализу преступления, который имеет значение как для его раскрытия и расследования, так и для уголовно-правовой оценки его субъективной стороны. Изложены два возможных аспекта психологического анализа преступления: структурно-функциональный, представляющий раскрытие психологического механизма преступления, и процессный, выражающий описание разворачивающегося во времени его генезиса. Психологический анализ охватывает такие элементы психологического механизма преступления, как восприятие субъектом обстоятельств ситуации, мотивообразование, целеполагание, исполнительную регуляцию, фоновое психическое состояние, внешние условия, личностную предрасположенность к совершению деяния.

Ключевые слова: психологический анализ преступления, психологический механизм преступления, психологический генезис преступления, личность преступника, готовность к совершению преступного деяния.

A.N. Pastushenya

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF A CRIME IN THE CONTEXT OF ITS CRIMINALISTIC AND CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT

A comprehensive approach to the psychological analysis of a crime is presented, which is important both for its disclosure and investigation, and for the criminal legal assessment of its subjective side. Two possible aspects of the psychological analysis of the crime are described: structural and functional, representing the disclosure of the psychological mechanism of the crime, and process, expressing the description of its genesis unfolding in time. Psychological analysis covers such elements of the psychological mechanism of the crime as the subject's perception of the circumstances of the situation, motivation, goal setting, executive regulation, background mental state, external conditions, personal predisposition to commit an act.

Keywords: psychological analysis of the crime, psychological mechanism of the crime, psychological genesis of the crime, personality of the criminal, readiness to commit a criminal act.

В 70-х гг. прошлого столетия белорусский ученый А.В. Дулов в своем учебном пособии «Судебная психология» обосновал необходимость «психологического анализа преступной деятельности» при расследовании преступлений. Им обращено внимание на необходимость анализа «психологической структуры преступления», которая, как отмечал ученый, включает прогнозирование, планирование и совершение преступных действий, сокрытие следов преступления, охватывая при этом цель, способ, потребность, мыслительную деятельность [1, с. 202–203]. Безусловно, познание этих составляющих психической деятельности субъекта преступления, детерминирующей его преступное поведение, необходимо для реконструкции противоправного деяния с необходимой полной и достаточной точностью как для безошибочности установления субъекта преступления, точности воспроизведения объективной стороны, неотделимой от порождающей ее психической деятельности, так и для правильной оценки всех составляющих субъективной стороны преступления, включая оценку умысла либо неосторожности, мотивов, цели, психического состояния преступника, восприятия им обстоятельств ситуации, включая поведение потерпевшего. Все это имеет значение как в криминалистическом аспекте для раскрытия и расследования преступления, так и в уголовно-правовом, включая не только оценку субъективной стороны, но и обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, отдельные из которых имеют психологическую сущность.

Раскрытие особенностей психической деятельности субъекта, детерминирующей его преступное поведение (деяние) является важной науч-

ной задачей на современном этапе развития психологических знаний в области психологии преступного поведения и личности преступника.

Разрабатывая эту проблему, необходимо отметить, психологический анализ преступного поведения может осуществляться в двух аспектах: через раскрытие его психологического механизма и посредством воссоздания его психологического генезиса. Отметим основные особенности каждого из этих двух аспектов психологического анализа преступного поведения.

Психологический механизм преступного поведения можно определить как совокупность присущих субъекту психических явлений, а также субъективно отражаемых им обстоятельств ситуации, которые во взаимодействии детерминируют его преступное поведение. Этот анализ предполагает оценку основных элементов психической деятельности субъекта поведения – их отражательно-регулятивных функций и содержания. Комплексное психологическое изучение преступных деяний, имеющих различные уголовно-правовые особенности и особенности их субъектов, опирающееся на научные разработки рассматриваемой проблемы [2–8 и др.], позволило обосновать следующие основные элементы психологического механизма преступного поведения (подробнее см. [9]).

1. *Восприятие внешних условий (обстоятельств социальной ситуации, в том числе поведения потерпевшего) с оценкой их значения для своих личностных ценностей, потребностей, а также с оценкой возможностей действовать в этих обстоятельствах определенным преступным способом. Это восприятие с указанной оценкой значения обстоятельств, присущих ситуации совершения преступления, представляет процесс психического отражения, который обеспечивает протекание регулятивного процесса в совокупности трех его составляющих: мотивообразования, целеполагания и исполнительной регуляции намеченных субъектом действий.*

Изучение и оценка процесса восприятия и его результата, представляющего образ ситуации с ее субъективным значением необходима для определения содержания мотивации и принимаемого субъектом способа противоправных действий. Такая оценка возможна при непосредственном изучающем общении с предполагаемым преступником (подозреваемым, обвиняемым) при осуществлении розыскных и (или) следственных действий, а также необходима при построении версий о субъекте в случае неустановленного преступника. В последнем случае такая оценка осуществляется на основе моделирования восприятия и мышления преступника, опираясь на имеющиеся факты. Это предполагает поиск ответов на вопросы: что воспринимал преступник, как он это оценивал, какие эта оценка могла породить побуждения (мотивы),

какой вариант действий он мог принимать в силу оценки обстоятельств, в каком состоянии он мог находиться при восприятии ситуации?

2. *Мотивация деяния, выражающая побуждение к его совершению.* Она может быть изначально детерминирована обстоятельствами ситуации, в том числе условиями жизнедеятельности, влияниями членов группы или других людей, психологическим заражением либо может порождаться внутренними предпосылками: потребностями, притязаниями, влечениями, обязательствами, чувством долга и другими личностными свойствами.

Опираясь на идею С.В. Познышева о двух типах причинного комплекса преступного поведения [10], можно отметить, что в первом случае мотивация и обусловленное ею целеполагание носит экзогенный характер (как реагирование на возникшие обстоятельства), что может рассматриваться как отсутствие инициативы субъекта в совершении преступления (хотя возможно и порождение самим субъектом этих обстоятельств). Во втором случае она имеет эндогенный характер, т. е. изначально внутренне детерминированный, что выражает инициативное совершение преступления, а значит более высокую степень общественной опасности преступления по сравнению с его экзогенным совершением. При психологическом анализе мотивации преступления необходимо учитывать возможности ее изменения в процессе совершения деяния в силу изменения обстоятельств ситуации и результата собственных действий.

3. *Целеполагание с принятием решения (в некоторых случаях с выработкой плана) действовать определенным преступным способом для достижения желаемого результата (цели), который бы удовлетворял побуждение.* Этот элемент является центральным в психологическом механизме преступного деяния, поскольку именно принятие цели и неразрывно связанного с ней способа достижения в сочетании с волевой решимостью действовать определяет возникновение готовности к преступлению.

При психологическом анализе этого элемента важное значение имеет установление его особенностей. Так, криминальное целеполагание с возникновением решимости осуществить задуманные действия возможно в результате собственной мыслительной деятельности либо в результате влияний иных лиц, в том числе в результате актуализации установки на подражание, подчинение другому лицу. Принятая цель действовать может быть в различной степени продумана и детализирована как план действий либо иметь поверхностное содержание – «в общих чертах», понимание лишь «первого шага». Она может приниматься по привычному варианту действий в случае неоднократного совершения однотипных преступлений. Имеет место также различная продуман-

ность сокрытия следов преступления и действий по избежанию изобличения – от детальной продуманности и предусмотрительности до отсутствия внимания к этой стороне деяния.

4. *Исполнительная регуляция намеченных действий* осуществляется при достаточной решимости, которую можно рассматривать как состояние, выражающее переключение психической деятельности в режим исполнения намеченных действий или в режим подражания, подчинения велению доминирующего соучастника. Она связана с восприятием процесса исполнения, присущих ему обстоятельств и с оценкой успешности своих действий. На стадии исполнения возможно изменение цели-способа и мотивации поведения, что зависит от индивидуальных особенностей субъекта, выражающих степень гибкости мышления и изменения поведенческой установки, а также от его нервно-психического состояния, в том числе трезвости или опьянения.

5. *Нервно-психическое состояние субъекта* как элемент психологического механизма преступления выражает функциональное состояние нервной системы (функционально нормальное, нетрезвое, стресс, аффект, заторможенность и др.) и фоновое эмоциональное состояние (злоба, уверенность, растерянность, боязнь и др.). Оно влияет на динамические особенности и содержание всех указанных выше составляющих психической деятельности и, тем самым, на уголовно релевантное поведение субъекта. Его оценка дополняет понимание мотивации действий и принятую цель-способ, а также степень разумности либо импульсивности психической деятельности, детерминирующей преступное поведение.

6. *Актуальная социальная роль субъекта* деяния (статусно-ролевая установка), в которой он находился в ситуации, присущей преступному поведению. Она влияет на мотивацию и характер противоправных действий (например, роль защитника близкого человека, или роль друга, члена группы). Ее анализ в некоторых случаях является полезным для более правильного понимания субъективной стороны преступления, прежде всего его мотивации.

7. *Обстоятельства ситуации совершения преступления* выступают внешним фактором его совершения, который может носить характер причины либо условия совершения преступления. В качестве таких обстоятельств могут выступать условия жизнедеятельности субъекта, действия и влияния членов группы, действия потерпевшего и другие обстоятельства ситуации, предшествующей совершению преступления и присущие процессу его совершения.

По характеру и степени своего влияния на мотивацию преступления условия можно подразделить: на вынуждающие совершение противо-

правных действий (вплоть до прямого принуждения); провоцирующие такие действия; стимулирующие их совершение (подстрекательство), противоречивые (побуждающие и одновременно препятствующие совершению), нейтральные (не способствующие и не препятствующие); препятствующие и несущие высокий риск пресечения или изобличения. Психологический анализ обстоятельств социальной ситуации, в которой совершается преступление, имеет значение для понимания его мотивов, целей, а также особенностей личности субъекта преступления.

8. *Психологические свойства личности* субъекта преступления выступают в механизме деяния как внутренние предпосылки его совершения, выражающие степень предрасположенности к совершению, а также особенности совершения. Их анализ должен опираться на теоретические положения, раскрывающие структуру криминальной склонности личности преступника и возможную типологию таких склонностей. При раскрытии и расследовании преступлений важно учитывать, что преступление может совершить лицо, имеющее такую предрасположенность. Она может быть максимально выраженной и представлять предрасположенность к инициативному совершению преступления, а при минимальной выраженности представляет отсутствие антикриминальной устойчивости, что представляет податливость криминогенным влияниям других лиц или обстоятельств ситуации.

Второй аспект психологического анализа преступления выражается в раскрытии его психологического генезиса. О таком аспекте писал В.Н. Кудрявцев [11], хотя его раскрытие свелось фактически к структурно-функциональному анализу преступления. На наш взгляд, психологический генезис преступления необходимо понимать как протекающий во времени процесс порождения психической деятельности, которая детерминирует подготовку и совершение преступного деяния, посткриминальное поведение по сокрытию следов и избежанию изобличения. Эта психическая деятельность обеспечивает формирование ситуативной готовности к совершению преступного деяния и ее реализации в действиях или умышленном бездействии. Она может протекать относительно длительно по времени (когда субъект изучает обстоятельства, обдумывает план действий, уточняет, испытывает сомнения и преодолевает их и т. д.) либо может протекать быстро, импульсивно, в том числе по освоенному алгоритму действий. Главным моментом в генезисе преступления является приобретение субъектом достаточно зрелой волевой решимости совершить деяние. Она выражает результат целеполагания, которому присуща уверенность в необходимости действовать, что можно трактовать как возникновение криминальной целевой установки, которая включает продуманный план действий.

Изучение психологического генезиса преступления предполагает выяснение фрагментов психической деятельности субъекта на основе вопросов: что он воспринимал последовательно во времени, предшествующем преступному поведению и в период его совершения (на что обращал внимание); как он это оценивал, что думал по этому поводу, что предвидел и предчувствовал; какие испытывал желания, чувства (эмоции); какие мысли были по поводу собственных действий, что обдумывал и как решал действовать, какие испытывал сомнения, опасения, почему изменил решение и т. д. Выяснение этих вопросов позволяет получать последовательно во времени «срезы» отражательно-регулятивных процессов и реконструировать целостную картину формирования готовности к совершению преступного деяния, которая не должна иметь «пробелов» или необъяснимых противоречий.

Психологический анализ преступного поведения как в структурно-функциональном, так и в генетическом плане требует учета уровневого строения психической деятельности, детерминирующей поведение человека. Она протекает в диапазоне «сознание–подсознание», в котором можно выделить три ее уровня [12]:

интеллектуальный, представляющий сознательную (произвольную, преднамеренную) регуляцию поведения, когда человек действует преимущественно на основе разумной оценки и расчета;

эмоциональный, когда человек действует преимущественно исходя из своих чувственных отношений, переживаемых эмоций, на основе эмоционально-оценочных переживаний и реакций, порождающих побуждения и решения;

импульсивный, когда регуляция действий осуществляется преимущественно подсознательно, в силу привычек, навыков и других автоматизмов, что может происходить на фоне высокого эмоционального возбуждения, а также может мотивироваться влечениями (зависимостями), которые субъект не в состоянии произвольно контролировать.

Еще один аспект, требующий учета при психологическом анализе преступного поведения, – степень способности субъекта к разумной оценке происходящих событий, присущих совершению преступления, и своих собственных действий и способность к разумной и произвольной регуляции таких действий, контролируемой сознанием. Этот аспект связан с оценкой вменяемости субъекта. В соответствии с уголовным законом возможно признание вменяемости, невменяемости и уменьшенной вменяемости субъекта общественно опасного поведения. Его вменяемое состояние выражает способность к разумности и призывности психи-

ческой регуляции, при которой обстоятельства оцениваются в большей мере адекватно их правовому значению, а действия осуществляются в соответствии с логикой достижения личностно значимой цели с использованием для этого субъективно приемлемого противоправного способа. В этом случае психологический анализ преступления исходит из разумной мотивированности и целесообразности совершаемых действий, а также закономерностей психической регуляции поведения, в которой проявляются указанные уровни и соответствующие им процессы. В случае уменьшенной вменяемости субъекта в момент совершения общественно опасного деяния психологический анализ с позиций разумной мотивированности и целесообразности действий подходит частично. Субъект может находиться, например, в состоянии наркотического опьянения, которое искажает восприятие и оценку ситуации, а также психическую регуляцию активности, в значительной мере лишая ее разумности. В этом случае психологический анализ может осуществляться с учетом закономерностей функционирования психики при наличии ситуативных либо устойчивых аномалий.

Таким образом, психологический анализ преступного поведения предполагает научно обоснованное описание как его психологического механизма, так и психологического генезиса с учетом уровневого строения психической деятельности, детерминирующей преступное поведение, а также нормальности либо аномальности функционирования психики. В этом случае обеспечивается системный подход к реконструкции преступного поведения, включающий его психическую регуляцию, что необходимо для убедительного установления истины по уголовному делу.

Список использованных источников

1. Дулов, А.В. Судебная психология : учеб. пособие / А.В. Дулов. – Изд. 2-е, исправ. и доп. – Минск : Высш. шк., 1975. – 462 с.
2. Антонян, Ю.М. Психология преступления и наказания / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов, М.И. Еникеев. – М. : Пинатес-Пенаты, 2000. – 451 с.
3. Образцов, В.А. Криминалистическая психология / В.А. Образцов, С.В. Богомолова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2002. – 448 с.
4. Сафуанов, Ф.С. Психология криминальной агрессии / Ф.С. Сафуанов. – М. : Смысл, 2003. – 300 с.
5. Andrews, D.A. The Psychology of Criminal Conduct / D.A. Andrews, J. Bonta. – 2010. – 699 p.
6. Pakes, F. Criminal Psychology / F. Pakes, S. Pakes. – Routledge, 2012. – 184 p.
7. Bartol, C.R. Criminal Behavior. A Psychological Approach / C.R. Bartol, A.M. Batrol // 11th Global edition. – Pearson Higher Education & Professional Group, 2016. – 672 p.

8. Щербаков, Г.В. Психология преступного поведения: взгляд зарубежных ученых / Г.В. Щербаков, И.В. Лаврентьева // Приклад. юрид. психология. – 2016. – № 4. – С. 6–12.

9. Пастушеня, А.Н. Криминальная психология / А.Н. Пастушеня. – Минск : Акад. МВД, 2020. – 239 с.

10. Познышев, С.В. Криминальная психология: преступные типы / С.В. Познышев. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 300 с.

11. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие / В.Н. Кудрявцев. – М. : НОРМА, 2019. – 220 с.

12. Пастушеня, А.Н. Уровни психической регуляции социального поведения индивида и их учет в психологическом анализе преступления / А.Н. Пастушеня // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 2. – С. 152–156.

Дата поступления в редакцию: 13.04.2022

УДК 159.99

Ф.В. Пекарский

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ИНВАЛИДАМИ С УЧЕТОМ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ИХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Посвящена анализу психологических аспектов поддержания высокого уровня эффективности труда сотрудников органов внутренних дел в работе с инвалидами. Осуществлен общий анализ феномена психологии общения с лицами с ограниченными возможностями и оценено современное состояние проблемы.

Ключевые слова: психология инвалидности, морально-психологическая чувствительность к инклюзивности.

F.V. Pekarsky

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF WORK WITH DISABLED PEOPLE IN CONSIDERING THE STATE OF HEALTH AND THEIR PSYCHOPHYSIOLOGICAL DEVELOPMENT

The article is devoted to the analysis of the psychological aspects of maintaining a high level of labor efficiency of employees of internal affairs bodies in working with people with disabilities. A general analysis of the phenomenon of the psychology of communication with persons with disabilities was carried out and the current state of the problem was assessed.

Keywords: psychology of disability, moral and psychological sensitivity to inclusiveness.

В норме поведение человека опосредовано совокупностью его жизненных целей, мотивов и ожиданий, подкрепленных актуальными психологическими ресурсами, выраженными, в свою очередь, общим психоэмоциональным состоянием. Физически и психически здоровый человек в значительной степени осознает свои возможности и ограничения и соизмеряет с ними энергозатратность действий по достижению тех или иных результатов социальной активности.

Несколько иной выглядит ситуация со стороны лиц, имеющих временные либо постоянные ограничения своих возможностей, – у инвалидов. Как граждане, они имеют полный набор прав и обязанностей, но не все из них им доступны без приложения особых усилий. Как лица с ограниченными возможностями, инвалиды часто сталкиваются с непониманием и недостаточной внимательностью со стороны других людей, в том числе, со стороны сотрудников органов внутренних дел при исполнении ими своих служебных обязанностей.

В моменте инвалидность может быть даже охарактеризована как особое психологическое состояние личности, которое включает в себя специфический набор установок, ожиданий, эмоциональных и поведенческих реакций на внешние стимулы и формы взаимодействия с другими [1].

В широком смысле слова инвалидность (от лат. *invalidus* – букв. «не-сильный») – это понятие для обозначения состояния человека с физическими, умственными, сенсорными или психическими отклонениями, при котором имеются препятствия или ограничения в его жизнедеятельности. Понятие «инвалидность» характеризует не просто наличие хронического заболевания или патологического состояния, которое ограничивает способности человека, оно указывает на особый характер взаимоотношений человека с инвалидностью с обществом [5].

Термин «инвалидность» одновременно является юридическим, медицинским и психологическим. Юридически инвалиды имеют право на определенные льготы, пенсионные выплаты, нуждаются в социальной реабилитации и помощи, для того чтобы могли чувствовать себя полноценными членами общества. С целью учета особенностей лиц с ограниченными возможностями выделяются специальные парковочные места у магазинов и организаций; занижаются ограничители тротуаров и т. п. для удобства проезда на инвалидных колясках; на отдельных пешеходных переходах светофоры оборудуются аппаратурой для воспроизведения специальных сигналов и др. В медицинском плане инвалиды нуждаются в особой медицинской помощи и сопровождении, в психологическом – они нуждаются в особом отношении, индивидуальной и социальной поддержке и принятии [2].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), на сегодня в мире насчитывается более 1 млрд людей с той или иной формой инвалидности, что составляет около 15 % населения планеты (и этот показатель постоянно растет) [1]. Многие из них живут в развивающихся странах, где нередко подвергаются дискриминации, насилию, эксплуатации, становятся жертвами предрассудков, стигматизации и жестокого обращения. Люди с инвалидностью нуждаются в специальных программах по социальной интеграции, расширении доступа даже к первичной медико-санитарной помощи, но прежде всего в психологически обоснованной системе коммуникации на всех уровнях общественных связей и отношений.

Инвалидность классифицируется по разным основаниям. При этом каждый выделяемый тип инвалидности характеризуется своими социально-психологическими и поведенческими особенностями. По основанию возраста лиц с ограниченными возможностями делят на детей-инвалидов и взрослых инвалидов. В зависимости от причины инвалидности – на инвалидов войны, труда, с детства и инвалидов по общему заболеванию. В зависимости от степени утраты способности к передвижению – на мобильных, маломобильных и неподвижных. В зависимости от нарушенной функции – на инвалидность в связи с расстройствами двигательной сферы; со стороны сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, пищеварения, выделения, органов внутренней секреции, обмена веществ; со стороны органов чувств: слуха, зрения, обоняния, осязания; инвалидность по причине психических расстройств, нарушений памяти, внимания, восприятия, воли, эмоций, речи.

Самой известной и употребляемой в связи с медико-юридическим обоснованием выступает классификация инвалидности в зависимости от степени утраты трудоспособности и способности к самообслуживанию: различают инвалидность I, II и III группы [3, 4].

I группа объединяет лиц, чья способность к самообслуживанию полностью утрачена. Инвалид зависит от окружающих, постоянно нуждается в их помощи и уходе. Способность к передвижению утрачена, человек не может передвигаться без чужой помощи. Отмечается дезориентация во времени и пространстве. Человек не может общаться с окружающими, не в состоянии контролировать свое поведение.

II группа. Способность к самообслуживанию утрачена частично: инвалид в состоянии себя обслуживать и передвигаться, но только с использованием специальных приспособлений или с помощью окружающих. Трудоспособность утрачена, либо человек может выполнять определенные виды работы, но нуждается в специальных условиях,

особом оснащении рабочего места, посторонней помощи. Способность к обучению утрачена, либо человек может обучаться в специальных учебных заведениях, по особой адаптированной программе, либо только в домашних условиях. Ориентация во времени и пространстве, контроль над своим поведением возможны с помощью посторонних. Для того чтобы общаться с окружающими людьми, нужна посторонняя помощь или специальные устройства.

III группа. Человек может себя обслуживать, применяя специальные вспомогательные средства. Он может передвигаться, но медленнее, чем здоровые люди, на меньшие расстояния. Способность к обучению сохраняется, но нужен специальный режим, помощь других людей помимо педагогов. Люди с III группой инвалидности не могут работать по профессии, вынуждены выполнять менее квалифицированную работу, в меньших объемах. Для адекватной ориентации во времени и пространстве нужны вспомогательные устройства. Скорость общения снижается, человек способен усваивать и передавать меньшие объемы информации.

Для многих людей общение с лицами с ограниченными возможностями становится настоящим испытанием, тем более неловкость могут обнаруживать сотрудники правоохранительных органов в процессе реализации своих профессиональных функций. Люди боятся задеть инвалида неосторожным словом, взглядом, вынудить его почувствовать себя некомфортно. Сотрудники могут испытывать даже некоторое чувство вины, связанное с психологически воспринимаемой возможностью оказаться в моменте менее вежливым и внимательным к гражданину, чем того требует ситуация и его внутреннее намерение. В связи с чем и сотрудники, и многие граждане в целом нуждаются в базовом просвещении относительно психологически обоснованных способов взаимодействия с инвалидами с учетом особенностей их восприятия внешних интервенций в свой адрес.

Учет психологических особенностей поведения инвалидов из разных групп, связанных с наличием у них различных возможностей самопомощи и ориентации в окружающем их пространстве, предполагает следование перечню элементарных рекомендаций. Так, по убеждению большинства исследователей данного вопроса, **основное правило общения с инвалидами** заключается в том, что *никогда не следует показывать им свое превосходство и излишнюю сердобольность, навязчивое сочувствие*. Общаться с инвалидами нужно так же, как обычно общаетесь с остальными людьми, и вести себя при этом нужно так же, как обычно [4].

Всегда спрашивайте, нужна ли помощь, прежде чем оказать ее. Более того, предлагать помощь следует, только если есть готовность ее

оказать. Обе стороны общения могут оказаться в очень сильном замешательстве, если произойдет обратное.

Если предложение о помощи принято, следует спросить, что нужно делать и далее четко следовать инструкциям. Инвалид лучше понимает, в чем его нужда, и какая помощь ему требуется. Делая же что-то за инвалида, мы невольно «реинвалидизируем» его, делая еще более беспомощным из-за потери им ранее доступного функционала как способа самоконтроля и контроля взаимодействия с внешним миром.

Если возможно, перед началом общения следует расположиться так, чтобы ваши лица были на одном уровне, соответственно, избегая положения, при котором собеседнику из числа лиц с ограниченными возможностями приходилось бы запрокидывать голову.

Если существуют архитектурные барьеры, следует предупредить о них, чтобы человек, испытывающий трудности при передвижении, заранее имел возможность принимать решения. Яркое солнце или тень тоже могут быть барьерами для слабовидящих либо лиц с ограничениями мобильности. При спуске или подъеме по ступенькам следует вести незрячего перпендикулярно к ним. Передвигаясь, не делать рывков, резких движений, заранее предупреждая об их необходимости, например, по объективным причинам.

Прежде чем заговорить с человеком, у которого понижен слух, следует дать знак, что вы собираетесь ему что-то сказать. Чтобы привлечь внимание человека, который плохо слышит, можно помахать ему рукой или похлопать по плечу. Далее, разговаривая с человеком, у которого плохой слух, необходимо смотреть прямо на него. Инвалид должен иметь возможность следить за выражением вашего лица и понимать, что ваши слова адресованы именно ему. Говорить при этом следует медленно и отчетливо, слегка усилив артикуляцию произносимых звуков, используя простые фразы и избегая несущественных слов. Важно убедиться, что вас поняли. Не стесняться переспрашивать, понял ли вас собеседник.

Иногда контакт достигается, если неслышащему говорить шепотом. В этом случае улучшается артикуляция рта, что облегчает чтение с губ. В то же время следует знать, что не все люди, которые плохо слышат, могут читать по губам. Вам лучше всего спросить об этом в начале разговора. Но даже если ваш собеседник обладает этим навыком, необходимо иметь в виду, что, согласно статистике, только три из десяти слов хорошо прочитываются по губам.

Если вы сообщаете информацию, которая включает в себя номер, технический или другой сложный термин, адрес, напишите ее, чтобы она была точно понята. В целом, если существуют трудности при устном общении, спросите, не будет ли проще переписываться.

Очень часто глухие используют язык жестов. Если приходится общаться через сурдопереводчика, не следует забывать, что обращаться нужно непосредственно к собеседнику, а не к переводчику.

Позитивным фактом в этом месте можно назвать развитую практику обучения сотрудников практических подразделений основам жестового языка, что снижает потребность в привлечении сурдопереводчиков, а также способствует повышению авторитета и признания самих сотрудников в глазах лиц с ограниченными возможностями.

При общении с людьми с нарушением зрения, предлагая свою помощь, нужно ненавязчиво направлять человека, не стискивать его руку, идти с обычной скоростью. Передвигаясь, не следует делать рывков, резких движений. Не нужно хватать слепого человека и тащить его за собой. Важно кратко описать, где вы находитесь, предупреждать о препятствиях: ступенях, резких поворотах, низких притолах и т. п.

Если вы собираетесь читать незрячему человеку, сначала предупредите об этом. Говорить при этом следует нормальным голосом. Не пропускать информацию, если об этом не попросят.

Всегда следует обращаться непосредственно к человеку, даже если он вас не видит, а не к его зрячему компаньону, – этот момент хорошо чувствуется лицами с ограничениями по зрению. Нужно называть себя и представлять других собеседников, а также остальных присутствующих, если они участвуют в коммуникативном акте даже просто наблюдателями. Когда же общение происходит сразу с группой незрячих людей, не следует забывать каждый раз называть того, к кому обращаетесь.

Когда вы предлагаете незрячему человеку сесть, не усаживайте его, а направьте руку на спинку стула или подлокотник.

Нельзя заставлять незрячего собеседника вещать в пустоту. Если необходимо переместиться, следует предупредить инвалида по зрению.

Вполне нормально употреблять выражение «смотреть». Для незрячего человека это означает «видеть руками», осязать.

При общении с людьми с задержкой в развитии и проблемами общения нужно использовать доступный язык, выражаться точно и по делу. Не следует при этом думать, что вас не поймут. Исходите из того, что взрослый человек с задержкой в развитии имеет такой же опыт, как и любой другой взрослый человек. При этом важно быть готовым повторить свое речевое послание несколько раз. Нельзя сдаваться, если с первого раза не поняли. С людьми, имеющими психические нарушения, также нельзя говорить резко, даже если для этого есть основания. Не следует также думать, что люди с психическими нарушениями более других склонны к внезапным вспышкам насилия. Если вы дружелюбны и спокойны, они также будут чувствовать себя спокойно.

Не следует перебивать и поправлять человека, который испытывает трудности в речи. Начинайте говорить только тогда, когда убедитесь, что он уже закончил свою мысль. Не пытайтесь ускорить разговор. Будьте готовы к тому, что разговор с человеком с затрудненной речью займет больше времени. Не нужно думать, что затруднения в речи – это показатель низкого уровня интеллекта человека. Как правило, это результат органических нарушений в работе головного мозга, не связанных с логикой и другими аспектами мышления. Для оптимизации процесса общения можно стараться задавать вопросы, которые требуют коротких ответов или кивка. Но ни в коем случае нельзя притворяться, если вы не поняли, что вам сказали. Не стесняйтесь переспросить. Будьте терпеливы. Если же вы спешите, лучше, извинившись, договориться об общении в другое время. Это психологически может быть лучшим выходом из ситуации, оптимальным для всех.

Как видно из приведенных примеров, особенности у общения с инвалидами есть. Но они не глобальны. Общение всегда может быть продуктивным и эффективным, если оба собеседника остаются на позициях здравого смысла.

Имеющиеся ограничения могут вызывать напряжение и раздражение, поэтому важно сохранять спокойствие и доброжелательность. В конце концов, если не будет понятно, что и как делать в моменте, всегда можно прямо спросить об этом своего собеседника. Не бойтесь задеть его этим, ведь тем самым вы показываете, что искренне заинтересованы в общении. Если вы стремитесь быть понятым, вас обязательно поймут.

Не бойтесь шутить. Шутка, тактичная и уместная, только поможет вам наладить общение и разрядить обстановку. Относитесь к другому человеку, как к себе самому, как равному, уважайте его, и тогда все будет хорошо.

Одна из главных проблем инвалидов – это одиночество, невозможность полноценного общения. Однако в каждом случае – свои трудности, и почти всегда они не лучшим образом сказываются на характере человека. Очень трудно и даже психологически невыносимо быть одиноким. Есть, конечно, и специфические, характерные для того или иного заболевания психологические особенности. Например, больным диабетом свойственна повышенная раздражительность, сердечникам – тревожность и страхи. Люди же с синдромом Дауна, как правило, добры и доверчивы.

Подводя черту, можно выделить перечень общих принципов при общении с инвалидами:

признание инвалида равным. Самое худшее, что мы можем сделать для лица с ограниченными возможностями, – это лишний раз напомнить ему, что он какой-то «не такой»;

быть искренним в том, что приемлемо и комфортно для вас; использовать возможности инвалидов, не делая за них важную часть их действий, веря в их силы и сохраняя спокойствие и уверенность;

не показывать жалость (особенно напускную, «социетальную») к лицам с ограниченными возможностями;

соблюдать речевой этикет, не травмируя инвалидов общеупотребимыми словосочетаниями, которые им неприятны. Так, очень распространенное выражение «прикован к коляске» – вызывает у инвалидов чувство «обреченности»; слова «глухонемой», «немой» – говорят им о невозможности общения, контакта с вами; «больной» – значит, «надо лечить», «беспомощный»; слова «паралитик», «неполноценный», «безрукий», «калека», «слабоумный», «ненормальный», «даун» вызывают у инвалидов боль отчуждения и стигматизации. Напротив, нейтрально-позитивно воспринимаются выражения «человек с ограниченными физическими возможностями», «человек на коляске», «человек с травмой позвоночника», «человек с инвалидностью», «незрячий». Даже само слово «инвалид» вызывает различные чувства, но, в целом, большинство людей считает его приемлемым, поскольку это слово официальное, наиболее часто употребляемое и ставшее в определенной степени абстрактным.

Учитывая психологические особенности инвалидов, сотрудники правоохранительных органов не только более успешно решают поставленные перед ними задачи, но и обеспечивают процесс инклюзивности, т. е. ход социальной интеграции, включение граждан, имеющих особенности физического развития, инвалидность или ментальные отличия, в комплексную социокультурную практику.

Список использованных источников

1. Калинычева, Т. Инвалиды в зеркале общественного сознания / Т. Калинычева // Вестн. благотворительности. – 1995. – № 2. – С. 6–7.
2. Кудинов, С.И. Психологические особенности самореализации личности с ограниченными физическими возможностями / С.И. Кудинов, С.С. Кудинов // Сиб. пед. журн. – 2010. – № 5. – С. 272–280.
3. Морозова, Е.В. Субъективное отношение к инвалидности у пациентов в процессе прохождения медико-социальной экспертизы / В.В. Козлов, Е.В. Морозова, Н.Б. Шабалина // Седьмая волна : сб. науч. ст. – Вып. 3. – Ярославль-Минск : МАПН, 2007. – С. 143–153.
4. Психология инвалидности : метод. указания / сост. Н.А. Соловьева ; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 2004. – 47 с.
5. Шинина, Т.В. Проблемы личности инвалидов: социально-психологические аспекты / Т.В. Шинина // Вестн. МГОУ. Серия «Психол. науки». – 2011. – № 1. – С. 145–150.

Дата поступления в редакцию: 21.04.2022

С.С. Сагайдак, В.В. Котов

МЕТОДИКИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ ПАРАМЕТРОВ ВНИМАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассмотрены методики специализированного развития параметров внимания (объем, переключаемость, устойчивость, распределение), необходимых для эффективного выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел. Разработанный тренировочно-диагностический комплекс ориентирован также на развитие центрального и периферического зрения.

Ключевые слова: параметры внимания, центральное и периферическое зрение, тренировочно-диагностический комплекс, специализированное развитие, сотрудники органов внутренних дел.

S.S. Sagaidak, V.V. Kotov

METHODS OF SPECIALIZED DEVELOPMENT ATTENTION PARAMETERS OF INTERNAL AFFAIRS EMPLOYEES

The methods of specialized development of attention parameters (volume, switchability, stability, distribution) necessary for the effective performance of official duties by internal affairs employees are considered. The developed diagnostic and training complex is also focused on the development of central and peripheral vision.

Keywords: attention parameters, central and peripheral vision, diagnostic and training complex, specialized development, internal affairs employees.

Развитые познавательные характеристики (внимание, память, мышление) обеспечивают информационную доминанту эффективной профессиональной деятельности вне зависимости от ее специальной (предметной) направленности. М.А. Холодная подчеркивала, что совокупность познавательных процессов – это «рабочие органы» интеллекта [1]. Таким образом, изучение и тренинг познавательных процессов ведут к истокам развития интеллектуальных способностей человека, к его базовым опорным точкам. Б.Г. Ананьев рассматривал умственную деятельность как сложное взаимодействие множества познавательных функций, составляющих фундамент человеческого интеллекта [2]. Т.П. Зинченко в предисловии к своему фундаментальному труду «Когнитивная и прикладная психология» цитирует классических представителей американской когнитивной психологии У. Найссера и Дж. Клейна, которые отмечали, что «современная когнитивная психология – это психология внимания» [3, с. 3].

Внимание – познавательный психический процесс, сущностью которого является направленность и сосредоточенность сознания на определенных объектах при одновременном отвлечении от других. Как правило, вниманием выделяются актуальные, важные для человека, лично значимые сигналы. Ограничения одновременного восприятия нескольких независимых сигналов, информация о которых поступает из внешней и внутренней среды, связаны с основной характеристикой внимания – его фиксированным объемом. Объем внимания определяется количеством одновременно (в пределах 0,1 с) отчетливо воспринимаемых объектов. *Переключаемость внимания* – динамическая характеристика, определяющая способность внимания быстро переходить от одного объекта к другому. *Распределение внимания* – свойство, характеризующее возможность одновременного успешного выполнения нескольких различных видов деятельности (действий). Объем внимания является базальным количественным показателем продуктивности внимания, а распределение и переключение внимания отражают операционные особенности этого процесса [4].

Совокупность разнообразных представлений о центральных механизмах внимания проанализировал и обобщил П.Я. Гальперин. В результате он разбил их на три группы. В первую группу попали моторные теории. В них внимание рассматривается как результат двигательного приспособления, улучшающего восприятие предмета. Во вторую группу отнесены теории, делающие акцент на ограниченности объема внимания. В них более «сильные» представления вытесняют из поля более «слабые». Сила представления в этом смысле определяется сложением интенсивности внешнего раздражения и активности той части прошлого опыта, которая присоединяется к нему по ассоциации. С этой точки зрения более «сильными» будут те представления, к которым добавляются содержательные воспоминания сходного опыта. Третью группу составляют теории, связывающие внимание с мотивацией: привлекает внимание то, что связано с интересами человека. Тогда эмоциональный настрой сообщает объекту дополнительную интенсивность, а с ней повышаются ясность и отчетливость восприятия [5].

Во всех трех группах представлений можно выделить общий принцип – возникновение дополнительного возбуждения, усиливающего восприятие конкретного объекта, которое рассматривается как механизм привлечения к нему внимания. Только в одном случае оно порождается импульсами от мышц – при повторении ряда движений, в другом – направляется воздействием сходного прошлого опыта, в третьем – связано с системой интересов личности и эмоциональным настроением челове-

ка. Отсюда следует, что исследование, а также последующее развитие функций внимания – это диагностика и тренинг активационных способностей нервной системы индивида, сопровождающееся подключением сознательного волевого усилия по качественному восприятию объекта.

Для сотрудников органов внутренних дел вне зависимости от спектра должностных обязанностей одним из ведущих профессионально важных качеств являются развитые параметры внимания: объем, переключаемость, устойчивость, распределение. Для отдельных профессионально-должностных категорий сотрудников органов внутренних дел весьма значимыми являются также параметры центрального и периферического зрения, дающие весомый вклад в эффективность внимания. Однако диагностический этап не является основной целью; по полученным результатам целесообразно проводить тренировочный этап для повышения уровня выраженности специализированных профессионально важных качеств.

Разработан тренировочно-диагностический комплекс специализированного развития параметров внимания, связанных с центральным и периферическим зрением. Комплекс содержит три методики:

- развитие параметров объема и переключаемости внимания;
- развитие параметров устойчивости и распределения внимания;
- развитие параметров внимания, управляющего скоростно-координационными действиями рук и ног.

Методика развития параметров объема и переключаемости внимания. При исследовании и тренинге объема и переключаемости произвольного внимания прототипом методики послужили красно-черные таблицы Горбова-Шульте [6, 7]. Методика развития параметров объема и переключаемости внимания реализуется посредством одновременно предъявления на экране монитора компьютера чисел двух цветов: от 1 до 25 включительно черного цвета и от 1 до 24 включительно красного цвета, случайным образом скомпонованных в матрице размером 7×7 квадратов. Требуется максимально быстро последовательно работать над тремя задачами:

найти и отметить щелчком «мыши» в порядке возрастания цифры черного цвета от 1 до 25;

найти и отметить щелчком «мыши» в порядке убывания цифры красного цвета от 24 до 1;

найти и отметить щелчком «мыши» попеременно черные и красные числа, при этом черные – в порядке возрастания, красные – в порядке убывания.

Целесообразно работать на широком мониторе для одновременной тренировки центрального и периферического зрения.

Модель деятельности, заложенная в тренировочно-диагностической методике, предполагает, что после осознания постановки задачи тренирующийся «сканирует» взглядом таблицу в поисках исходного числа «1», по ходу запоминает местоположение чисел «2», «3», а возможно, и далее. Найдя и отметив число «1», испытуемый уже помнит местоположение числа «2» и отмечает его уже быстрее и т. д. Таким образом, чем большую цепочку чисел с их местоположением удерживает в памяти испытуемый, тем быстрее он отмечает весь ряд чисел.

Когда постановка задачи требует одновременного «сканирования» черного возрастающего и красного убывающего числовых рядов, то задача усложняется требованием помнить, во-первых, последнее отмеченное число при переходе от возрастающего к убывающему ряду чисел; во-вторых, смену двух цветов (красного и черного).

Объем внимания определяется количеством одновременно отчетливо воспринимаемых объектов. Переключаемость внимания – динамическая характеристика, определяющая способность внимания быстро переходить от одного объекта к другому. Качественные параметры работы над первыми двумя задачами характеризуют объем внимания (формируемая длина цепочки запоминаемых местоположений чисел), работа над третьей задачей – переключаемость внимания (появляется доминирующий фактор междурядной переключаемости внимания по двум параметрам числа: величины и цвета).

Необходимо отметить, что при каждом обращении к тесту случайным образом выбирается одна из 12 таблиц вариантов расположения чисел, постоянно хранящихся в памяти компьютера. Повторное предъявление одной и той же таблицы в течение сеанса исключено.

Тренировка базовых параметров объема и переключаемости внимания необходима всем категориям сотрудников органов внутренних дел вне зависимости от специфики служебно-должностных обязанностей.

Методика развития параметров устойчивости и распределения внимания основана на разработках О.А. Андреева и Л.Н. Хромова [8] по развитию техники быстрого чтения с расширением угла зрения. Методика развития параметров устойчивости и распределения внимания реализована на условии одновременного восприятия нескольких динамических объектов. Устойчивость внимания – длительность выполнения задачи, требующей непрерывного внимания (бдительности), например, при работе с редкими или слабыми сигналами. Распределение внимания – качество деятельности при одновременном выполнении двух и более задач.

Методика количественного измерения параметров устойчивости и распределения внимания заключается в как можно более точном совмещении крестика (при помощи джойстика) с движущимся кругом в

вертикальной плоскости монитора компьютера с одновременным запоминанием стимулов (предварительно выбирается вид – геометрические фигуры, буквы, слоги, слова, цифры, двухзначные числа). Стимулы появляются на экране монитора компьютера по обеим сторонам от движущегося круга в случайные моменты времени на короткий промежуток.

Таким образом, одновременное выполнение двух задач (фиксация взгляда на центральном стимуле и запоминание стимулов, предъявляемых по боковым осям) позволяет развить соответственно устойчивость и переключаемость внимания.

Тренировка центрального и периферического зрения заключается в последовательном увеличении расстояния предъявляющихся стимулов по отношению к вертикальной оси движения круга. Рекомендуемые расстояния в порядке возрастания: 50 мм, 120 мм и 200 мм (последний интервал обусловлен размером стандартного листа бумаги формата А4 шириной 210 мм).

Методика способствует развитию параметров внимания, центрального и периферического зрения, т. е. расширению угла функционального восприятия информации. Таким образом формируется навык скоротечности: способность воспринимать информацию (например, с листа бумаги стандартного формата) концентрированно, качественно и в сжатые интервалы времени.

Развитие параметров внимания, центрального и периферического зрения как способность качественно и быстро воспринимать суть зрительной информации, изложенной в документах, особенно важно для должностных категорий сотрудников органов внутренних дел подразделений криминальной милиции, занимающихся борьбой с экономическими преступлениями.

Методика развития параметров внимания, управляющего скоростно-координационными действиями рук и ног, состоит из руля, педалей и подрулевых переключателей, подключенных к персональному компьютеру. Он выявляет и тренирует способности качественного зрительно-двигательного управления в контурах «глаза – руки», «глаза – ноги» и «глаза – руки – ноги» [9].

Тренирующемуся в центре экрана монитора компьютера в случайной последовательности предъявляются стимулы (в нарастающей модальности от одной до трех) следующим образом: стимул – это картинка, а предъявление – одновременная демонстрация одного либо нескольких стимулов, ответ на стимул – реакция тренирующегося или ее отсутствие. Таким образом, на предъявление стимула могут быть даны одна либо несколько ответных реакций. Количество предъявлений стимулов

в каждой серии определяется в настройках в зависимости от динамики результативности тренирующегося.

Виды предъявляемых стимулов и соответствующие реакции тренирующегося:

стрелка влево (поворот руля влево), вверх (не поворачивать руль) или вправо (поворот руля вправо);

красный круг (нажать левую педаль), желтый (не нажимать) или зеленый круг (нажать правую педаль);

круг черного цвета (нажать левый подрулевой переключатель), треугольник (не нажимать) или квадрат (нажать правый подрулевой переключатель).

Таким образом, стимулы делятся на тормозные (на которые правильным ответом является отсутствие реакции) и положительные (на которые правильным ответом является одна из реакций: правая или левая).

После соответствующей реакции тренирующегося (поворот руля, нажатие педали, нажатие подрулевого переключателя) стимул исчезает. Время предъявления также определяется в настройках в зависимости от динамики результативности: задается интервал, из которого для каждого предъявления выбирается случайное значение. Таким же образом определяется время между предъявлениями (от момента исчезновения стимула до предъявления следующего). Если за время предъявления не произошло реакции – стимул исчезает, реакция засчитывается как ошибочная.

Тренировка может включать от одной до семи серий в зависимости от выбора в настройках для определенных скоростно-координационных действий:

одномодальные серии – поворот руля, нажатие педалей, нажатие подрулевых переключателей;

двухмодальные серии – поворот руля плюс нажатие педалей, поворот руля плюс нажатие подрулевых переключателей, нажатие подрулевых переключателей плюс нажатие педалей;

трехмодальная серия – все три действия одновременно.

Методика специализированного развития периферического зрения, управляющего скоростно-координационными действиями рук и ног, заключается в выполнении одно-, двух- и трехмодальных серий сначала на одном мониторе, а затем – на двух, с возможностью их значительного пространственного разнесения друг от друга. При выполнении тренировки на двух мониторах тренирующемуся необходимо смотреть прямо перед собой, фиксируя взгляд на центральной оси между мониторами.

Методика специализированного развития периферического зрения, управляющего скоростно-координационными действиями рук и ног,

ориентирована в первую очередь на развитие профессионально важных умений и навыков представителей следующих должностных категорий сотрудников органов внутренних дел:

боец группы специального назначения;

милиционер-водитель группы задержания батальона милиции;

милиционер подразделения патрульно-постовой службы милиции.

Кроме того, развитие периферического зрения при скоростно-координационных действиях с точки зрения формирования общего профессионального навыка целесообразно для отдельных должностных категорий сотрудников органов внутренних дел подразделений:

милиции общественной безопасности (милиционер оперативной роты отряда милиции особого назначения, инспектор дорожно-патрульной службы);

Департамента охраны (милиционер группы задержания батальона милиции, милиционер батальона милиции);

Департамента исполнения наказаний (контролер дежурной смены); внутренних войск (контролеры взвода контролеров, взвода охраны, стрелкового взвода).

Список использованных источников

1. Холодная, М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М.А. Холодная. – Томск : Изд-во Том. ун-та ; М. : Барс, 1997. – 392 с.
2. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
3. Зинченко, Т.П. Когнитивная и прикладная психология / Т.П. Зинченко. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2000. – 608 с.
4. Грановская, Р.М. Элементы практической психологии / Р.М. Грановская. – Изд. 3-е, с изм. и доп. – СПб. : Свет, 1997. – 608 с.
5. Гальперин, П.Я. Экспериментальное формирование внимания / П.Я. Гальперин, С.Л. Кабыльницкая. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 102 с.
6. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб. : Питер Ком, 1999. – 528 с.
7. Сухарева, Л.М. Унифицированная методика физиолого-гигиенических аспектов профессиональной ориентации и профессионального отбора молодежи / Л.М. Сухарева. – М. : Ин-т гигиены детей и подростков, 1985. – 124 с.
8. Андреев, О.А. Техника быстрого чтения / О.А. Андреев, Л.Н. Хромов. – Минск : Універсітэцкае, 1997. – 224 с.
9. Сагайдак, С.С. Прогноз успешности формирования базовых навыков управления механическим транспортным средством / С.С. Сагайдак // Психол. журн. – 2012. – № 1–2 (31–32). – С. 54–59.

Дата поступления в редакцию: 21.10.2022

УДК 159.9

О.Э. Схолчик

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ

Рассматривается сущность психологического тренинга как области практической психологии и одной из форм групповой психологической работы. Раскрываются особенности психологического тренинга, обусловленные групповым характером работы и используемыми методами работы, возможности решения различных задач личностной и профессиональной сфер жизнедеятельности индивида. Отмечены роль и значение психологических тренингов профессиональной направленности, ориентированных на развитие профессионального самосознания и потенциала личности, формирования профессионально важных качеств, умений и навыков. Особая роль отводится применению тренинговых технологий в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел. Раскрываются отдельные возможности использования тренингов личностного роста, мотивации, психической саморегуляции в профессиональной деятельности сотрудников.

Ключевые слова: психологический тренинг, тренинг профессиональной направленности, сотрудники органов внутренних дел, тренинг личностного роста, тренинг психической саморегуляции, тренинг мотивации.

O.E. Shopchik

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL TRAINING AND ITS APPLICATION FOR SOLVING PROBLEMS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF EMPLOYEES

The article deals with the essence of psychological training as a field of practical psychology and one of the forms of group psychological work. The features of psychological training, due to the group nature of the work and the methods of work used, the possibility of solving various problems of the personal and professional spheres of the individual's life are revealed. The author notes the role and importance of psychological trainings of a professional orientation, focused on the development of professional self-awareness and the potential of the individual, the formation of professional necessary qualities, skills and abilities. A special role is given to the use of training technologies in the training of employees of internal affairs bodies. Separate possibilities of using trainings for personal growth, motivation, mental self-regulation in the professional activities of employees are revealed.

Keywords: psychological training, professional orientation training, internal affairs officers, personal growth training, mental self-regulation training, motivation training.

В настоящее время все более востребованной формой групповой психологической работы является психологический тренинг. Это обусловлено возможностью решения с помощью его методов различных задач в личной и профессиональной сферах жизни, преодоления личностью собственных ограничений, которые препятствуют эффективной жизнедеятельности за счет актуализации личностных ресурсов, обеспечивающих решение не только актуальных проблем, но и профилактики их возникновения в будущем.

На сегодня в научной литературе представлены разные подходы к трактовке тренинга и возможностей его применения (И.Н. Андреева, И.В. Вачков, Ю.Н. Емельянов, Т.В. Зайцева, С.И. Макшанов, Л.А. Петровская, Б.Д. Парыгин, В.Э. Пахальян, К. Рудестам, Е.В. Сидоренко, А.А. Трус, К. Фопель, И.А. Фурманов, В.А. Хриптович, Н.Ю. Хрящева и др.). Однако единого общепринятого толкования понятия «тренинг» не сложилось. Тренинг рассматривают и как совокупность методов развития способностей к обучению [9], развития профессионального и личностного самосознания людей и актуализации их ресурсов [1]; как форму психологического воздействия, направленного на повышение психологической компетентности в общении [11]; как форму активного обучения по формированию навыков и умений построения межличностных отношений, развития в себе способности познания и понимания себя и других [2]; как инструментальное действие, позволяющее участникам активно овладевать собственным поведением, повышая уровень саморегуляции [4]; как метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации с целью гармонизации профессионального и личностного бытия человека [10] и др.

Различные взгляды на трактовку тренинга обусловлены разными подходами авторов к пониманию его природы, широким спектром задач, которые он позволяет решать: от приобретения определенных психологических знаний и практических умений по конкретной проблематике, лучшего понимания себя, построения эффективного командного взаимодействия, улучшения процесса адаптации и др. до успешной профессиональной и личностной самореализации, наступления позитивных изменений в жизни за счет личностных изменений.

Психологический тренинг приводит к определенным изменениям психологических характеристик, как конкретного участника, так и группы, организации в целом. Понятие «изменения» выделяют в качестве ключевой категории в понимании тренинга как «многофункционального метода преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации с целью гармонизации профессиональ-

ного и личностного бытия человека» [10]. Происходящие изменения являются осознанными и желаемыми, поскольку участники в них заинтересованы, как правило, затрагивают все сферы личности: когнитивную, эмоционально-чувственную и поведенческую. Когнитивный аспект изменений может заключаться в приобретении новой информации о себе и других, явлении, проблеме в зависимости от тематики тренинга. Эмоционально-чувственный аспект связан с осознанием переживаний, возникающих в связи с полученной информацией, новыми знаниями о себе и других, личных неудач и недостатков, объективацией собственных эмоций и чувств. На поведенческом уровне происходит овладение новыми умениями, расширение собственного поведенческого репертуара, освоение навыков саморегуляции и т. д. Однако для того, чтобы ожидаемые изменения произошли, важна не только компетентность ведущего, но и наличие мотивации в самоизменении у участников тренинга, принятие ими личной ответственности за наступление желаемых изменений и степень их активности на тренинге. Важно, чтобы участники увидели пользу для себя в том, чтобы научиться разбираться в особенностях своей личности, научиться рефлексировать свою деятельность. Осознание участниками своего поведения и принятие личной ответственности за собственные действия и поступки является необходимостью для личностного роста.

Тренинг как групповая форма психологической работы имеет ряд преимуществ, обусловленных групповым характером работы и используемыми методическими средствами. Именно групповое взаимодействие участников выступает необходимым условием решения требуемых задач. Наличие группы предоставляет прежде всего возможности для самопознания, самопонимания: каждый член тренинговой группы познает себя, свои личностные характеристики, поведенческие особенности посредством других, осмысливая, какое влияние он сам оказывает на них, а также получая обратную связь от иных участников. Идентифицируясь с другими членами группы, индивид выделяет их личностные черты, особенности поведения и общения, которые затем анализирует, оценивает, примеряет к себе, и, сравнивая со своими особенностями, начинает более глубоко понимать особенности другого человека и свои собственные [10]. В процессе группового обмена опытом при обсуждении типичных жизненных трудностей участники замечают схожесть в своих чувствах и переживаниях других, стремятся найти решение собственных проблем.

Создание специфической среды на тренинге во многом определяет эффективность работы участников. Готовность рассказывать о соб-

ственных проблемах, не бояться проявлять свои истинные чувства и мысли обеспечивается созданием в группе эмоциональной поддержки и психологической безопасности, ведущих к ослаблению защитных механизмов личности и самораскрытию [7, 8]. В атмосфере доброжелательности и взаимоподдержки возможность посмотреть на себя глазами других участников помогает осознать собственные ограничивающие убеждения, причины проблем, и в дальнейшем способствует их изменению, овладению новыми и более успешными моделями поведения и способами преодоления жизненных проблем. Принимаемая от других участников помощь и ощущение необходимости самому оказать поддержку повышает у индивида чувство собственной полезности и помогает преодолеть эгоцентризм, проявляющийся в излишней сосредоточенности на своих проблемах, укрепляет уверенность в собственных возможностях справиться с трудностями.

Возникновение внутри тренинговой группы настоящего взаимодействия, раскрытие себя, проявление искренней заинтересованности в другом и принятие его ценности, а значит и ценности собственной личности, предполагает развитие самосознания участников. Кроме того, большинство тренингов направлено на то, чтобы человек смог преодолевать трудности, мешающие его гармоничному всестороннему развитию, раскрытие у него внутреннего потенциала. В связи с чем развитие самосознания является одной из важнейших задач психологического тренинга, во многом определяющих его успешность. Самосознание – это осознание индивидом себя, своих физических, интеллектуальных и других качеств, их самооценка, отношение к ним и к самому себе; совокупность представлений о самом себе. Особенностью восприятия индивидом себя и окружающего мира выступает то, что оно опосредовано его «Я-образом», который избирательно пропускает информацию о себе и действительности. Как правило, человек склонен исказить или отрицать ту информацию, которая не подтверждает его представлений о себе и мире. В связи с этим он может игнорировать информацию о том, что он, например, не прав или ошибается, и склонен соглашаться с той, которая согласуется со сложившимся представлением о себе. Таким образом, индивид начинает воспринимать окружающую действительность через призму собственных представлений, невольно искажая или игнорируя информацию, которая отличается от его субъективных представлений, и организует свое поведение и деятельность исходя из ошибочных ориентиров. Поэтому работа с самосознанием участников начинается с самой первой встречи и продолжается в течение всего тренинга. Кроме того, развитие самосознания тесно связано с развитием

профессионального самосознания, где особая роль принадлежит системе представлений индивида о себе как субъекте профессиональной деятельности. Такой образ является результатом осознания и оценивания индивидом самого себя как субъекта профессиональной деятельности, носителя определенной социальной роли, обладающего важными профессионально значимыми качествами.

Следует отметить большое разнообразие методических средств, используемых в тренинговой работе. Так, методы классифицируют, исходя из типа событий, происходящих в тренинге: методы работы с прошлыми событиями; методы работы с событиями, которые возникают на самом тренинге, и методы, нацеленные на моделирование событий [1]. Указывают также на техники представления информации, предназначенные для осознания и передачи информации (дискуссии, лекции, рисуночные техники и др.); имитационные техники, предполагающие создание ситуаций, значимых для целей тренинга, в которых участники получают возможность освоить новые способы действий в профессиональной деятельности, расширить собственный ролевой репертуар (игры, кейс-метод, психодрама, социодрама, медитация, визуализация, психогимнастика, мозговой штурм); техники создания реальной среды (выполнение участниками тренинга реальных задач в группе) [10].

Несмотря на разнообразие методических средств, используемых в тренинговой работе, можно выделить базовые методы, к которым относят групповую дискуссию, игровые методы и психогимнастические упражнения. Используются также мозговой штурм, метод кейсов, релаксационные, аутотренинговые и медитативные упражнения.

Возможность решения посредством психологического тренинга широкого спектра задач обусловило существование на сегодня достаточно большого разнообразия различных видов тренинга, тренинговых групп и их классификаций, во многом пересекающихся друг с другом. Наиболее известными являются социально-психологический, психотерапевтический, бизнес-тренинг, тренинг личностного роста; тренинги, предназначенные для определенной категории лиц, решения определенных проблем и т. д.

Цели тренинга могут быть самыми разнообразными, например, оказание помощи участникам в овладении эффективными способами межличностного взаимодействия, определенными умениями и навыками; изменение социально-психологических установок и ценностных ориентаций личности; содействие процессу личностного саморазвития и осознания психологических проблем, оказание помощи в их решении, достижению оптимального уровня жизнедеятельности; улучшение самочувствия и укрепление психического здоровья и т. д.

Значимое место отводится тренингам профессиональной направленности, которые ориентированы на развитие профессионального самосознания и потенциала личности, формирования профессионально важных качеств, умений и навыков. Особая роль принадлежит применению тренинговых технологий в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел. Профессиональная направленность таких тренингов требует максимальной конкретизации целей и задач, исходя из содержания профессиональной деятельности сотрудников, необходимости решения определенных проблем. Так, целями психологических тренингов сотрудников органов внутренних дел могут выступать: повышение психологической устойчивости сотрудников к воздействию стресс-факторов; развитие необходимых психологических и профессионально важных качеств, навыков и умений, способствующих высокоэффективному выполнению профессиональных действий; развитие навыков ролевого поведения в различных ситуациях оперативно-служебной деятельности; развитие коммуникативной компетентности, умений использовать эффективные модели по разрешению конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности; развитие личностного и профессионального потенциала и др. В зависимости от решаемых задач можно выделить тренинг личностного роста, тренинг мотивации, тренинг психической саморегуляции, развития коммуникативных умений и др.

Так, тренинг личностного роста призван стимулировать профессиональное и личностное саморазвитие сотрудников, активизировать их личностные ресурсы. С помощью различных методов и техник участники могут осознать и научиться преодолевать свои психологические проблемы, препятствующие решению их жизненных и профессиональных задач. Посредством самореализации, личностного роста происходит раскрытие и развитие заложенного в человеке потенциала (К. Гольдштейн, А. Маслоу, Ш. Бюлер, К. Роджерс и др.). Представление о личностном росте основывается на позитивном видении природы человека, присущем ему врожденному стремлению к реализации своих потенциальных возможностей, которые ведут к личностной зрелости, удовлетворению высших потребностей и психологическому благополучию. Самореализация индивида в профессиональной и личностной сферах способствует качественному улучшению его жизни в целом, эффективному взаимодействию с другими людьми, успешной профессиональной деятельности и удовлетворенности собой и жизнью [13, 14]. Развитие личностного и профессионального потенциала сотрудников органов внутренних дел предполагает развитие их профессионального самосо-

знания, стремления к развитию необходимых личностных и деловых качеств. Реализация потенциала в условиях профессиональной деятельности проявляется в профессиональном росте сотрудника, в результате которого происходит достижение высот профессионализма, повышение профессиональной компетентности и мастерства. Высокий профессионализм, наличие необходимых личностных, деловых и профессиональных качеств, стремление к профессиональной самореализации способствуют успешному продвижению сотрудника по карьерной лестнице [12].

Внутренней предпосылкой успешности формирования профессионализма, профессионального роста выступает мотивация, обеспечивающая стремление и готовность сотрудников органов внутренних дел прикладывать усилия в работе, сохранять высокую работоспособность под влиянием значительных нагрузок и выступающая одним из важнейших факторов обеспечения эффективности профессиональной деятельности в целом. Активизация мотивов сотрудников повышает эффективность их оперативно-служебной деятельности, способствует более успешному осуществлению своих обязанностей, личностному и профессиональному самосовершенствованию. В связи с чем важное значение имеет наличие у сотрудников устойчивых мотивов профессиональной деятельности, определяющих долговременные планы службы в органах внутренних дел и возможность успешной самореализации в профессии.

Формированию мотивов профессиональной деятельности способствует раскрытие возможностей профессии, которые могут удовлетворить различные потребности сотрудников: в престиже, признании, достижении и повышении статуса и т. д. Динамика мотивационной структуры во многом зависит от уровня профессионального мастерства сотрудника.

Одним из мотивирующих факторов достижения сотрудником высоких результатов выступает удовлетворенность работой. Было установлено, что чувство удовлетворенности зависит от таких факторов, как достижения и признание успеха, интерес к работе, ответственность, продвижение по службе, возможность профессионального роста [6]. Отмечают, что чем более сложной является деятельность, тем в большей мере она может восприниматься как возможность для самореализации, личностно-профессионального развития, поскольку в такой деятельности реализуется потребность индивида в компетентности, что позволяет ему чувствовать себя эффективным, профессионалом в данной сфере, появляется ощущение самодетерминации – осознание себя причиной собственных действий [3].

Мотивационный тренинг с сотрудниками органов внутренних дел предполагает осознание и развитие мотивов профессиональной дея-

тельности собственной мотивации личностного и профессионального самосовершенствования. Конкретизация целей тренинга обусловлена категорией участников и решаемыми актуальными задачами. Возможными целями мотивационных тренингов с сотрудниками могут быть: содействие развитию профессионального потенциала сотрудников и определению возможных путей профессионального развития; усиление внутренней мотивации в профессиональной деятельности; содействие развитию мотивации достижения; формирование мотивационной готовности к выполнению задач в сложных, напряженных условиях и др.

Использование комплекса активных методов: деловой и ролевой игры, упражнений, групповой дискуссии способствует осознанию участниками себя в личностном и в профессиональном аспектах, укреплению внутренней мотивации к самореализации. В целом происходит комплексное воздействие на когнитивную, эмоциональную, мотивационную сферу личности сотрудника, активизируется его профессиональная мотивация, потребности в самоактуализации, личностном и профессиональном росте.

Таким образом, психологический тренинг позволяет решать разнообразные задачи личного и профессионального характера, преодолевать собственные ограничения, препятствующие эффективной жизнедеятельности. Особая роль принадлежит применению тренинговых технологий в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, которые ориентированы на развитие профессионального самосознания личности, формирования необходимых профессионально важных качеств, умений и навыков, достижению высокого уровня профессионализма и развития личностного потенциала.

Список использованных источников

1. Вачков, И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники : учеб. пособие / И.В. Вачков. – М. : Ось-89, 2007. – 256 с.
2. Битянова, М.Р. Социальная психология / М.Р. Битянова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2004. – 576 с.
3. Гордеева, Т.О. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана / Т.О. Гордеева // Психология мотивации достижения. – М. : Смысл ; Изд. центр «Акад.», 2006. – 332 с.
4. Зайцева, Т.В. Теория психологического тренинга: психологический тренинг как инструментальное действие / Т.В. Зайцева. – СПб. : Речь ; М. : Смысл, 2002.
5. Захаров, В.П. Социально-психологический тренинг / В.П. Захаров, Н.Ю. Хрящева. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 174 с.

6. Казак, Т.В. Профессиональная самоактуализация и психoadаптация сотрудников органов внутренних дел / Т.В. Казак. – Минск : РИВШ, 2015. – 360 с.
7. Коттлер, Дж. Психотерапевтическое консультирование / Дж. Коттлер, Р. Браун. – СПб. : Питер, 2001. – 464 с.
8. Кочюнас, Р. Групповая психотерапия : учеб. пособие для вузов / Р. Кочюнас. – 10-е изд. – М. : Акад. проект, 2018. – 222 с.
9. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1985. – 431 с.
10. Макшанов, С.И. Психогимнастика в тренинге : каталог / С.И. Макшанов, Н.Ю. Хрящева, Е.В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2006. – 141 с.
11. Петровская, Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга / Л.А. Петровская. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 168 с.
12. Психология управления : учебник / под ред. В.В. Вахниной. – М. : Акад. упр. МВД России, 2020. – 284 с.
13. Hobfoll, S.E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress / S.E. Hobfoll // American Psychologist. – 1989. – Vol. 44. – P. 513–524.
14. Positive Psychology in Practice / P. Alex Linley, S. Joseph (Eds.). – London : Wiley, 2004. – P. 504–517, 511.

Дата поступления в редакцию: 24.03.2022

УДК 159.9.07

А.Н. Товстуха

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТИРОВАННОСТИ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА, ОСВОБОЖДАЮЩИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Рассматриваются проблемные вопросы социальной и психологической адаптации освобождающихся осужденных к условиям жизни на свободе в нормальной социальной среде, которые тесно связаны с проблемой борьбы с рецидивной преступностью. Большинство осужденных перед освобождением имеют уровень социальной и психологической адаптации к жизни на свободе ниже среднего и характеризуются низким уровнем эмоциональной устойчивости, высокой тревожностью и напряженностью, что затрудняет процесс их адаптации в целом. Проведение психокоррекционных мероприятий перед освобождением, направленных на формирование успешной психологической адаптированности осужденных, способствует оптимизации и успешному протеканию психологической адаптации, а также социализации после освобождения.

Ключевые слова: личность осужденного, социальная адаптация, психологическая помощь, исследование, психокоррекционная программа, рецидивная преступность.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF PSYCHOLOGICAL ADAPTABILITY OF MALE PERSONS RELEASED FROM PRISONS

The article deals with the problematic issues of social and psychological adaptation of released convicts to the conditions of life at large in a normal social environment, which are closely related to the problem of combating recidivism. The majority of convicts before release have a level of social and psychological adaptation to life in freedom below the average and are characterized by a low level of emotional stability; high anxiety and tension, which complicates the process of their adaptation in general. Carrying out psycho-corrective measures before release, aimed at the formation of a successful psychological adaptation of convicts, contributes to the optimization and successful course of psychological adaptation, as well as socialization after release.

Keywords: convict's personality, social adaptation, psychological assistance, research, psycho-correctional program, recidivism.

Проблема адаптации (приспособления) осужденного к условиям жизни на свободе тесно связана с проблемой борьбы с рецидивной преступностью. Большое значение для решения этих проблем имеет изучение личности осужденного к моменту его освобождения из исправительного учреждения [1, 3, 4].

В период отбывания наказания в местах лишения свободы по ряду причин осужденные не избавились от своих преступных взглядов, наклонностей, установок, преступного мировоззрения. Кроме этого, отдельные осужденные, отбыв срок наказания в местах лишения свободы, обогатили свой преступный опыт, развили преступные навыки. При освобождении такой категории лиц возможно продолжение с их стороны дальнейшей преступной деятельности. Основная масса новых преступлений, совершаемых лицами, которые отбывали наказание в виде лишения свободы, приходится, как правило, на период до 3 лет с момента освобождения [5].

Вместе с тем, по мнению В.Л. Васильева, главным видом «готовой продукции» исправительных учреждений является социально значимый человеческий материал, который должен представлять собой освобожденный из заключения. К сожалению, еще нередки случаи, когда лица, вышедшие из исправительных учреждений, вновь совершают преступления. В этой связи встает проблема доказательств исправления человека, которая не менее актуальна, чем проблема доказательств виновности [1, с. 452].

Т.Г. Татиудинова считает, что многим людям, склонным к совершению преступлений, свойственен разрыв между теми нравственными ценностями, которые они вроде бы признают, и теми, которым фактически следуют. Показатель возможности рецидива – отношение к требованиям закона – лишь небольшая часть респондентов полагают их выполнение необходимым; большинство же готовы им следовать до тех пор, пока не затрагиваются собственные интересы. Оттого то, вряд ли можно считать основную массу выходцев из исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы законопослушными гражданами. Готовность преступить закон – прямой путь к рецидиву [2, с. 345].

Процесс адаптации, приспособления к условиям нормального существования в нормальной социальной среде после длительного срока лишения свободы – сложное явление, требующее активных волевых усилий, высоких нравственных и моральных качеств, хорошо развитого правосознания. Человек должен в короткий срок восстановить, приобрести целый ряд навыков, так сказать, научиться жить заново в обществе, социализироваться (уметь тратить заработанные деньги, обеспечивать себя одеждой, питанием, жильем, восстановить отношения с родными и т. д.).

Кроме этого, освобождающиеся лица проходят и психологическую адаптацию, которая во многом зависит от степени отчужденности личности, характера преступной деятельности, ее продолжительности, состояния микросреды, в которую они входят. Труднее всего адаптироваться лицам, не имеющим образования или профессии, утратившим социально полезные связи, имеющим не одну «ходку», либо осужденным за тяжкие преступления, отбывшим значительные сроки наказания.

Утверждение моральных и нравственных ценностей в сознании бывших осужденных – составная их социальной и психологической адаптации. В первое время после «отсидки» у осужденных возникает ряд сложностей: сложность их взаимоотношений с окружающим миром, отчужденность иллюстрируются и тем фактом, что преобладающее большинство или не очень обращают внимание на общественное мнение о себе или вовсе выражают полнейшее безразличие. А это не что иное, как потеря доверия к обществу, его гуманности, объективности, неприятие его установок. Соответственно, процесс скорейшей адаптации становится сложным и долгим.

Адаптация к жизни в условиях свободы освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы завершается обычно к трем годам, а преобладающей их части – к одному году. В противном случае

высокая эффективность профилактики рецидивной преступности среди освобожденных лиц обеспечена не будет. Если освобожденные из мест лишения свободы не устраиваются на работу или после трудоустройства оставляют ее, не имеют постоянного места жительства или систематически меняют его, нарушают общественный порядок и правила общежития, то это свидетельствует о том, что процесс социальной психологической адаптации протекает неудовлетворительно и есть предпосылки для совершения новых преступлений (рецидива).

Изложенные социальные и психологические факторы, влияющие на психологическую адаптацию освобождающихся лиц, и определили необходимость проведения исследования, результат которого имеет цель разработать психокоррекционную программу, направленную на формирование успешной психологической адаптированности осужденных после освобождения и внедрение ее для использования в практической деятельности пенитенциарных психологов в рамках деятельности психологических лабораторий в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь [6, 7].

Эмпирическое исследование психологических особенностей на процесс адаптации осужденных после освобождения проведено на базе исправительных учреждений управления ДИН МВД Республики Беларусь по Могилевской области (ИК № 2, 9, 15, 17) среди лиц, впервые осужденных к лишению свободы и ранее неоднократно отбывавших наказание в виде лишения свободы, количество респондентов 340 человек в возрасте от 18 до 70 лет.

Исследование проводилось в несколько этапов:

на 1-м этапе велось наблюдение и осуществлялись беседы с лицами мужского пола, освобождающимися из исправительных учреждений в ближайшие 3–6 месяцев (далее – целевая группа), с целью выявления психологических особенностей адаптации, а также осуществлялся сбор независимых характеристик;

на 2-м этапе осуществлялась диагностика целевой группы с помощью тестов: диагностика социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд); опросника социально-психологической адаптированности (А.А. Рукавишникова); 16-факторного опросника Кеттелла;

на 3-м этапе осуществлялась обработка и интерпретация данных.

Следует отметить, что в исследовании принимали участие лица с широким возрастным цензом, осужденные за различные категории преступлений, отбывшие разные сроки наказания в виде лишения свободы от 6 месяцев до 20 лет, имеющие различные уровни образования и преступное прошлое (см. рис. 1–4).

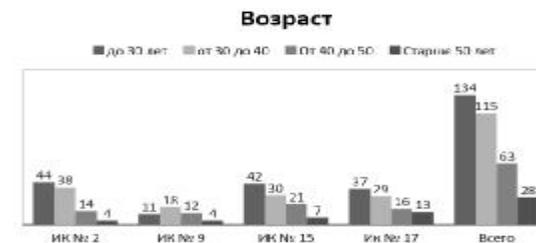

Рис. 1

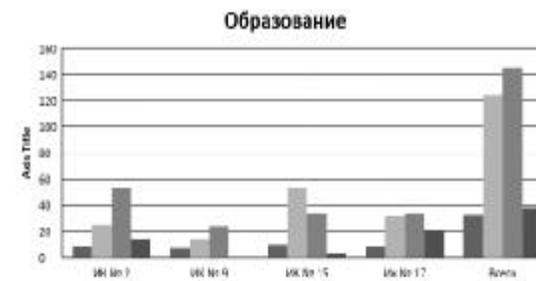

Рис. 2

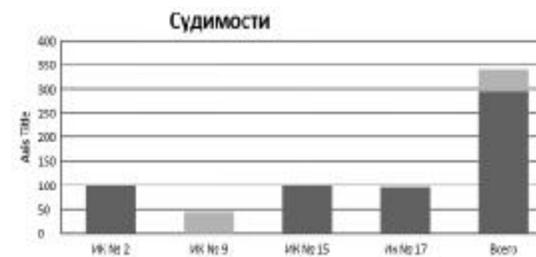

Рис. 3

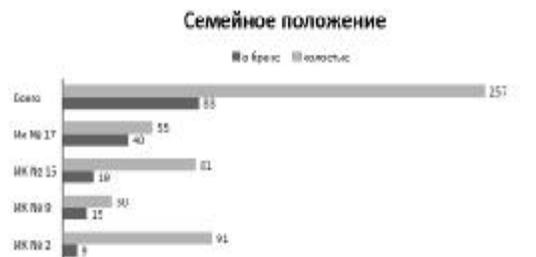

Рис. 4

Таким образом, в результате проведенного исследования на основе эмпирических данных и данных математической статистики проверялась гипотеза об однородности двух независимых групп по фактору количество судимостей (впервые осужденные и ранее отбывавшие наказания в местах лишения свободы) для теста К. Роджерса.

В качестве признака различий между двумя выборками анализировались ответы на вопросы теста по 15 шкалам. Распределение баллов, являющихся ответами на вопросы тестов, не подчинялось нормальному распределению, поэтому применялся тест Вальда-Вольфовица, который представляет собой непараметрическую альтернативу *t*-критерию для независимых выборок. Критерий серий Вальда-Вольфовица проверяет гипотезу о том, что две независимые выборки извлечены из двух популяций, которые в чем-то существенно различаются между собой, иными словами, различаются не только средними, но также формой распределения. Нулевая гипотеза об отсутствии различий была отвергнута для шкал «Лживость» и «Ведомость» на уровне значимости $p < 0,05$. Результаты проверки в SPSS Statistica представлены на рис. 5.

Variable	Valid N неоднократно	Valid N впервые	Mean неоднократно	Mean впервые	Z	p-level	Z adjusted	p-level	No. of Hits	No. of Ties
Лживость	41	295	11,42227	14,14166	2,11671	0,0310294	2,028300	0,041044	40	60
Ведомость	41	295	19,08049	16,96910	2,61103	0,0093093	2,012574	0,011902	68	17

Рис. 5

Влияние фактора «количество судимостей» определялось с помощью непараметрического теста Манна-Уитни для двух независимых выборок. Статистически достоверное различие в этих двух группах для теста Рукавишниково было подтверждено с помощью для шкалы Ie («Включенность в социум»). Таким образом, это объясняется тем, что впервые осужденные проявляют большую включенность в адаптированность после освобождения, нежели неоднократно судимые. Результат приведен на рис. 6.

Variable	Rank Sum неоднократно	Rank Sum впервые	U	Z	p-level	Z adjusted	p-level	Valid N неоднократно	Valid N впервые
Ie	6188,500	61483,50	6481,500	-1,89088	0,0591885	-1,191748	0,235738	45	295

Рис. 6

Для теста Кеттелла эти две группы статистически различаются по шкалам G («Низкая/высокая нормативность поведения») и I («Жесткость/чувствительность»). Это может говорить о том, что впервые осужденные имеют более высокую нормативность поведения и чувствительность, чем неоднократно судимые. Это может быть обусловлено отсутствием богатого преступного прошлого и наличием социально значимых для адаптации факторов (рис. 7).

Variable	Rank Sum неоднократно	Rank Sum впервые	U	Z	p-level	Z adjusted	p-level	Valid N неоднократно	Valid N впервые
G	10057,00	47910,00	4959,000	3,33734	0,0001121	3,90002	0,000006	45	295
I	6224,50	61749,50	6169,500	2,35757	0,019336	2,41939	0,016647	45	295

Рис. 7

Тестировалось статистически значимое различие в ответах целевой группы по различным тестам, различающихся по возрасту (5 групп) с помощью теста Kruskal-Wallis test (аналог многофакторного дисперсионного анализа для нормально распределенных случайных величин). В результате подтвердилась гипотеза о влиянии возраста при ответах на вопросы по шкалам (результаты представлены в табл. 1). А именно показатель (внешний контроль) более выражен у лиц молодежного возраста, чем у лиц старшего поколения. Это может говорить о том, что у лиц молодого возраста имеется склонность приписывать причину событий внешним факторам и не брать ответственность на себя.

Для группы неоднократно судимых лиц старшего возраста свойственна высокая степень эмоционального дискомфорта, т. е. неуверенность, подавленность к окружающей социальной действительности. По Кеттеллу результаты шкал Q1, N, F, C, B могут говорить в пользу лиц старшего возраста, впервые осужденных, о наличии сдержанности, эмоциональном спокойствии, проявления дипломатичности и чувствительности, что также характерно и осужденным, имеющим образование, особенно высшее. В то время как прямолинейность, несдержанность, эмоциональная нестабильность и отсутствие интеллекта характерны лицам молодежного возраста и лицам, ранее неоднократно отбывавшим наказания, зрелого возраста.

Подтвердилась гипотеза о влиянии образования при ответах на вопросы только по тесту Рукавишниково по шкале CW (внутренний и внешний контроль). Полученный результат может свидетельствовать, что группе осужденных, имеющих более высокий уровень образования,

свойственно наличие высокого уровня внутреннего контроля, нежели осужденным, не имеющим образования, Kruskal-Wallis H = 11,30490, P-значение = 0,0102.

Таблица 1

Тест	Шкала	Kruskal-Wallis H	P-значение
Роджерса	Внешний контроль	11,91796	0,0180
	Эмоциональный дискомфорт	15,24197	0,0042
Кеттелла	Q1 (спокойствие/тревожность)	11,84666	0,0185
	N (прямолинейность/дипломатичность)	24,07576	0,0001
	F (сдержанность/экспрессивность)	14,98836	0,0047
	C (эмоциональная стабильность/нестабильность)	12,25846	0,0155
	В (низкий/высокий интеллект)	47,73450	0,0000
Рукавишникова	CW	11,30490	0,0102

Влияние фактора «семейный статус» оказалось значимым критерию Вальда-Вольфовица для теста Роджерса (эмоциональный комфорт), Кеттелла I (жесткость/чувствительность), Q (спокойствие/тревожность), Рукавишникова Ae – аффект (стремление быть в близких отношениях с остальными, проявлять к ним дружеские и теплые чувства). Что может свидетельствовать о том, что, несмотря на возраст (молодой или зрелый), наличие или отсутствие образования, криминальное прошлое, осужденные, у которых сохранились крепкие социально полезные связи (состоят в браке), высокий уровень адаптированности после освобождения. Результаты проверки гипотезы представлены на рис. 8.

Variable	Valid N (listwise)	Mean (listwise)	Mean (adjacent)	Z	p-value	Z-adjusted	p-value	No. of Runs	No. of ties
I	258	10,63022	6,30809	2,82751	0,004690	2,577474	0,009563	25	20
O	258	7,24009	7,11111	3,20832	0,000937	3,003571	0,002217	25	26
Эмоциональный дискомфорт	258	10,217802	22,33333	2,82751	0,004690	2,577474	0,009563	25	24
Ae	258	10,472401	5,24444	2,82751	0,004690	2,577474	0,009563	25	27

Рис. 8

Таким образом, проведенные теоретические и эмпирические исследования показывают, что первоочередного внимания в психологической и социальной адаптации к условиям жизни на свободе требуют лица, не имеющие должного образования, с отсутствием социально полезных связей, имеющие большое криминальное прошлое, как молодежного, так и

зрелого возраста. Поэтому в отношении указанной категории осужденных целесообразней проводить психокоррекционные программы, направленные на формирование их успешной психологической адаптированности, которые способствуют оптимизации и успешному протеканию психологической адаптации и социализации после освобождения.

Список использованных источников

1. Васильев, В.Л. Юридическая психология : учеб. для вузов / В.Л. Васильев. – М. : Юнис, 1997.
2. Татинова, Т.Г. Социальная адаптация бывших заключенных. Социологические исследования / Т.Г. Татинова. – М. : Прайт, 1993.
3. Юридическая психология : учеб. для бакалавров / И.И. Аминов [и др.]. – М. : Проспект, 2014.
4. Глоточкин, А.Д. Исправительно-трудовая психология / А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков. – Рязань, 1985.
5. Кряжева, И.К. Социально-психологические факторы адаптированности личности : дис. ... канд. психол. наук / И.К. Кряжева. – М., 2016.
6. Ларионова, С.А. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика / С.А. Ларионова. – Белгород, 2012.
7. Сандомирский, М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и лично-типологические особенности осужденных / М.Е. Сандомирский. – Уфа, 2016.

Дата поступления в редакцию: 16.10.2022

УДК 159.923

А.А. Урбанович

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИСТЕМНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РУКОВОДИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматривается психолого-управленческий феномен – индивидуальная управленческая концепция руководителя в системе органов внутренних дел. Постулируется система представлений, составляющих содержательную основу концепции. Предпринята попытка дать относительно завершённый взгляд на систему базовых характеристик системной индивидуальной управленческой концепции. К числу таких характеристик отнесены выраженная инновационность, преимущественная ориентация на изменение к лучшему сложившейся управленческой ситуации, широта, охват всего спектра деятельности органа внутренних дел, человекоцентрированный подход, гармоничность и соразмерность стратегических и тактических целей деятельности и др.

Ключевые слова: индивидуальная управленческая концепция, система представлений, базовые характеристики.

A.A. Urbanovich

BASIC CHARACTERISTICS OF THE SYSTEMIC INDIVIDUAL MANAGEMENT CONCEPT OF THE HEAD IN THE SYSTEM OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article deals with the psychological and managerial phenomenon - the individual managerial concept of the head in the system of internal affairs bodies. The system of representations that make up the substantial basis of the concept is postulated, an attempt is made to give a relatively complete view of the system of basic characteristics of the systemic individual management concept. Such characteristics include pronounced innovativeness, a predominant focus on changing the current managerial situation for the better, breadth, coverage of the entire spectrum of activities of the internal affairs body, a human-centered approach, harmony and proportionality of strategic and tactical goals of activity, etc.

Keywords: individual management concept, representation system, basic characteristics.

Смысл существования любой отрасли научного знания заключается в раскрытии законов и закономерностей функционирования и развития ее предмета. В этом отношении психология не является исключением. Как отмечал в свое время С.Л. Рубинштейн, «*Психология изучает психику в закономерностях ее развития*. Психология изучает при этом не одни лишь абстрактно взятые функции, а психические процессы и свойства конкретных индивидов в их реальных взаимоотношениях со средой; психология человека – психику, сознание как конкретной личности, включенной в определенную систему общественных отношений». И далее: «*Основная, конечная теоретическая задача психологии и заключается в раскрытии специфических психологических закономерностей*» [5, с. 32].

Правомерен такой подход и к психологии управления – одной из отраслей психологической науки. По мнению А.В. Карпова, «где бы ни работал будущий специалист и чем бы он ни занимался, он всегда включается в «мир организаций», в систему управления, занимая в ней определенное место (нередко – руководящее). Условием его эффективной деятельности, а в конечном итоге – и жизненного успеха является знание организационных, управленческих закономерностей». Почему же так важно выявлять закономерности управленческого процесса? Ответ прост: предметная сфера деятельности специалистов может быть различной; различными будут, в силу этого, и специфические методы

управления. Однако главное звено менеджмента – человек, его психологические особенности остаются неизменными и имеют универсальное значение [6, с. 5].

Указанные методологические позиции явились для нас отправными при изучении сложного психолого-управленческого феномена – индивидуальной управленческой концепции (ИУК). Постановка проблемы и начало исследований ИУК приходится на конец 70-х гг. прошлого века в Академии МВД СССР под руководством А.И. Китова [3] (М.К. Ардавов [1], Е.П. Клубов [4] и др.). Тем самым было заявлено новое для психологической науки понятие. В 80-е гг. прошлого века в Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР усилиями таких исследователей, как С.М. Белозеров [2], В.В. Скворцов [7] и др., исследования ИУК были продолжены. Постепенно термин «индивидуальная управленческая концепция» становится расхожим и встречается в различных источниках и исследованиях. Начинается своеобразная «экспансия» понятия в разные сферы управленческой деятельности и отрасли научного знания.

Данная концепция представляет собой систему представлений, определяющих содержание управленческих целей, путей и способов их достижения, оценочных критериев результативности, а также презентуемое качество «Я-образа». Эти представления выступают внутренними предпосылками индивидуально-своеобразного содержания управленческой деятельности и охватывают совокупность всех управленческих функций и действий. В целом ИУК выступает как системное видение руководителем своих управленческих задач и способов, позволяющих эти задачи решить. В настоящее время можно констатировать усиление интереса к проблеме ИУК.

Проведенные нами исследования позволяют выделить следующие содержательные компоненты концепции как *системы представлений*:

представления о себе как субъекте управленческой деятельности, должном проявлении себя, своих личных качеств и необходимом самозменении;

представления о целях и содержании собственной управленческой деятельности, включающей субъективно должные методы, формы, средства, стилевые и другие проявления этой деятельности;

представления о миссии организации и о необходимых целях, содержании деятельности подчиненных сотрудников и организационных структур (подразделений) органа внутренних дел в целом;

представления о присущих подчиненным и необходимых (идеальных) лично-деловых качествах сотрудников, об особенностях организационных структур (подразделений) органа внутренних дел и необходимом управленческом воздействии на них и взаимодействии с ними;

представления о социальных (социально-экономических, гуманитарных, правовых, криминогенных и др.) условиях деятельности органа внутренних дел и важности их учета (адаптации к ним);

представления о вышестоящей управленческой системе, выстраивание взаимодействия с ней и др.

Наряду с указанными группами представлений, важными компонентами индивидуальной управленческой концепции выступают определенные *мотивы, ориентации, операционные средства, оценочные категории* и др. К числу базовых мотивов, влияющих на становление ИУК, следует отнести устойчивые управленческие мотивы, осознание смысла и ценности своих управленческих усилий и управленческой деятельности в целом, стремление к гармонии в трех важных измерениях управленческой деятельности («хочу», «могу» и «должен») и др.

Для нас наибольший исследовательский интерес представляли руководители, в значительной мере обладающие системной ИУК (далее – руководители с системной ИУК). Наш подход был обусловлен рядом серьезных обстоятельств, подтвержденных практикой. Во-первых, эффективность правоохранительной деятельности зависит в первую очередь от эффективных руководителей, которые в целом знают, чего хотят и как этого достичь. Это обстоятельство предполагает наличие у них разных вариантов системной ИУК. Во-вторых, опыт таких руководителей выступает как значимый ресурс для молодых руководителей и позволяет им, обогатившись опытом первых, не допустить возможных ошибок в реализации своей ИУК.

Наше исследование подводит к однозначному выводу: при формировании ИУК важное значение имеет наличие притягательного примера в лице другого руководителя, способного стать образцом для подражания. В силу действия закона подражания руководитель-новичок, переработав ряд приемов, методов и форм управленческой деятельности руководителя, взятого в качестве образца, включает их в свою ИУК. Причем многое в этом опыте другого подвергается достаточно серьезной переработке. Руководитель-новичок, неосознанно сопоставляя чужой опыт со своим опытом и своими принципами, установками и убеждениями, перенимает далеко не все, а лишь то, что не противоречит им (по крайней мере, в главном) и способно гармонично вписаться в сложившуюся у него картину мира. Вот почему подход руководителей с системной ИУК является значимым ориентиром для подчиненных и других руководителей, образцом для подражания.

Это исследование подводит к однозначному выводу: значение имеет не опыт сам по себе, а осознание себя в качестве руководителя. Вот по-

чему важно формировать у молодых перспективных сотрудников мотивационную основу к занятию управленческой должности, осуществлять соответствующий подбор и отбор на эти должности, обучение и воспитание молодых руководителей и бережное к ним отношение.

В качестве основы для определения руководителей, ИУК которых в значительной мере обладала системным характером, были взяты ответы респондентов на ряд авторских анкетных методик («Эффективный руководитель в системе ОВД», «Моя индивидуальная управленческая концепция», «Мои представления о сути управленческой деятельности после назначения на новую должность» и др.). Ответы респондентов уточнялись в серии последующих после анкетирования интервью. На основе полученных ответов респондентов все их ИУК условно были разделены по дихотомическому критерию на системные и фрагментарные. К числу значимых базовых характеристик системной ИУК руководителя следует отнести такие:

1) выраженная инновационность, преимущественная ориентация на изменение к лучшему сложившейся управленческой ситуации в данном органе внутренних дел. У руководителей других групп акцент делался на преимущественное изучение сложившейся управленческой ситуации, отсутствовал или был слабо выражен акцент на личное активное и деятельностное начало в предстоящей управленческой деятельности;

2) широта, охват всего спектра деятельности органа внутренних дел. Как правило, рассматривались такие направления управленческой деятельности, как *административно-организационные (процессуальные)* (системная работа с заместителями, постепенное превращение личного состава подразделения в «команду единомышленников», способных действовать слаженно и целеустремленно и др.); *кадровые* (укрепление подразделения профессионалами, избавление от кадрового «балласта», определенные кадровые перемещения среди сотрудников, приоритетность принципа справедливости при кадровых перемещениях и др.); *материально-технические* (меры по усилению технической оснащенности рабочих мест сотрудников, решение автотранспортных проблем и др.). У руководителей второй группы преобладали узость процесса целеполагания, акцентирование лишь какого-либо одного направления деятельности;

3) человекоцентрированный подход. В центре системной концепции – сотрудник. Оценочные суждения о его личностных качествах (ответственные, честные, порядочные и др.) доминируют над суждениями о деловых качествах (грамотные, компетентные, профессионалы и др.). Неудивительно, что большинство респондентов предполагают, что под-

чиненные, в свою очередь, относятся к руководителю с уважением. Руководители данной категории исходят из того, что базисом, на котором можно выстроить эффективное выполнение стоящих перед органом внутренних дел задач, выступает морально-нравственный подход к оценке подчиненных. При этом наиболее правильным и приемлемым средством (приемом, методом) достижения целей управленческой деятельности они считают убеждение, личный пример, уважение и справедливое отношение к подчиненным, поощрение и др.;

4) гармоничность и соразмерность стратегических и тактических целей деятельности, доминирование перспективности, умения взглянуть в будущее. Другими словами, руководители данной группы продемонстрировали действие «фактора вертолета», конкретность будущего результата. Напротив, чем менее руководитель мысленно «включен» в содержание и специфику выполнения предстоящей управленческой деятельности, тем более абстрактными будет изложение ИУК;

5) в основе системной ИУК – выборы и приоритеты конкретного руководителя, базирующиеся на его деловых и личностных качествах (как отметил один из респондентов, ключевым в понятии ИУК для него выступает слово «индивидуальная»). Ряд респондентов указали на важное значение желания стать руководителем. Сотрудник, который не ставит перед собой высоких целей, как правило, не предпринимает особых усилий к самосовершенствованию, повышению своей квалификации, продвижению по служебной лестнице. Другими словами, цель является значимым мотиватором в деятельности руководителя. Данный вывод акцентирует внимание на приоритетность формирования профессионально важных качеств руководителя в процессе его обучения и переподготовки;

6) к числу важнейших деловых качеств, выступающих источниками формирования и совершенствования системной ИУК, были отнесены умение увидеть главное, умение организовать работу подчиненных и др. Приоритетность этих качеств свидетельствует о том, что по мере накопления управленческого опыта происходит закономерное смещение управленческих усилий от «я сам» к «я совместно с другими». Такого рода смещение находит отражение и в ИУК.

Не подвержены девальвации такие личностные качества руководителя, как честность, порядочность, справедливость и др. Они выступают важным ресурсом эффективной управленческой деятельности, источником формирования и развития ИУК.

Рассмотрение указанных закономерностей подводит нас к ряду непреложных выводов.

1. К числу значимых базовых характеристик системной ИУК следует отнести выраженную инновационность, преимущественную ориента-

цию на изменение к лучшему сложившейся управленческой ситуации, широту, охват всего спектра деятельности органа внутренних дел, человекоцентрированный подход, гармоничность и соразмерность стратегических и тактических целей деятельности и др.

2. Важными направлениями подготовки руководителей является формирование у них соответствующих личностных (уважение к подчиненным, личная дисциплинированность и организованность, справедливость, требовательность к себе и к подчиненным и др.), деловых (поведенческая гибкость, коммуникабельность, умение в каждый данный момент выделять в своей работе главное и др.) и педагогических качеств (умение создавать свою «команду», создавать и поддерживать благоприятный морально-психологический климат в служебном коллективе, умение не только обучать и воспитывать своих подчиненных, но и учиться у других, уделять должное внимание самообучению, самовоспитанию, самообразованию, саморазвитию).

3. Требуется пристального внимания, с одной стороны, обучение руководителей процессу внутренней аналитической работы, позволяющей извлекать уроки из своей деятельности, а с другой – различные формы обобщения и распространения передового управленческого опыта, связанного с реализацией собственной ИУК. Размышление о своей позиции в гипотетической ситуации, формулирование своих представлений о собственных ресурсах реализации ИУК, возможных трудностях в процессе ее реализации есть интеллектуальная подготовка, способная с должным эффектом проявиться в ситуации назначения на управленческую должность.

Список использованных источников

1. Ардавов, М.К. Психологические особенности деятельности штабных работников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / М.К. Ардавов ; Акад. МВД СССР. – М., 1979. – 22 с.
2. Белозеров, С.М. Влияние управленческой концепции руководителей на деятельность коллектива предприятия : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / С.М. Белозеров. – М., 1985. – 182 л.
3. Китов, А.И. Психология управления : учеб. для слушателей Акад. МВД СССР / А.И. Китов. – М. : Акад. МВД СССР, 1979. – 521 с.
4. Клубов, Е.П. Управленческая концепция руководителя как метод изучения профессионального мышления / Е.П. Клубов // Методы исследования общения и мышления в производственной деятельности : сб. науч. тр. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 1989. – С.112–127.
5. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2004. – 713 с.

6. Карпов, А.В. Психология менеджмента : учеб. пособие / А.В. Карпов. – М. : Гардарики, 2005. – 584 с.

7. Скворцов, В.В. Влияние управленческой концепции руководителя на организацию исполнительской деятельности подчиненных : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / В.В. Скворцов. – М., 1987. – 171 с.

Дата поступления в редакцию: 10.03.2022

УДК 159.99

Е.Р. Чернобродов

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РУКОВОДИТЕЛЯ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДЧИНЕННЫХ

Раскрывается содержание понятия «личностный потенциал руководителя» в контексте современных требований к деятельности органов внутренних дел. Показана взаимосвязь структурных элементов личностного потенциала с качеством принятия управленческих решений и развитием профессионально важных качеств подчиненных. Высказывается допущение о том, что личностный потенциал руководителя оказывает существенное влияние на создание и поддержание оптимального морально-психологического микроклимата в трудовом коллективе. Показана роль учета ментальности на оценку развития личностного потенциала. Акцентировано внимание на общепсихологические и социально-психологические элементы ментальности в контексте специфики управленческой деятельности в органах внутренних дел. Обозначена как позитивная, так и негативная сторона влияния ментальности на динамичные процессы личностного развития. Личностный потенциал руководителя представляется его внутренним резервом, предопределяющим личностно-профессиональную самостоятельность и результативность деятельности подчиненных.

Ключевые слова: личностный потенциал, жизнестойкость, усилие, профессиональная надежность, самоактуализация, лидерство, ментальность.

E.R. Chernobrodov

INFLUENCE OF THE PERSONAL POTENTIAL OF THE MANAGER ON THE RESULTS OF THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF THE SUBJECTS

The article reveals the content of the concept of 'personal potential of the leader' in the context of modern requirements for the activities of internal affairs bodies. The relationship between the structural elements of personal potential and the qual-

ity of managerial decision-making and the development of professionally important qualities of subordinates is shown. It is assumed that the personal potential of the manager has a significant impact on the creation and maintenance of the optimal moral and psychological microclimate in the workforce. The role of taking into account mentality in assessing the development of personal potential is shown. The article focuses on the general psychological and socio-psychological elements of mentality in the context of the specifics of managerial activity in the internal affairs bodies. Both the positive and the negative side of the influence of mentality on the dynamic processes of personal development are indicated. The personal potential of the leader is represented by his internal reserve, which determines the personal and professional independence and performance of subordinates.

Keywords: personal potential, resilience, effort, professional reliability, self-actualization, leadership, mentality.

В век современных технологий и интенсивных попыток модернизации жизни у обывателя может возникнуть иллюзия, что прогресс неизбежен. О каком бы виде деятельности не шла речь, залог ее успеха предопределяется профессионализмом персонала и его руководителя. Особое место в прогнозировании достижения поставленных целей занимает руководитель трудового коллектива. Руководитель – это изначально запрограммированный субъект деятельности или субъект деятельности, оснащенный личностным потенциалом.

Деятельность подразделений органов внутренних дел достаточно сложно структурирована. Являясь государственными органами исполнительной власти, составной частью правоохранительной системы (главной задачей которой определяется необходимость обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, борьба с преступностью, а также иными правонарушениями), органы внутренних дел нуждаются в кадрах с высоким уровнем профессионализма и с развитым личностным потенциалом.

Д.А. Леонтьев, раскрывая сущность психологического содержания личностного потенциала, особое место уделяет такому психологическому феномену, как жизнестойкость. Жизнестойкость позволяет активизировать волевые процессы, готовность к преодолению трудностей и повышает степень ответственности за результат своей работы и деятельность своих подчиненных. «Когда мы говорим о личностном потенциале, речь идет не столько о базовых личностных чертах или установках, сколько об особенностях системной организации личности в целом, о сложной ее архитектонике, основанной на сложной схеме опосредствования» [4].

В понимании процесса взаимодействия личностного потенциала с другими психическими конструктами особое место занимает осмысление профессиональной деятельности. Внутренняя работа личности над

ранжированием своих потребностей, ценностных ориентаций, формулированием жизненных смыслов, создает ту адаптивную основу, которая, несомненно, скажется на характере управленческой деятельности. Инициативность и творческий подход к служебным обязанностям напрямую связаны с самоактуализацией личности.

Становится очевидным, что при принятии управленческих решений руководствоваться нравственными убеждениями сможет лишь тот руководитель, у которого выше личностный потенциал. Личностный потенциал – это потенциал саморегуляции, система индивидуальных различий, связанных с успешностью управления психологической энергетикой [5]. Д.А. Леонтьев отмечал, что людям с высоким личностным потенциалом присущи такие психологические характеристики, как активность, продуктивность, субъектность (agency), резилентность и продуктивное совладание (coping), самодетерминация, целенаправленность, гибкость [6, с. 670]. В.В. Соколов в структуру личностного потенциала включает его профессиональный компонент, работоспособность, образовательный уровень, творческие способности, духовные возможности [10].

В отечественной психологической науке личностный потенциал неразрывно связан с развитием социума. Все возникающие проблемы социума, в том числе и негативные, так или иначе влияют на личность. Способность трудовых коллективов преодолевать служебные и межличностные проблемы зависят от личностного потенциала их руководителей.

А.В. Васильева справедливо указывает на то, что при выполнении своих служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел помимо выявления психологических особенностей граждан, с которыми вступают во взаимодействие, определяющим становится готовность к преодолению противоречий нравственного характера. По этому поводу, М.К. Мамардашвили считал, что необходимо уделять внимание такому понятию, как «усилие». Когда человек совершает благородный, мужественный поступок, принимает ответственное решение в экстремальной ситуации, то усилие, решимость, активность являются проявлением личностного потенциала. «Когда нравственные ценности и убеждения не опираются на сформировавшиеся личностные структуры, то они не воплощаются в реальный выбор и по сути ничего не значат» [2, с. 128].

В структуре личностного потенциала руководителя обращает на себя внимание способность или неспособность принимать управленческие решения. Профессионализм руководителя напрямую зависит от уровня личностной зрелости. Управленческие способности, отражающие личностный потенциал, представляют собой систему значимых характеристик личности: профессиональную компетентность (знания, навыки, коммуникативные способности, креативность), профессиональная на-

дежность (профессионально важные качества: склонность к планированию, прогнозированию, аналитической работе, готовность к принятию управленческих решений), мотивация карьерного роста.

Современный руководитель находится в состоянии ежедневного решения задач разной направленности (административная, организационная, воспитательная, оперативно-служебная). Дополнительными трудностями выступают: необходимость исполнения служебных обязанностей в условиях острого дефицита времени; разрешение перманентной проблемы повышения уровня кадрового потенциала подчиненных; совладание с ростом документооборота.

Настоящий руководитель всегда остается психологом. Понимание подчиненных и способность к эмпатии, умение взвешенно и конструктивно оценивать отдельные поступки, чуткость и внимательность при сохранении объективности и требовательности, это далеко не весь перечень психологических способностей, необходимых для управления коллективом.

О.В. Евтихов при исследовании личностного потенциала руководителя особое место уделит его лидерским качествам. Рассматривая лидерство как когнитивный конструкт, становится очевидным, что на первые роли выходит комплекс определенных качеств индивида. Именно их набор предопределяет поведенческий сценарий, стиль коммуникационных процессов. Психологическая концепция лидерства предопределяет проявление грамотно построенной речи, умение расположить к себе слушателей/подчиненных, логичность вербальных построений и своевременных невербальных реакций.

Лидерские качества руководителя должны найти свое отражение в профессиональной деятельности. Именно это станет возможным лишь тогда, когда руководитель осознает свою роль. «Одним из важных аспектов психологического исследования лидерства представляется изучение субъективных переживаний и интерпретаций событийности лидером и его последователями» [3, с. 63].

Руководитель-лидер должен обладать соответствующим мировоззрением, уверенностью в своих силах, позитивным самовосприятием. Для того чтобы руководитель был уверен в том, что подчиненные успешно выполняют поставленные им задачи, требуется соблюдение одного условия. В повседневной профессиональной деятельности сотрудникам необходимо воспринимать руководителя лидером во всем спектре данного качества. Успех функционирования любого трудового коллектива зависит от способности руководителя создавать условия для удовлетворения работниками своих социальных потребностей.

При исследовании личностного потенциала видится целесообразным рассмотреть его феноменологию с пониманием сущности менталь-

ности. Это связано прежде всего с желанием установить степень их взаимовлияния. Если под ментальностью рассматривать способ синтеза жизненных явлений и жизненного опыта, представляющий собой результат культуры и «...исторически устойчивые общественные установки, ценности и нормы, имеющие как осознанный, так и неосознанный характер», то возникает вопрос о возможности личности выйти за рамки социального влияния/давления [1, с. 6–7].

Говоря о ментальности, мы акцентируем внимание на том, что она определяется социальными навыками мышления и ценностными ориентациями. Психологическая сущность менталитета/ментальности зависит как от личностной позиции в социальных процессах, так и влияния общественной жизни на индивида. Важным, на наш взгляд, является тот факт, что при доминировании общественных институтов над личностью создается ситуация, при которой ментальность блокирует рефлексию. Запускаемый механизм социальной установки интегрируется в сознании индивида и создает иллюзию контроля над собственными убеждениями и взглядами. Как следствие данного процесса, возникает проблема интерпретации ценностных ориентаций, в том числе и на семантическом уровне. «Именно значения, смыслы и ценности и будут выступать совмещающим началом в ментальности, то есть являются ядерными составляющими ментальности» [9, с. 71].

Ментальность является значимым фактором, влияющим на формы, функции и систему управления какой-либо деятельностью. Руководители органов внутренних дел, как и их подчиненные, являются носителями актуальной ментальности. При этом специфика служебных задач, стиль межличностного взаимодействия и восприятие окружающего мира создают субкультурные представления. Данное обстоятельство содержит как положительные, так и негативные тенденции. В частности, военизированность и бюрократичность служебной деятельности органично совпадает с подсознательной неуверенностью в своих силах и опорой на помощь «сверху». Это ментальное свойство транспортируется в смирение и терпение с одной стороны, а с другой – порождает равнодушие, снижение инициативности, «дозировку» трудовой активности [8, с. 86].

Согласно методике Э. Холла, Россия принадлежит к группе стран с полихроническим восприятием времени. Для части работников характерно нарушение временных рамок (опоздания, прогулы, задержки сроков выполнения работы) и некачественное выполнение работы [7, с. 9]. Для руководителя любого уровня поддержание дисциплины среди подчиненных является одной из приоритетных задач. Требовательность и справедливость в выстраивании отношений в системе «руководитель – подчиненный» должны встраиваться в ментальное сознание сотрудни-

ков системно и аргументированно. Наличие такой способности у руководителя, несомненно, повысит его личностный потенциал.

Личностный потенциал руководителя органов внутренних дел может рассматриваться как фактор, предопределяющий степень эффективности профессиональной деятельности подразделений. Он создаст условия для объективной оценки готовности руководителя к выполнению поставленных перед ним задач. Личностный потенциал выступает интегральной характеристикой уровня личностной зрелости. Определяющим признаком личностной зрелости и формой проявления личностного потенциала является самодетерминация личности.

Список использованных источников

1. Белкин, А.И. Анализ подходов к изучению ментальности в психологической науке / А.И. Белкин // Учен. зап. – 2010. – Т. 3. Серия «Психология. Педагогика». – № 1 (9). – С. 3–10.
2. Васильева, А.В. К вопросу изучения личностного потенциала, его структуры и роли / А.В. Васильева // Человек и образование. – 2016. – № 2 (47). – С.128–132.
3. Евтихов, О.В. Лидерский потенциал руководителя: специфика, содержание и возможности развития / О.В. Евтихов. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2011.
4. Леонтьев, Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации [Электронный ресурс] / Д.А. Леонтьев. – URL: <http://psychology-online.net/articles/doc-1275.html> (дата обращения 03.02.2022).
5. Леонтьев, Д.А. Саморегуляция как предмет изучения и как объяснительный принцип / Д.А. Леонтьев // Психология саморегуляции в XXI в. / под ред. В.И. Моросановой. – СПб. ; М. : Нестор-История, 2011. – С. 74–89.
6. Леонтьев, Д.А. Промежуточные итоги: от идеи к концепции, от переменных к системной модели, от вопросов к новым вопросам / Д.А. Леонтьев // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2011. – С. 669–675.
7. Лисовская, А.И. Менеджмент и особенности российского менталитета / А.И. Лисовская, П.В. Мищенко // Бизнес и дизайн ревю. – 2018. – № 3 (11). – С. 9–14.
8. Лукьянова, Т.В. Менталитет и система управления персоналом / Т.В. Лукьянова // Вестн. ВГУ. Серия «Экономика и управление». – 2005. – № 1. – С. 85–89.
9. Пищик, В.И. Организация системы ментальности / В.И. Пищик // Систем. психология и социология. – 2014. – № 3 (11). – С. 71–80.
10. Соколов, В.В. Философия духа и материи Рене Декарта / В.В. Соколов. – М. : Либроком, 2011. – С. 78–81.

Дата поступления в редакцию: 22.03.2022

Раздел II ЮРИДИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9

В.И. Грушецкий

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПСИХОКОРРЕКЦИОННЫХ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ С ЛИЦАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Рассматриваются организационные особенности и основные аспекты проведения психокоррекционной работы с лицами, осужденными за преступления против половой неприкосновенности. Указывается цель данной работы – совершенствование эффективности ресоциализации осужденных и снижения уровня рецидива преступлений против половой неприкосновенности личности. В связи с этим разработан комплекс психокоррекционных мероприятий для работы психологической службы исправительных учреждений, который направлен на изменение отношения осужденного к себе и совершенному преступлению, формирование навыков саморегуляции психических состояний и контроля над ними. Предлагаются к рассмотрению основные направления психокоррекционной работы с осужденными – психодиагностика и психокоррекция. В результате проведения такой работы с осужденными предполагается, что осужденный сам проанализирует собственное поведение (отклоняющееся от нормы), возьмет на себя ответственность за совершенное преступление, научится контролировать себя, выработает стратегии предотвращения рецидива, проработает иррациональные и антисоциальные установки.

Ключевые слова: психокоррекционная работа, преступления против половой неприкосновенности, осужденные за преступления против половой неприкосновенности.

V.I. Grushetsky

MAIN ASPECTS OF CARRYING OUT PSYCHO-CORRECTIONAL EVENTS WITH PERSONS CONVICTED FOR CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY

The article discusses organizational features and main aspects of conducting psycho-correctional work with persons convicted of crimes against sexual integrity. At the same time, the author points out that the purpose of this work is to improve the effectiveness of resocialization of convicts and reduce the level of recidivism of crimes against the sexual inviolability of the individual. In this regard, the second developed

a set of psycho-corrective measures for the work of the psychological service of correctional institutions, which is aimed at changing the attitude of the convict towards himself and the crime committed, the formation of skills for self-regulation of mental states and control over them. The article also proposes for consideration the main directions of psychocorrectional work with convicts - psychodiagnostics and psychocorrection. The author, as a result of such work with convicts, suggests that the convict himself will look at his own behavior (deviating from the norm), take responsibility for the crime committed, learn to control himself, develop strategies to prevent relapse, work out irrational and antisocial attitudes.

Keywords: psychocorrectional work, crimes against sexual integrity, convicted of crimes against sexual integrity.

Преступность, а именно против половой неприкосновенности, как социальное, негативное и нежелательное явление требует своеобразной борьбы с ней, направленной на искоренение возможности повторов преступлений. В связи с чем была разработана система психокоррекционных мероприятий для применения ее специалистами психологической службы исправительных учреждений, которая направлена на ресоциализацию осужденных, а также на минимизацию уровня рецидива преступлений против половой неприкосновенности личности.

Выделим основные блоки системы мероприятий по работе с осужденными, совершившими преступления против половой неприкосновенности [3]:

- 1) психодиагностика особенностей осужденных, совершивших преступления против половой неприкосновенности;
- 2) психологическая работа с осужденными, совершившими преступления против половой неприкосновенности, включающая психодиагностику и, собственно, психокоррекционную программу;
- 3) социальная работа с осужденными, совершившими преступления против половой неприкосновенности;
- 4) воспитательная работа с осужденными, совершившими преступления против половой неприкосновенности.

Первостепенно остановимся на осуществлении психологической работы, целью которой является создание предпосылок для успешной ресоциализации осужденного путем коррекции его отношения к себе и совершенному преступлению, формирования навыков саморегуляции психических состояний и контроля над собственным поведением [1].

Как уже указывалось ранее, психологическая работа включает в себя два направления – психодиагностическое и психокоррекционное.

Психодиагностическое обследование проводится специалистом в период пребывания осужденного в карантине, в свою очередь, оно на-

целено на выявление и учет индивидуально-психологических особенностей осужденного.

Психологическая работа с осужденными, совершившими преступления против половой неприкосновенности личности, обязывает включать в себя подробный анализ личности осужденного, его жизненного пути, факторов, способствующих совершению преступления, самого преступления и отношения к нему. В результате полученных данных специалист (психолог) подготавливает комплекс мероприятий по психологической коррекции личности осужденного и может спрогнозировать его поведение в недалеком будущем.

Стоит отметить, что с осужденным необходимо своевременно проводить индивидуальное консультирование, в ходе которого обсуждается индивидуальный план ресоциализации (как правило до и после психодиагностического обследования) [3].

Для организации второго направления психологической работы, т. е. психокоррекции, с осужденными за преступления против половой неприкосновенности разрабатываются психокоррекционные программы. Психокоррекционную работу желательно строить исходя из специфики совершенного преступления.

Основной упор в работе необходимо сделать на осознание ситуации совершения преступления, увеличение сочувствия к человеку, против которого было совершено преступление против половой неприкосновенности личности и выработку установок, которые позволили бы избежать в будущем повторения аналогичных ситуаций с тем же результатом.

В психологической коррекции особый акцент должен быть сделан на интенсивную проработку преступлений и развитие способностей к регулированию импульсивности и самоконтролю. Проработка преступлений содержит пошаговый анализ ситуаций, условий, мотивов, личностных качеств, способствовавших совершению преступления против половой неприкосновенности личности, а также реконструкцию поведения и переживаний [2].

Цели психологической работы заключаются в том, чтобы осужденный:

- 1) сам увидел собственное поведение как отклоняющееся от нормы;
- 2) принял на себя ответственность за совершенное преступление;
- 3) осознал связь между преступлением и его фантазиями и импульсивностью;
- 4) научился контролировать себя в ситуациях повышенного риска;
- 5) развивал чувство эмпатии по отношению к ситуации, чувствам жертвы и последствиям для жертвы;
- 6) инициировал поиск альтернатив сексуальным фантазиям и их адекватной реализации;

7) мог самостоятельно выработать стратегии предотвращения рецидива;

8) проработал иррациональные и антисоциальные установки.

Собственно, сама разработанная психокоррекционная программа состоит из десяти частей, включающих в себя занятия, направленные: на управление негативными эмоциями, осознание своего «Я», формирование чувства эмпатии, тактичного поведения, умений сопротивляться групповому давлению. Такие занятия способствуют выработке ответственности за совершенные преступления у осужденных.

Разработанная психокоррекционная программа предполагает такие формы и методы работы, как индивидуальные сессии, групповые дискуссии, обучение техникам саморегуляции психических состояний, психологическое просвещение, тренинги, направленные на развитие самосознания, эмпатических способностей [3].

Подробнее рассмотрим дополнительные формы и методы работы при проведении психокоррекции с осужденными, совершившими преступления против половой неприкосновенности личности [4]:

- обучение техникам саморегуляции психических состояний;
- психологический дебрифинг;
- психологическое просвещение в форме мини-лекций;
- тренинги по развитию коммуникативных качеств, эмпатических способностей, снижению агрессивности и конфликтности;
- групповые дискуссии, обсуждения, мозговой штурм;
- психологические упражнения, направленные на развитие самосознания и самооценки;
- семейное консультирование;
- индивидуальные сессии;
- элементы когнитивно-поведенческого тренинга.

Осужденные за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности могут принимать участие в групповых психотерапевтических сессиях и тренингах. Для них, в частности, рекомендован когнитивно-поведенческий тренинг [3].

По окончании тренинга с осужденными проводится повторное психодиагностическое обследование, а также анализируется обратная связь, поступившая от осужденных и экспертов.

Завершающий этап психологической работы предполагает написание психологом заключения об эффективности программы. Вносятся дополнения и коррективы в индивидуальную программу ресоциализации осужденных на последующих этапах отбывания наказания, включая про-

хождение дополнительных психокоррекционных мероприятий, направленных на развитие эмоциональной устойчивости, управление гневом, снижение уровня конфликтности, развитие социальных навыков и др.

Рассмотрим второй блок системы мероприятий с осужденными за преступления против половой неприкосновенности личности – социальная работа. Цель социальной работы с лицами, совершившими преступления против половой неприкосновенности: успешная ресоциализация осужденного, эффективное включение его в систему социальных отношений после освобождения на основе соблюдения принципов эмпатии и уважения к свободе (в том числе и половой) другого человека, принятия ответственности за свою жизнь, применения навыков управления своими чувствами [1].

Достижение данной цели возможно через оценку ситуации и возможностей осужденного; создание совместно с осужденным новой социальной реальности; при возможности, работа с семьей и ближайшим окружением осужденного, направленная на устранение факторов риска по применению сексуального насилия.

Третий блок системы мероприятий с осужденными за преступления против половой неприкосновенности личности – воспитательная работа, цель которой – корректировка деформированных качеств личности, преодоление у осужденного чуждых обществу взглядов и убеждений и формирование новых позитивных качеств [2].

Это может быть достигнуто путем формирования коммуникативной культуры; коррекции нравственно-половых представлений; осознания причины совершенного преступления; развития традиционно мужских качеств: самостоятельность, смелость; повышения уровня общего и профессионального образования.

Методы социальной и воспитательной работы: беседа на нравственную тему, убеждение, требование, приучение, внушение морально-нравственных норм, педагогический тренинг, создание воспитывающих ситуаций, пример нравственного поведения, решение педагогических задач нравственного содержания, создание ситуаций нравственного выбора, стимулирование нравственного поведения [3].

Приемы социальной и воспитательной работы:

использование поощрения, которое направлено на коррекцию поведения, на закрепление положительного поведения;

создание условий для нравственных упражнений, т. е. сотрудник создает искусственную ситуацию для осужденного, которая будет требовать от него каких-то действий, способствующих формированию его недостающих качеств;

создание ситуации успеха, т. е. сознательно создается воспитателем для проявления осужденным лучших своих качеств, позволяет сформировать позитивную самооценку и стимулировать дальнейшую позитивную деятельность;

опираться на положительное в человеке.

Дополнительные формы индивидуальной социальной и воспитательной работы: индивидуальная беседа; личные поручения осужденному при постоянном контроле со стороны сотрудников; индивидуальное шефство; аттестация осужденного; участие в исправительной программе (во взаимодействии с психиатром, психологом); ведение дневника самовоспитания; индивидуальное консультирование в сложных ситуациях; вовлечение в занятия по интересам (кружковая деятельность); сильная трудовая деятельность [4].

Стоит отметить, что эффективность работы возможно оценить только при комплексной работе специалистов психологической службы исправительных учреждений с осужденными – предварительная диагностика, индивидуальное и (или) групповое консультирование, непосредственно коррекционная программа и повторная психодиагностика.

Таким образом, разработанный комплекс психокоррекционных мероприятий позволит снизить уровень рецидива преступлений осужденных за преступления против половой неприкосновенности личности, а также предполагает возможным изменить особенности поведения осужденных данной категории.

Список использованных источников

1. Кокурин, А.В. Характеристика лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и особенности психологической и воспитательной работы с ними / А.В. Кокурин // Рос. криминол. взгляд. – 2010. – № 2 (22). – С. 361–367.
2. Корнеева, А.В. Психологическая характеристика лиц, обвиняемых в преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А.В. Корнеева, Я.А. Корнеева // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 44–51.
3. Лаврентьева, И.В. Психокоррекционная работа с осужденными за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / И.В. Лаврентьева, Т.И. Савельева // ЧЕЛОВЕК: преступление и наказание. – 2014. – № 2 (85). – С. 184–187.
4. Рогов, А.В. Личностные особенности осужденных, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / А.В. Рогов, С.Д. Хачатурян // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2007. – № 2 (3). – С. 105–108.

Дата поступления в редакцию: 20.10.2022

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ИСПРАВЛЕНИЯ

Рассматривается медико-социальная реабилитация осужденных к лишению свободы на определенный срок, имеющих зависимость от психоактивных веществ, анализируется опыт работы с аналогичной категорией осужденных в Российской Федерации. Приводятся данные о порядке организации реабилитационных центров в Республике Беларусь. Вносятся предложения об увеличении продолжительности нахождения осужденных, имеющих зависимость от психоактивных веществ, в реабилитационных центрах, постпенитенциарном сопровождении указанной категории осужденных в целях продолжения осуществления ими правомерной жизнедеятельности.

Ключевые слова: медико-социальная реабилитация, осужденный, государственные и общественные организации, реабилитационный центр.

MEDICAL AND SOCIAL REHABILITATION OF INMATES AS AN ELEMENT OF CORRECTIONAL SYSTEM

The article deals with medical and social rehabilitation of convicts sentenced to imprisonment for a fixed term who are addicted to psychoactive substances, the experience of work with a similar category of convicts in the Russian Federation is analyzed. Data on the order of organization of rehabilitation centers in the Republic of Belarus are given. Proposals are made to increase the length of stay of convicts with substance dependence in rehabilitation centers, post-penitentiary support of this category of prisoners in order to continue their lawful life activities.

Keywords: medical and social rehabilitation, inmate, state and public organizations, rehabilitation center.

Организация Объединенных Наций официально назвала наркоманию одной из трех главных угроз цивилизации – наряду с ядерной войной и экологической катастрофой [1]. К сожалению, указанная проблема продолжает оставаться актуальной, в том числе и для нашей страны. В течение последнего десятилетия в Республике Беларусь отмечается распространение наркомании среди населения, особенно среди молодежи (в возрасте от 18–29 лет) [2], что негативно сказывается на морально-психологической атмосфере в обществе, отрицательно влияет на экономические процессы и правопорядок.

Важнейшим направлением в сохранении роли государства как гаранта безопасности личности является комплексное совершенствование

процессов по предупреждению и борьбе с преступностью и наркоманией. В этой связи 28 декабря 2014 г. был принят Декрет Президента Республики Беларусь № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» (далее – Декрет) [3], который определил основу комплексного подхода к решению проблемы распространения наркомании. Так, с принятием Декрета количество зарегистрированных наркопреступлений с 2014 г. по 2018 г. снизилось 1,5 раза (2014 г. – 7,3 тыс., 2018 г. – 4,9 тыс.) [4].

Вследствие стабилизации ситуации в сфере наркопреступлений 23 июля 2019 г. был принят Закон «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь». Содержание его предусматривало сокращение нижнего предела наказания за незаконный оборот наркотиков (ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)), а также корректировку УК, позволяющую судам в каждом конкретном случае более избирательно подходить к назначению наказаний за преступления, связанные с оборотом наркотиков, с учетом всех обстоятельств их совершения.

Так, количество осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в 2019 г. составило 2 284 человека, 2020 г. – 2 002, 2021 г. – 2 050. Из них доля лиц, которые имели ранее судимость, в период с 2019 г. по 2021 г. снизилась в 1,3 раза (с 608 до 481) [4].

При этом, несмотря на стабилизацию ситуации, количество лиц, которые в последующем оказываются в местах лишения свободы (а это без малого 2 000 осужденных), нельзя оставлять без должного внимания. В этой связи важно понимать, что результаты работы с указанной категорией осужденных напрямую зависят от проводимых с ними мероприятий по реабилитации в период отбывания наказания.

Для решения исследуемой проблемы целесообразно сопоставить современный опыт осуществления работы с осужденными за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в Российской Федерации и в Республике Беларусь.

Так, в Российской Федерации уже на протяжении продолжительного периода ведется планомерная работа по взаимодействию учреждений уголовно-исполнительной системы с учреждениями здравоохранения по подготовке наркозависимых осужденных к освобождению.

Примечательно, что отправной точкой в разработке методики работы с наркозависимыми осужденными стал подписанный 9 июня 2010 г. Указ Президента Российской Федерации, утверждающий Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. Исходя из этого, была озвучена необходимость развивать механизмы государственно-общественного и государственно-частного партнерства в данной сфере.

В этой связи 26 декабря 2012 г. заседанием Священного Синода Русской Православной Церкви принят документ «Об участии Русской Православной Церкви в реабилитации наркозависимых», в котором определялись отношение Церкви к людям, попавшим в наркотическую зависимость, основные принципы участия Церкви в реабилитации наркозависимых, организация реабилитационного процесса, задачи организации участия Церкви в реабилитации наркозависимых; взаимодействие Церкви с государственными структурами и обществом, взаимодействие Церкви и средств массовой информации в реабилитации наркозависимых [5].

В учреждениях федеральной системы исполнения наказаний Российской Федерации реабилитация наркозависимых больных представляет собой совокупность медицинских (лечебных), психологических, социальных, образовательных и трудовых мер, направленных на восстановление физического и психического состояния наркологического больного, коррекцию, восстановление или формирование его социально приемлемых поведенческих, личностных и социальных качеств, способности приспособления к окружающей среде, полноценного функционирования в обществе без употребления психоактивных веществ (ПАВ), вызывающих наркологическое заболевание.

Реабилитационная среда для наркологических больных обеспечивается совокупностью объединенных программой реабилитации факторов: медицинских (лечение в отделении медико-социальной реабилитации для лиц, страдающих наркологическими заболеваниями, амбулаторное противорецидивное лечение и т. д.), трудовых (трудотерапия в лечебно-производственных мастерских исправительных учреждений), психолого-психотерапевтических, образовательных (получение среднего образования, дистанционные формы обучения, получение специальностей), воспитательных и семейных («Школа подготовки осужденных к освобождению», общественная организация «Родители против наркотиков»).

После прохождения курса обязательного лечения по поводу наркологического заболевания в условиях закрытой реабилитационной среды (исправительные учреждения) осужденные попадают в открытые реабилитационные среды – специализированные учреждения (наркологические центры, диспансеры), поликлиники (амбулатории), сообщества анонимных наркоманов, семейные клубы трезвости, места учебы, досуга. Наркозависимых встретят там положительно только в том случае, если они будут свободны от ПАВ. В открытых средах создается высокий уровень защищенности больных от влияния наркоманической субкультуры и потребления наркотиков, т. е. максимально оградить наркозависимых от старых привычек [6].

Кроме того, с 2012 г. в пенитенциарных учреждениях предусмотрен принцип патронирования, суть которого заключается в совместно с заинтересованными службами (наркологической службой Минздравсоцразвития, службой занятости) осуществлении комплекса мероприятий по ресоциализации больных наркологического профиля, чтобы после освобождения из мест лишения свободы наркологический больной не выпал из поля зрения заинтересованных служб.

Ведется большая работа в этом направлении также в Республике Беларусь. В настоящее время к работе с осужденными активно привлекаются не только государственные органы (их представители), но и такие общественные организации, как РОО «Матери против наркотиков», БОО «Позитивное движение», ОО «Анонимные наркоманы» и др.

С 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь (среди которых исправительное учреждение «Исправительная колония № 4» управления ДИН МВД по Гомельской области) имеется положительный опыт действия реабилитационного центра «Доверие» (далее – центр «Доверие»).

Деятельность указанного центра осуществляется на основании Типового положения о реабилитации осужденных к лишению свободы с зависимостью от ПАВ и программы комплексной медико-социальной реабилитации осужденных к лишению свободы с зависимостью от ПАВ (КМСР), разработанными Департаментом исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь и согласованными с Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

Рассматривая работу центра «Доверие» невозможно не отметить, что в основе его деятельности лежат три базовых принципа – системности и последовательности реабилитационных мероприятий, комплексного подхода. Задачами данного центра являются содействие в прекращении потребления участниками ПАВ, оказание психологической помощи в преодолении зависимости, медицинской помощи по восстановлению психического здоровья, осуществление воспитательного (социально-педагогического) воздействия по формированию у осужденных склонности (мотивации) к добровольному отказу, социальное сопровождение участников реабилитации, в том числе при взаимодействии с государственными учреждениями.

Важным фактором, позволяющим успешно функционировать центру «Доверие», являются заложенные в программе критерии отбора осужденных: наличие зависимости, добровольное согласие (излагается в форме заявления), достаточный срок наказания, позволяющий пройти КМСР, при этом отбор осужденных организуется последова-

тельно, позволяя обновлять состав участников каждые 6 месяцев (срок проведения КМСП).

Программа КМСП за период нахождения осужденного позволяет пройти три периода. Первым является подготовительный, его длительность составляет 15 дней. В течение указанного периода с участниками реабилитации проводится работа по разъяснению основных требований программы КМСП, а также иная информация, касающаяся нахождения их в центре «Доверие».

Далее наступает основной период (5 месяцев), суть которого заключается в реализации программы КМСП (через такие компоненты, как медицинский, психологический и воспитательный).

И завершающий период (15 дней) направлен на закрепление достигнутых результатов от реализации программы КМСП.

Следовательно, участники, успешно прошедшие программу КМСП, в дальнейшем получают постреабилитационное сопровождение. Главными задачами его является закрепление полученных в таком центре адаптивных навыков, поведенческих реакций и установок (путем реализации специальной психокоррекционной программы) и дальнейшее медицинское сопровождение.

Кроме того, в организации работы центра «Доверие» также активно участвуют общественные организации, имеющие положительный опыт работы с данной категорией осужденных. Отметим, что новая форма работы с осужденными, страдающими зависимостью от ПАВ, успешно функционирует в настоящее время в двух исправительных учреждениях Республики Беларусь.

Таким образом, учитывая опыт работы с осужденными, имеющими зависимость от ПАВ в Российской Федерации, а также реабилитационных центров в Республике Беларусь, целесообразно увеличить срок нахождения осужденного в центре до года, предусмотреть постепенное сопровождение указанной категории осужденных в целях продолжения осуществления ими правомерной жизнедеятельности (исходя из статистических данных, каждый пятый, привлеченный к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, является ранее судимым) с привлечением государственных органов и общественных организаций. В ч. 5 ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) внести изменения, а именно после слова «заболевания,» дополнить словами «хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией». Организовать деятельность реабилитационных центров в рамках законодательно закрепленного исправительного учреждения – лечебного исправительного учреждения (ст. 64 УИК).

Список использованных источников

1. Всемирный доклад о наркотиках Управления ООН по наркотикам и преступлениям (2018 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/wdr2018/prelaunch/WDR18_ExSum_Russian.pdf (дата обращения: 04.09.2022).
2. Отчет о научно-исследовательской работе «Причины латентности наркомании, эффективность методик реабилитации и лечения, мер профилактики и предупреждения, прогнозирование развития наркоситуации, направления корректировки мер по противодействию наркоугрозе» [Электронный ресурс]. – URL: https://belarus.un.org/sites/default/files/2022-09/Final/20Version/20of/20Drug/20Policy/20Assessment_13.07.2021.pdf (дата обращения: 04.09.2022).
3. Декрет Президента Республики Беларусь № 6 от 28 декабря 2014 г. «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» [Электронный ресурс]. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-10535> (дата обращения: 04.09.2022).
4. Основные показатели, характеризующие состояние преступности и правонарушений (число зарегистрированных преступлений; численность лиц, совершивших преступления, и численность лиц, пострадавших от совершенных преступлений) (База статистических данных) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/> (дата обращения: 04.09.2022).
5. Документ заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 2012 года «Об участии Русской Православной Церкви в реабилитации наркозависимых» // Журн. Свящ. Синода. – 2012. – № 128.
6. Афанасьева, С.Н. Взаимодействие учреждений УИС и учреждений здравоохранения по подготовке наркозависимых осужденных к освобождению / С.Н. Афанасьева // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2015. – № 10. – С. 35–37.

Дата поступления в редакцию: 21.09.2022

УДК 343.81

Д.А. Павленко

НОРМАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРОЦЕССА ИСПРАВЛЕНИЯ

Отражается тесная взаимосвязь психолого-педагогического содержания процесса исправления и правовых форм его организации в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. Приводится авторское видение подходов к интеграции выработанных педагогической наукой (исправительной педагогией) принципов, форм и методов исправления осужденных в правовое поле на примере конкретных предложений по изменению и дополнению норм

Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, которые предполагается внести на рассмотрение органов законодательной власти в 2022 г. Подчеркивается неразрывная взаимосвязь психолого-педагогической сущности процесса исправления с правовыми формами его организации.

Ключевые слова: осужденный, наказание, уголовно-исполнительная система, процесс исправления, воспитательная работа, ресоциализирующая активность, готовность к ведению правопослушного образа жизни.

D.A. Pavlenko

NORMATIVE DESIGN OF THE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF THE CORRECTION PROCESS

The article reflects the close relationship between the psychological and pedagogical content of the correction process and the legal forms of its organization in the institutions of the penitentiary system of the Republic of Belarus. The author's vision of approaches to the integration of principles, forms and methods of correction of convicts developed by pedagogical science (correctional pedagogy) into the legal field is given on the example of concrete proposals to amend and supplement the norms of the Penal Enforcement Code of the Republic of Belarus, which are expected to be submitted to the legislative authorities in 2022. The inseparable interrelation of the psychological and pedagogical essence of the correction process with the legal forms of its organization is emphasized.

Keywords: convict, punishment, penal enforcement system, correction process, educational work, resocializing activity, readiness to lead a law-abiding lifestyle.

Процесс исправления осужденных (далее – процесс исправления) в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь (УИС) представляет собой организуемый в условиях отбывания наказания процесс планомерного оказания на осужденных воспитательного воздействия, направленного на их мотивирование к проявлению ресоциализирующей активности [1, с. 121].

Данное определение процесса исправления разработано автором на основе трудов В.А. Сухомлинского [2, с. 33], С.Л. Рубинштейна [3, с. 67], В.Ф. Пирожкова [4, с. 48], Б.С. Утевского [5, с. 38], А.Н. Пастушени [6, с. 9] и некоторых других исследователей, основная идея которых может быть сведена к следующему – положительное изменение личности осужденного возможно лишь при условии, что сам осужденный осознанно будет принимать активные действия по работе над собой. В этой связи в качестве одного из трех компонентов процесса исправления автором выделяется ресоциализирующая активность, под которой понимается собственная активность осужденных в период отбывания наказания, которая направлена на приобретение (развитие, восста-

новление) социально значимых компетенций (знания, умения, навыки), приобретение положительных личностных качеств и (или) преодоление (коррекция, нейтрализация) негативных черт личности с использованием имеющихся для этого в учреждении УИС возможностей [1, с. 121]. К проявлению ресоциализирующей активности осужденного должно мотивировать осуществляемое в отношении его воспитательное воздействие, которое оказывается на него со стороны работников учреждения УИС (главным образом, посредством проведения в отношении осужденного системы воспитательных мероприятий). Следовательно, основная функция воспитательного воздействия, как второго компонента процесса исправления, состоит в том, чтобы побудить осужденного к самовоспитанию – активной работе над собой с использованием имеющихся для этого в учреждениях УИС возможностей [7, с. 41].

В течение 2019–2022 гг. такое понимание психолого-педагогической и социальной сущности процесса исправления постепенно принято пенитенциарной практикой Республики Беларусь, в связи с чем расширение спектра возможностей для ресоциализирующей активности осужденных и оптимизация подходов к проведению с осужденными воспитательной работы в учреждениях УИС рассматриваются в качестве основных направлений повышения эффективности процесса исправления [8, с. 124]. При этом указанные направления актуальны для учреждений УИС всех видов, включая арестные дома, исправительные учреждения открытого типа (ИУОТ) и исправительные учреждения, где процесс исправления базируется на единых принципах, формах и методах, выработанных педагогической и психологической наукой. Вместе с тем спектр возможностей, ресоциализирующий потенциал и содержание проводимой воспитательной работы с осужденным, определяется порядком исполнения и отбывания назначенного осужденному наказания, который рассматривается автором как «правовой режим наказания», определяющий границы и содержание исправительной среды, в которую осужденный помещается при назначении наказания. Исправительная среда (условия отбывания наказания) является третьим компонентом процесса исправления, который определяет рамки допустимого поведения осужденного. В этой связи порядком исполнения и отбывания наказания («правовой режим наказания») позиционируется автором в качестве «генерального фактора» исправительного механизма учреждения УИС. Ведь процесс исправления организуется в «правовом режиме» конкретного наказания, что делает необходимым перевод его психолого-педагогического содержания в юридическую плоскость (правовое поле), т. е. закрепление его в положениях уголовно-исполнительного законодательства. Без норма-

тивного оформления психолого-педагогического содержания процесса исправления фактически невозможно обеспечить системность в его организации, так как психолого-педагогические принципы, формы, методы и ресоциализирующие возможности будут оторваны от уголовно-исполнительных правоотношений, строго регулируемых соответствующим законодательством.

Иными словами, возможностям для ресоциализирующей активности осужденных и методикам воспитательного воздействия на них необходимо придать «юридическую форму», что является основной целью подготовленных автором предложений в проект Закона Республики Беларусь «Об изменении Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь», сформулированных в рамках деятельности в составе соответствующей рабочей группы Департамента в 2022 г.

Итак, ряд изменений и дополнений касаются ст. 7 Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК), положения которой имеют определяющее значение для организации процесса исправления во всех учреждениях УИС. В первую очередь, в ч. 2 данной статьи предложено прямо указать, что «Исправление осужденных – это *процесс* формирования у них готовности вести правопослушный образ жизни». Такое дополнение позволит исключить двоякое толкование положений ч. 2 ст. 7 УИК по определению исправления именно как процесса исправления (т. е. процесса формирования у осужденных готовности к ведению правопослушного образа жизни). В виду фундаментального значения положений ст. 7 УИК для правового регулирования процесса исправления в учреждениях УИС предлагаемое дополнение обеспечит однозначное позиционирование исправления в качестве процесса, проведет четкую грань между терминами «исправление» и «степень исправления». Ведь правильное восприятие исправления (именно в качестве процесса исправления или исправительного процесса) важно сформировать как среди практических работников учреждений УИС, так и на законодательном, и научно-исследовательском уровнях, для качественной разработки локальных правовых актов и методических документов в области исправительного воздействия, а также их соответствующей реализации на практике.

Далее, ч. 3 ст. 7 УИК предлагается дополнить положением следующего содержания: «*В процессе формирования у осужденных готовности вести правопослушный образ жизни могут применяться иные средства исправления в целях создания возможностей для добровольного осуществления осужденными учебной, творческой, спортивной и иной деятельности, не противоречащей установленному порядку исполнения и отбывания наказания, направленной на приобретение зна-*

чимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодоление негативных черт личности.». Такое дополнение позволит нормативно закрепить реализуемую в последние несколько лет Департаментом исполнения наказаний Республики Беларусь (далее – Департамент) стратегию по расширению возможностей осужденных для ресоциализирующей активности. Это связано с применением ряда институтов, не включенных в ч. 3 ст. 7 УИК (т. е. не указанных в числе основных средств исправления), но по своей сущности являющихся средствами исправления. Безусловно, возможности получения психологической помощи, самообразования, занятия физической культурой и спортом, творческой деятельностью – это возможности приобретения осужденными компетенций и развития личностных свойств, значимых для социальной адаптации (т. е. социально значимых компетенций и личностных качеств), а также для преодоления негативных черт личности [9, с. 219]. Такая позиция автора опирается на положительные результаты пени-тенциарной практики последних лет, а также точку зрения ряда российских ученых-исследователей – А.А. Рябина [10, с. 64], А.А. Телегина [11, с. 141], А.В. Шамис [12, с. 242] и др. Показательно также то, что в научно-теоретической модели проекта УИК Российской Федерации, подготовленной под редакцией В.И. Селиверстова, признается наличие основных и дополнительных средств исправления, перечень которых имеет тенденции к расширению [13, с. 238].

Дополнение в ч. 4 ст. 7 УИК, согласно которому средства исправления должны применяться, в том числе и с учетом «*стремления осужденного к приобретению значимых для социальной адаптации компетенций и (или) преодолению негативных черт личности*», призвано подчеркнуть важность проявления ресоциализирующей активности осужденными в процессе их исправления. Закономерно, что такое стремление осужденных, подтверждаемое их активными действиями (в рамках требований установленного порядка и условий отбывания наказания), должно учитываться при применении к ним средств исправления (расставление соответствующих акцентов и приоритетов при их применении).

Следующий блок изменений и дополнений норм УИК касается ст. 104, 106 и 116 УИК, которые относятся к Особой части УИК – гл. 14 «Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы» УИК. Вместе с тем указанные статьи через отсылочные нормы регламентируют соответствующие уголовно-исполнительные правоотношения при исполнении ареста и ограничение свободы с направлением в ИУОТ. В этой связи положения ст. 104, 106 и 116 УИК имеют определяющее значение для организации процесса исправления во всех видах учреждений УИС (арестный дом, ИУОТ, исправительное учреждение).

Институты воспитательной работы с осужденными, общественных воспитателей осужденных, а также определение степени исправления осужденных (аттестации осужденных), безусловно, обладают значительным потенциалом по оказанию на осужденных воспитательного воздействия. При этом, по мнению автора, воспитательная работа (одно из основных средств исправления) соотносится с институтами общественных воспитателей и аттестации осужденных как общее с частным. Фактически деятельность общественных воспитателей и аттестация осужденных осуществляются в рамках проводимой с осужденными воспитательной работы [14, с. 123]. В этой связи, по мнению автора, крайне важными являются дополнения и изменения именно в ст. 104 УИК.

Так, ч. 1 ст. 104 УИК предлагается внести дополнение, согласно которому одной из задач воспитательной работы будет являться формирование и укрепление у осужденных стремления к *«приобретению значимых для социальной адаптации компетенций и преодолению негативных черт личности»*. Данное дополнение направлено на нормативное оформление основной функции воспитательного воздействия в исправительном механизме учреждения УИС, которая заключается в мотивировании осужденных к ресоциализирующей активности (т. е. «работе над собой» в течение срока отбывания наказания). Без проявления осужденными ресоциализирующей активности невозможно формирование у них готовности к ведению правопослушного образа жизни. Ведь такая готовность, по сути, представляет собой набор (комплекс) социально значимых компетенций и личностных качеств, обуславливающих субъективную необходимость и объективную возможность осужденного осуществлять свою жизнедеятельность после освобождения в соответствии с нормами права и общепринятой нравственности [1, с. 118].

Далее, из числа субъектов воспитательной работы предлагается исключить *представителей государственных и общественных организаций*. По мнению автора, положения ч. 1 ст. 104 УИК должны однозначно определять в качестве субъектов воспитательной работы с осужденными работников учреждений УИС. Это подчеркнет значимость воспитательной работы с осужденными как отдельного вида профессиональной деятельности, осуществление которой требует определенного уровня подготовки (образование, знания, опыт). При этом в рамках воспитательной работы с осужденными представителям государственных и общественных организаций будет отведен статус участников воспитательных мероприятий, но не самостоятельных субъектов, которыми являются работники учреждений УИС. Такой статус представителей государственных и общественных организаций предлагается закрепить

в ч. 2 ст. 104 УИК путем внесения в нее дополнений следующего содержания: *«Работниками исправительных учреждений к проведению воспитательных мероприятий могут привлекаться представители государственных и общественных организаций, иные лица, способные оказывать воспитательное воздействие на осужденных»*. Такая позиция автора основана на анализе пенитенциарной практики, который показал, что именно работники учреждений УИС планомерно осуществляют целенаправленное воспитательное воздействие в отношении осужденных в процессе своей повседневной служебной деятельности. Проведение воспитательной работы входит в круг служебных обязанностей работников учреждений УИС, которые имеют для этого соответствующую квалификацию (образование, опыт, уровень знаний), в связи с чем несут ответственность за качество данной работы. Поэтому именно работниками учреждений УИС, исходя из изучения личности отдельных осужденных и социально-психологической структуры коллектива осужденных, планируются индивидуальные и коллективные воспитательные мероприятия, определяется их содержание. Закономерно, что участие представителей государственных и общественных организаций в проведении воспитательной работы возможно только по инициативе работников учреждений УИС. Представители общественных и государственных организаций привлекаются к проведению отдельных воспитательных мероприятий по инициативе работников учреждений УИС – в случае, если это целесообразно для достижения определенного педагогического эффекта применительно к конкретной ситуации. В этой связи представителей государственных и общественных организаций возможно рассматривать лишь в качестве участников воспитательной работы, но не ее самостоятельных субъектов (т. е. они могут участвовать в отдельных воспитательных мероприятиях только по инициативе работников учреждений УИС – субъектов воспитательной работы). Проведение аналогии с образовательным процессом позволяет проиллюстрировать правильность такой правовой логики. Так, субъектом образовательного процесса является учитель (работник учреждения образования), который проводит учебные занятия согласно утвержденному плану, определяет содержание занятий (методы доведения информации, контроля и т. п.). Учитель может привлечь к проведению отдельных учебных занятий представителей государственных и общественных организаций для лучшего освоения учебного материала по конкретной тематике. Например, на учебное занятие может быть приглашен представитель исторического клуба либо учебное занятие может быть организовано на базе краеведческого музея с проведением для учащихся экскурсии со-

трудником музея. Вместе с тем это не снимет с учителя ответственности за качество полученных учащимися знаний, так как представитель исторического клуба либо работник краеведческого музея являются лишь участниками учебного занятия, которое проводится учителем.

Воспитательная работа в исправительном учреждении, как и образовательный процесс в учреждении образования, является систематической, подчиненной определенным закономерностям и логике, профессиональной деятельностью, которую может осуществлять только подготовленный для этого специалист (с соответствующими образованием, знаниями, опытом). В этой связи показательно, что в Общей части УИК (ч. 3 ст. 7 УИК) законодатель разделил такие средства исправления, как «воспитательная работа» и «общественное воздействие». Отличие сущности данных средств исправления обусловлено различием субъектов их применения, в качестве которых в первом случае являются работники учреждения УИС, во втором – представители государственных и общественных организаций.

Развивая точку зрения относительно характера участия представителей государственных и общественных организаций в воспитательной работе с осужденными, автор инициирует изменения в ч. 2 ст. 106 УИК, предлагая делегировать установление порядка деятельности общественных воспитателей осужденных Министерству внутренних дел Республики Беларусь (МВД). Наделение МВД полномочиями издавать локальные правовые акты, регулирующие деятельность общественных воспитателей, позволит упорядочить деятельность представителей гражданского общества в рамках процесса исправления, нацелив ее непосредственно на формирование у осужденных готовности к ведению правопослушного образа жизни. Кроме того, будут выработаны правовые механизмы, препятствующие проникновению в учреждения УИС лиц, преследующих деструктивные цели (распространение сведений, искажающих современную социально-правовую деятельность, насаждение социально неприемлемых норм поведения, установок и взглядов, вербовка adeptов для деятельности асоциального характера и т. п.).

Организация процесса исправления предполагает периодическую оценку его результативности в отношении каждого осужденного индивидуально. Критерии и правовые механизмы такой оценки изложены в ст. 116 УИК, в которую автором также предложен ряд изменений и дополнений, исходя из сущности и содержания процесса исправления.

Часть 1 ст. 116 УИК предлагается дополнить положениями, согласно которым степень исправления осужденного будет определяться «с учетом отношения осужденного к совершенному деянию, устранения им

последствий совершенного деяния, признания вины в совершенном преступлении, излагаемых осужденным гарантий правопослушного образа жизни после освобождения, а также иных заслуживающих внимания обстоятельств, подтверждающих достижение осужденным определенной степени исправления». Такое дополнение инициируется в целях устранения противоречий данной правовой нормы с ч. 3 ст. 187 УИК, в которой обозначен ряд характеризующих осужденного сведений, подлежащих внесению в направляемое в суд представление об условно-досрочном освобождении осужденного (УДО) либо замене осужденному неотбытой части наказания более мягким наказанием (ЗНБМ). Данные сведения вносятся в представление для того, чтобы суд на основании них принял соответствующее решение о применении (либо неприменении) к осужденному УДО (ЗНБМ). Вместе с тем в настоящее время подлежащие внесению в представление сведения, характеризующие осужденного, не указаны в ст. 116 УИК в качестве критериев оценки поведения осужденного при его аттестации для определения степени исправления. При этом достижение осужденным определенной степени исправления (твердо стал на путь исправления либо доказал свое исправление), наряду с отбытием соответствующей части срока наказания, является одним из двух формальных условий, при которых возможно применение УДО (ЗНБМ). Соответственно, следуя правовой логике, закономерно указать в ч. 1 ст. 116 УИК, что при аттестации осужденных должны учитываться те качественные характеристики личности осужденного, которые в последующем будут оценены судом по материалам направляемого администрацией учреждения УИС в суд представления. Таким образом, будет обеспечена преемственность в оценке личности осужденного администрацией учреждения УИС и судом при решении вопроса о применении к нему УДО (ЗНБМ). Ведь, согласно правовой логике, аттестация осужденного комиссией учреждения УИС, где решается вопрос о направлении в отношении его представления в суд о применении УДО (ЗНБМ), и последующее рассмотрение данного представления судом должно основываться на единых критериях (характеризующих осужденного сведениях).

В числе вышеперечисленных качественных характеристик осужденного, которые предлагается учитывать при определении его степени исправления, особое значение автором отводится излагаемым осужденным гарантиям правопослушного образа жизни после освобождения. В этой связи автор предлагает дополнить ст. 116 УИК ч. 1¹ следующего содержания: «*При проведении аттестации осужденный в качестве гарантий правопослушного поведения может изложить результаты своей деятельно-*

сти по приобретению значимых для социальной адаптации компетенций, преодолению негативных черт личности, налаживанию социально полезных связей с родственниками и организациями, которые могут оказать ему помощь в трудовом и бытовом устройстве после освобождения, а также иные заслуживающие внимания доводы и факты».

Включение ч. 1¹ в ст. 116 УИК направлено на раскрытие содержания понятия «излагаемые осужденным гарантии правопослушного поведения», которые входят в число характеризующих осужденного сведений, которые учитываются судом при рассмотрении представления о применении к осужденному УДО (ЗНБМ). Закономерно, что «излагаемые осужденным гарантии правопослушного поведения» должны учитываться при проведении аттестации осужденных. В качестве таких гарантий предлагается рассматривать результаты деятельности осужденного по «работе над собой» для положительного изменения своей личности (получение образования, самообразование, прохождение реабилитационных программ и т. п.) и его практических действий по подготовке интеграции в общество (переписка с родственниками, потенциальными работодателями и т. д.). Такая трактовка гарантий правопослушного поведения соответствует сущности и содержанию процесса исправления, направленного на формирование у осужденных готовности к ведению правопослушного образа жизни. При этом формирование данной готовности во многом обусловлено «работой над собой», которую осужденный проделывает для положительного изменения своей личности с использованием имеющихся для этого возможностей в период отбывания наказания. Поэтому стремление осужденного к занятию такой деятельностью, равно как и принятие им мер к поиску места работы после освобождения, налаживание социально полезных связей с родственниками и организациями, которые могут оказать ему помощь в бытовом и трудовом устройстве после освобождения, обоснованно рассматривать в качестве гарантий правопослушного поведения осужденного, которые он вправе изложить при его аттестации (определении степени исправления), что должно найти отражение в представлении о рассмотрении вопроса о применении к осужденному УДО (ЗНБМ).

Фактически определение степени исправления осужденного (аттестация осужденного комиссией учреждения УИС) и направление в суд представления о рассмотрении в отношении его вопроса о применении УДО (ЗНБМ) – это две стадии одной процедуры, что должно найти свое отражение в УИК. Поэтому автор предлагает дополнить ч. 2 ст. 116 УИК положением следующего содержания: *«В зависимости от достигнутой осужденным степени исправления администрацией учреждения УИС*

принимается решение о его представлении к УДО, ЗНБМ». Соответственно, в ч. 6 ст. 116 УИК предлагается делегировать МВД полномочия по установлению порядка аттестации осужденных и их представления к УДО, ЗНБМ, так разрыв двух стадий одной процедуры, имеющий место в настоящее время (исходя из действующих положений ст. 116 УИК) не соответствует правовой логике.

Внесение вышеизложенных дополнений и изменений в ст. 7, 104, 106 и 116 УИК автор считает крайне важным, в виду их фундаментального значения перечисленных норм для организации процесса исправления при исполнении наказаний, связанных с нахождением осужденных в учреждении УИС (арестном доме, ИУОТ, исправительном учреждении). В этой связи, по мнению автора, ст. 104, 106 и 116 УИК должны быть перенесены в Общую часть УИК.

Закрепление психолого-педагогического содержания (сущности) процесса исправления в перечисленных выше статьях позволяет придавать соответствующий вектор нормам Особенной части УИК. Здесь необходимо особое внимание уделить ограничению свободы с направлением в ИУОТ, которые, вопреки мнению отдельных исследователей, являются полноценными учреждениями УИС. Автор категорически не согласен с учеными, которые ставят под сомнение статус ИУОТ как учреждений УИС, так как подобная позиция оторвана от современной социально-правовой действительности. Ведь в настоящее время ИУОТ являются неотъемлемой частью УИС, значимым элементом прогрессивной системы отбывания наказания. Процесс исправления в ИУОТ, имея свою специфику, базируется на теоретико-правовых и психолого-педагогических основах – единых для всех учреждений УИС. Здесь показательно, что условия отбывания наказания в ИУОТ, практически идентичны с условиями отбывания наказания в исправительных колониях-поселениях (ИКП). Вместе с тем статус ИКП как учреждений УИС не оспаривается.

Итак, исходя из позиционирования ИУОТ в качестве учреждения УИС, автором предложено дополнить гл. 8 Особенной части УИК ст. 53¹ *«Воспитательное воздействие на осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ»*, что позволит выделить нормы, регламентирующие воспитательное воздействие на осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ в отдельную статью. Данная правовая инициатива обусловлена существенными (принципиальными) отличиями такой формы исполнения ограничения свободы от ограничения свободы без направления в ИУОТ, при исполнении которого осужденный находится по месту жительства (т. е. не направляется в учрежде-

ние УИС). В названии предлагаемой редакции ст. 53¹ УИК используется термин «воспитательное воздействие» по аналогии с гл. 14 «Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы» УИК. Такой подход обоснован тем, что правовая категория «воспитательное воздействие» включает в себя такие институты, как «воспитательная работа с осужденными», «психологическая помощь осужденным», «попечительские советы», «общественные воспитатели осужденных», «самодеятельные организации осужденных», «аттестация осужденных». Так, вышеуказанная гл. 14 УИК включает ст. 104–108, 116, регламентирующие вышеперечисленные институты. Следовательно, законодатель относит их к воспитательному воздействию, которое осуществляется как при непосредственном проведении с осужденными воспитательной работы (воспитательных мероприятий), так и в процессе оказания им психологической помощи, их деятельности в составе самодеятельных организаций, прохождении аттестации и взаимодействии с общественными воспитателями, представителями попечительских советов. По аналогичному принципу планируется выстроить правовые основы осуществления воспитательного воздействия в отношении осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ (ч. 1–5 ст. 53¹ УИК). Ведь ИУОТ, как и исправительные учреждения, относятся к учреждениям УИС, что обуславливает необходимость установления единых правовых основ осуществления воспитательного воздействия на осужденных как в исправительных учреждениях, так и в ИУОТ (в том числе этого требует обеспечение преемственности в подходах к организации процесса исправления осужденных в исправительных учреждениях и ИУОТ, которые являются частью единой УИС, подчиненной Департаменту). По указанной причине в ст. 53¹ УИК внесены отсылочные нормы к ст. 104–108, 116 гл. 14 УИК. По своему содержанию положения данных статей могут быть напрямую применены к осуществлению воспитательного воздействия на осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ. Следует отметить, что процедура аттестации осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ может иметь определенную специфику (особенности), связанную с большей степенью контакта осужденных с обществом (это нашло свое отражение в ч. 5 ст. 53¹ УИК). В ч. 2 ст. 53¹ УИК, исходя из сущности наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, также отдельно закреплена возможность привлечения к осуществлению воспитательного воздействия на осужденных организации (индивидуальные предприниматели), где работают или обучаются осужденные.

В ч. 6 ст. 53¹ УИК конкретизированы полномочия МВД по изданию локальных правовых актов, устанавливающих порядок реализации всех

указанных в данной статье УИК компонентов воспитательного воздействия на осужденных.

Важным инструментом оказания на осужденных воспитательного воздействия выступают меры взыскания и поощрения, которые, в сущности, являются правовым выражением педагогических методов осуждения и одобрения, используемых для позитивного подкрепления положительного поведения осужденных и негативной оценки их отрицательных поступков. Возможности по использованию потенциала данных методов во многом зависят от качества их нормативного оформления (т. е. от того, насколько качественно разработаны правовые механизмы реализации данных педагогических методов). Поэтому автором предложены определенные корректировки в ст. 54 и 55 УИК, регламентирующие порядок применения мер взыскания и поощрения в отношении осужденных к ограничению свободы с направлением в ИУОТ.

Так, ч. 1 ст. 54 УИК предложено сформулировать следующим образом: *«За добросовестное отношение к труду, выполнению работ по благоустройству зданий и территории ИУОТ, проявление полезной инициативы в общественно полезной деятельности к осужденным к ограничению свободы с направлением в ИУОТ могут быть применены следующие меры поощрения:»*. Новая редакция ч. 1 ст. 54 УИК предлагается в целях конкретизации оснований для применения мер поощрения к осужденным, их ориентирование на оценку активных действий осужденных, свидетельствующих о стремлении к правопослушному поведению, что отвечает закрепленному в ст. 6 УИК принципу стимулирования правопослушного поведения осужденных. В действующей редакции ч. 1 ст. 54 УИК в качестве основания для применения к осужденным мер поощрения позиционируется лишь надлежащее соблюдение ими порядка и условий отбывания наказания (т. е. активных действий от осужденного, по сути, не требуется, а для поощрения достаточно не допускать нарушений, что является обязанностью осужденного). Такая позиция приводит к искаженному пониманию осужденными мер поощрения, которые начинают восприниматься ими не в качестве мер стимулирования правопослушного поведения, а как право, которое они могут реализовывать при условии отсутствия действующих взысканий.

Отдельное внимание уделено такой мере поощрения, как перевод на ограничение свободы без направления в ИУОТ, которая предполагает существенное снижение объема установленных для осужденного правоограничений, сравнимое с применением ЗНБМ (фактически осужденный убывает из ИУОТ и начинает отбывать наказание по избранному месту жительства). В этой связи предлагается новая редакция ч. 1² ст. 54 УИК,

где будет закреплён судебный порядок применения вышеназванной меры поощрения (по аналогии с порядком перевода осуждённых к лишению свободы в ИКП). В новой редакции ч. 1² ст. 54 УИК прямо указывается, что решение о переводе осуждённого на ограничение свободы без направления в ИУОТ принимается судом на основании объективных сведений, указанных в представлении администрации ИУОТ, составленным на основании всесторонней оценки личности и поведения осуждённого. В этой связи логичным является определение содержания и структуры указываемых в таком представлении сведений по аналогии с содержанием представления, направляемого в суд по вопросу УДО либо ЗНБМ.

В части порядка применения мер взыскания в отношении осуждённых к ограничению свободы с направлением в ИУОТ также предлагается внести определённые изменения, направленные на устранение правовых пробелов, не позволяющих объявлять взыскания за определённые факты неправомерных действий осуждённых. Так, ч. 1 ст. 55 УИК предлагается изложить следующим образом: «Нарушениями порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа являются невыполнение осуждённым возложенных на него обязанностей, несоблюдение Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений открытого типа, нарушение установленных запретов, трудовой дисциплины, *привлечение осуждённых к административной ответственности за совершение административных правонарушений против общественного порядка и общественной нравственности или иных административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста, а также неисполнение запрета занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью*». Данная формулировка оснований для применения меры взыскания иницируется с целью усиления профилактического воздействия на осуждённых и предупреждения совершения ими правонарушений. Ведь на сегодня осуждённый может быть привлечён к дисциплинарной ответственности только за нарушение общественного порядка. Вместе с тем на практике осуждёнными также совершаются административные правонарушения иной категории: мелкое хищение, неповиновение законному требованию должностного лица, оскорбление и пр. Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 51 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) неисполнение осуждённым установленного приговором суда запрета занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, назначенного в качестве дополнительного наказания к ограничению свободы, является нарушением

порядка и условий отбывания наказаний в виде ограничения свободы. Однако в ч. 1 ст. 55 УИК данные положения не учтены. Следовательно, предлагаемая редакция ч. 1 ст. 55 УИК будет способствовать более качественной деятельности ИУОТ по обеспечению частной превенции (одной из целей применения наказания в соответствии с ч. 2 ст. 44 УК и ч. 1 ст. 7 УИК).

В целом основная идея, заключённая в сформулированных автором предложениях по изменению и дополнению УИК, состоит в том, что процесс исправления в целом и воспитательная работа в частности – это специфический вид профессиональной деятельности, основанный на принципах, формах и методах, выработанных исправительной педагогикой и психологией, которые соответствующим образом нормативно оформлены (закреплены в положениях уголовно-исполнительного законодательства). Соответственно, специалисты в области процесса исправления (воспитательной работы с осуждёнными) должны обладать профессиональными компетенциями как психолого-педагогического, так и юридического плана.

На основании изложенного автор считает возможным сделать следующие выводы:

1) изменения и дополнения УИК должны готовиться с учётом психолого-педагогической сущности (содержания) процесса исправления, как правило, авторскими коллективами в составе специалистов (учёных-исследователей и пенитенциариев-практиков) в области исправительной педагогики (психологии) и уголовно-исполнительного права. Аналогичным образом необходимо организовывать разработку локальных правовых актов, регламентирующих порядок организации и проведения воспитательной работы с осуждёнными, а также учебных пособий по исправительной педагогике (психологии) и методических рекомендаций по проведению воспитательной работы с осуждёнными;

2) основная задача по исправительной педагогике (психологии) и методических рекомендаций по проведению воспитательной работы с осуждёнными может быть сформулирована как «Перевод теоретических положений на язык практики», в связи с чем учебные пособия и методические рекомендации должны быть адаптированы для восприятия практически работниками учреждений УИС (раскрытие материала на практических примерах посредством разбора конкретных педагогических ситуаций, без излишнего использования специальной терминологии);

3) предлагаемые новации в организации исправительного процесса перед их внедрением в пенитенциарную практику необходимо оценивать на предмет их соотношения с логикой построения процесса ис-

правления (т. е. новации должны гармонично дополнять организуемый в учреждениях УИС процесс исправления, а не усложнять либо разбалансировать его);

4) необходимо усилить значение Методического совета Департамента в сфере исправительного процесса в учреждениях УИС и лечебно-трудовых профилакториях, акцентировав его деятельность непосредственно на подготовку предложений по совершенствованию правового регулирования процесса исправления, повышения эффективности психолого-педагогических форм и методов работы с осужденными, а также подготовку учебных пособий по исправительной педагогике (психологии) и методических рекомендаций по проведению воспитательной работы с осужденными. Учитывая, что в состав Методического совета входят как представители Департамента, так и кафедры психологии и педагогики, уголовно-исполнительного права и криминологии Академии МВД, то именно Методический совет может стать ключевым звеном в повышении качества правовой и учебно-методической работы в сфере процесса исправления.

Список использованных источников

1. Павленко, Д.А. Процесс исправления осужденных / Д.А. Павленко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2021. – № 1. – С. 117–123.
2. Сухомлинский, В.А. О воспитании / В.А. Сухомлинский ; сост. и авт. вступ. очерков С. Соловейчик. – М. : Политиздат, 1973. – 272 с.
3. Исправительно-трудовая педагогика : учебник / В.Ф. Пирожков [и др.] ; под ред. И.Т. Богатырева. – М. : Акад. МВД СССР, 1978. – 377 с.
4. Педагогика и политико-воспитательная работа с осужденными : учеб. пособие / В.И. Акумов [и др.] ; под науч. ред. Ю.В. Гербева. – Рязань : Изд-во Рязан. высш. шк. МВД Рос. Федерации, 1985. – 359 с.
5. Исправительно-трудовая педагогика : учеб. пособие / М.М. Дейнеко [и др.] ; отв. ред. В.Ф. Пирожков. – М. : [б. и.], 1967. – 304 с.
6. Пастушеня, А.Н. Развитие собственной активности осужденных в исправительном процессе позволит повысить его результативность / А.Н. Пастушеня // Информ. бюл. / Департамент исполнения наказаний МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 7. – С. 5–9.
7. Павленко, Д.А. Воспитательная работа с осужденными как основа их ресоциализации / Д.А. Павленко // Вестн. Могилев. ин-та МВД. – 2021. – № 1 (3). – С. 39–44.
8. Павленко, Д.А. Организация процесса исправления в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь: современное состояние и направления совершенствования / Д.А. Павленко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 118–125.
9. Павленко, Д.А. Подход к расширению перечня средств исправления осужденных в уголовно-исполнительной системе Республики Беларусь / Д.А. Пав-

ленко // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы развития : сб. тез. выступлений и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 нояб. 2020 г. : в 6 т. / Акад. Федер. службы исполнения наказаний России. – Рязань, 2020. – Т. 1. – С. 216–219.

10. Рябинин, А.А. Основы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права Российской Федерации. Вопросы дифференциации и индивидуализации наказания / А.А. Рябинин. – М., 1995. – 208 с.

11. Телегин, А.А. К вопросу о слагаемых исправительного процесса, осуществляемого в исправительных учреждениях / А.А. Телегин // Проблемы уголовно-исполнительного законодательства в свете правовой реформы : сб. науч. тр. – М., 1991. – 305 с.

12. Шамис, А.В. Основные средства воздействия на осужденных и механизм их реализации : монография / А.В. Шамис. – Домодедово, 1996. – 64 с.

13. Головастова, Ю.А. Новеллы предмета уголовно-исполнительного права: модернизация уголовно-исполнительных правоотношений / Ю.А. Головастова // Проблемы кодификации уголовно-исполнительного законодательства : материалы круглого стола. – М., 2016. – С. 237–242.

14. Павленко, Д.А. Анализ норм уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, регулирующих организацию исправительного процесса / Д.А. Павленко // Проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказания : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 мая 2014 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – С. 121–124.

Дата поступления в редакцию: 21.09.2022

УДК 159.9

И.В. Филиппик

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИХ КОРРЕКЦИИ

Описываются особенности психических состояний несовершеннолетних осужденных, в том числе рассматриваются организационные основы психологической коррекции негативных психических состояний несовершеннолетних осужденных.

Рассматриваются определенные закономерности и адаптационные периоды, исходя из многочисленных исследований психических состояний личности, находящейся в исправительном учреждении, в том числе и несовершеннолетних осужденных. Когда человек попадает в исправительное учреждение, воспитательную колонию – это всегда изменение его жизненных устоев, чрезвычайно резкая смена образа жизни, режима дня. Затем у осужденных в связи с этим

возникают негативные психические состояния и поведенческие проявления, которые протекают на фоне необходимости адаптации к условиям конкретного учреждения, исполняющего наказание. На сегодня коррекция негативных психических состояний осужденных, а особенно несовершеннолетних, весьма актуальна. От своевременной работы психолога исправительного учреждения в этом направлении зависит их настроение, самочувствие, психологический климат, а порой и оперативная обстановка.

Ключевые слова: психические состояния, психологическая коррекция, несовершеннолетние осужденные.

I.V. Filipchik

PECULIARITIES OF MENTAL STATES OF MINOR CONVINCEDS AND ORGANIZATIONAL BASES OF THEIR CORRECTION

The article describes the features of the mental states of juvenile convicts, including the organizational foundations of the psychological correction of negative mental states of juvenile convicts.

The author considers certain patterns and adaptation periods, based on numerous studies of the mental states of a person in a correctional institution, including juvenile convicts. When a person ends up in a correctional institution, an educational colony, it is always a change in his life, an extremely sharp change in lifestyle, daily routine. Then, in convicts, in connection with this, there are negative mental states and behavioral manifestations that occur against the background of the need to adapt to the conditions of a particular institution executing punishment. To date, the correction of negative mental states of convicts, and especially minors, is very relevant. Their mood, well-being, psychological climate, and sometimes the operational situation in the correctional institution depend on the timely work of the penitentiary psychologist in this direction.

Keywords: mental states, psychological correction, juvenile convicts.

Воспитание детей всегда было трудоемким процессом, чаще всего в реализации педагогических идей возникали различного рода нюансы, связанные с объективными трудностями воспитания как педагогического процесса. Сегодня общество развивается быстрыми темпами, тем самым способствует смене ценностных ориентаций, дети чаще всего увлечены различного рода гаджетами, испытывают отчуждение от ближайшего окружения, что усиливает социальное одиночество. Ранее известные модели воспитания могут оказываться не совсем эффективными, что может повлечь за собой преступность среди несовершеннолетних. Иногда несовершеннолетние и до совершения преступления росли в семьях, где воспитание, развитие и жизнь ребенка протекала в условиях психоэмоционального напряжения, стресса, последствие – совершение преступлений.

Социальная изоляция несовершеннолетних в исправительном учреждении вызывает существенные изменения личности, влекущие за собой возникновение негативных психических состояний, которые обуславливают уровень адаптации несовершеннолетних осужденных, их поведение и деятельность. Учитывая обостренное восприятие окружающей среды и кризисы, которые протекают у несовершеннолетних, процессы социализации и адаптации приобретают большое значение в формировании личности и поведения несовершеннолетних. Постоянная неудовлетворенность потребности в социальном признании (в том числе через асоциальные виды поведения) усиливает враждебное, негативное отношение к окружающему миру и порождает недоверие к людям. На фоне этого может возникать внутренний конфликт, который, в свою очередь, может приводит к повышенному уровню тревожности и влиять на возможность проявления таких форм девиантного поведения, как воровство, курение, вербальная и физическая агрессия, даже в период нахождения в исправительном учреждении [2].

Итак, наиболее острые отрицательные психические состояния осужденные испытывают в фазе первоначальной адаптации к условиям отбывания наказания (первые 3–6 месяцев). Для тех, кто впервые попал в исправительное учреждение, характерны состояния фрустрации, депрессии, тоски (по дому, родным, близким).

Внешне острые негативные психические состояния, как правило, проявляются в апатичности, отрешенности или повышенной раздражительности, агрессивности в отношении к окружающим или к самому себе. Подобные проявления обусловлены изменением сложившихся стереотипов, затруднениями в общей ориентировке и утверждении, в том числе затруднением в общении с иными осужденными. Стоит отметить, что осужденные могут избирать различные тактики поведения и вхождения в коллектив исправительного учреждения: поддержка актива и администрации; борьба за лидерство и самоутверждение; выжидание; поиск покровителя; нейтралитет; полная неадаптированность.

Сотрудникам исправительного учреждения необходимо выстраивать индивидуальную работу с осужденными, учитывая возможные проявления указанных тактик. При этом внимательное изучение внешней активности и характера переживаний осужденных позволяет предупреждать межличностные или личностно-групповые конфликты, предотвращать суицидальные попытки, оказывать поддержку в адаптации к конкретным условиям и ситуациям отбывания наказания [1].

Через 5–6 месяцев пребывания в исправительном учреждении для осужденных типичным является выход на вторую фазу адаптации –

«вхождение в роль». Ее особенностью является то, что личностные реакции многих осужденных на факт социальной изоляции и воздействия внешней среды нивелируются и они все больше в типовых ситуациях как бы становятся похожими по внешним поведенческим проявлениям (походка, позы, жестикуляции, жаргон, обращение к персоналу и т. д.) на осужденных, которые находятся долгое время в изоляции.

Третья фаза – «завершение адаптации» – наступает чаще всего к концу первого года отбытия наказания и характеризуется тем, что осужденные начинают задумываться о будущем, а не только живут прошлым и настоящим. Главная задача сотрудников исправительного учреждения в этот период состоит в том, чтобы способствовать выработке стремления у осужденных строить жизненные планы, выработке желания позитивно изменить себя, преодолеть преступный образ мыслей, негативизм к людям и социальным институтам, аморальные привычки и пр., а не только отбыть наказание. Кроме индивидуальной воспитательной работы с осужденными, сотрудники исправительных учреждений (воспитатели, начальники отрядов и др.) должны воздействовать и через позитивные ритуалы, обычаи, традиции, имеющие место в первичных общностях, коллективах учреждения.

Необходимость коррекции пограничных психических состояний связана с тем, что места лишения свободы способствуют проявлению и заострению у личности отрицательных черт характера и негативных психических состояний. Кроме того, значительное количество осужденных имеют психические аномалии, поэтому требуют квалифицированной психологической помощи.

Проведение в отношении несовершеннолетних осужденных мероприятий психокоррекционного воздействия – одна из важнейших задач в современном мире, ведь у несовершеннолетних впереди еще будущее, которое зависит при нахождении в исправительном учреждении от сотрудников. Программы, направленные на изменение и развитие личности, на изменение и нормализацию негативных психических состояний, позволят осужденным сформировать новые качества личности, освоить правила и нормы поведения в обществе, разрешить внутриличностные и межличностные конфликты.

На протяжении многих десятилетий ученые проводят исследования по проблемам преступности среди несовершеннолетних (Ю.М. Антонян, С.А. Беличева, В.М. Бехтерев, А.Д. Глоточкин, П.В. Голодов, И.В. Дубровина, С. Кон, В.Т. Кондратенко, А.Е. Личко, Г.М. Миньковский, И.А. Невский, О.Б. Панова, В.Ф. Пирожков, К.К. Платонов).

Очень важным считаем рассмотреть термин «коррекция». Понятие «коррекция» означает частичное изменение. Отечественные ученые

для обозначения каких-либо форм и методов работы по исправлению особенностей психического развития используют термин «психологическая коррекция», зарубежные – «психологическое вмешательство». Б.Д. Карвасарский психологическую коррекцию определяет в виде психокоррекционной работы с целью оказания психологического влияния на определенные психологические структуры личности для обеспечения ее полноценного развития и дальнейшего функционирования.

По мнению А.С. Спиваковской, наиболее значимым в проведении психокоррекционных мероприятий является создание индивидуальных условий и индивидуального подхода к развитию психологических качеств личности. Р.С. Немов под психологической коррекцией понимает одновременное применение различных психологических приемов с целью устранения у личности поведенческих проблем [1].

Собственно, психокоррекционная программа включает такие основные направления деятельности:

профилактическое направление, которое заключается в своевременном выявлении отклонений в поведении осужденных;

диагностическое направление – комплекс мероприятий, направленных на изучение личности;

коррекционно-развивающее направление включает в себя занятия, способствующие исправлению поведения несовершеннолетних осужденных.

Коррекционная программа включает разделение профилактики на несколько этапов. Первый этап заключался в изучении законодательства для несовершеннолетних осужденных. Второй этап – формирование представлений об ответственности за нарушение законодательства и устойчивого поведения к давлению отрицательной среды. Третий этап – проведение тренинговых занятий, направленных на изменение отрицательных психических состояний личности. На четвертом этапе – освоение техник, которые способствуют минимизации проявления психических состояний и реакций.

Реализация программы может проходить с помощью различных форм работы – это тренинги (сплочения, общения, толерантности), инсценирование различных ситуаций, беседы с элементами рассуждения, мозговые штурмы, дискуссии, занятие с использованием нравственных сказок, индивидуальные консультации, консультации в малых группах, круглый стол, ролевые игры. Оценкой эффективности реализации программы служат следующие индикаторы: увеличилось число несовершеннолетних осужденных, которые стали ориентироваться на здоровый образ жизни, снизился уровень агрессии и иных отрицательных психических состояний [3].

При проведении психокоррекционных мероприятий целесообразно применять методы психологической коррекции несовершеннолетних осужденных, направленные на решение их личностных проблем, способные оказывать эффективное корригирующее воздействие.

В качестве психокоррекционного воздействия также предлагаем применять следующие подходы: телесно-ориентированная психологическая коррекция личности; психологическая коррекция по развитию продуктивной ориентации характера (Э. Фромм); экзистенциальный гештальт-терапевтический подход (Ф.С. Перлз); клиентцентрированный подход (К.Р. Роджерс); нейролингвистическое программирование.

При проведении психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными целесообразно осуществлять следующие подходы [4].

1) социально-педагогический: выявление индивидуальных факторов формирования криминального поведения; составление полной характеристики личности; получение образования; формирование и развитие жизненных навыков; обучение общественно одобряемому поведению; духовно-нравственное, патриотическое, правовое, трудовое, физическое воспитание;

2) психологический: диагностика психологических параметров личности; составление психологической характеристики; формирование и развитие коммуникативных навыков; обучение противостоянию групповому давлению, бесконфликтному поведению; оказание помощи в осознании своих желаний, мотивов поведения, актуальных потребностей, поиск адекватных способов их удовлетворения;

3) социальный: восстановление социально значимых связей; формирование и развитие социальных навыков; подготовка к освобождению; взаимодействие с общественными организациями;

4) реабилитационный: психокоррекция личности; восстановление психического и общего здоровья.

Стоит отметить, что осужденные переживают лишение свободы по-разному, психические состояния у них проявляются в изменении тембра голоса, мимике и пантомимике, покраснении (побледнении) кожных покровов, позе, жестах, учащенном сердцебиении. Полагаем, что краткосрочная коррекция пограничных психических состояний осужденных чрезвычайно необходима на начальном этапе отбывания наказания, так как от ее своевременности зависит дальнейшая адаптация осужденных к местам лишения свободы.

Таким образом, в связи с вышеуказанным данная категория осужденных (несовершеннолетних) нуждается в оказании адекватной (согласно возрасту, жизненной ситуации, моделям поведения, криминальному опыту и др.) психологической помощи, проведении индивидуальных психокоррекционных мероприятий, повышении результативности ис-

правительного воздействия. Следует адекватно подбирать психотехнологии для возможности индивидуального подхода к коррекции личности. Рассмотренные особенности психических состояний и организационные основы психологической коррекции могут способствовать ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Список использованных источников

1. Ганишина, И.С. Об опыте краткосрочной коррекции пограничных психических состояний осужденных в местах лишения свободы / И.С. Ганишина, В.В. Сундукова // Приклад. юрид. психология. – 2018. – № 3 (44). – С. 54–57.
2. Федоров, А.Ф. Здоровый образ жизни молодых осужденных как одно из направлений педагогической работы в местах отбывания наказания / А.Ф. Федоров // Междунар. науч. журн. Colloquium-journa. – 2018. – № 11 (22). – С. 25.
3. Вачков, И.В. Психология тренинговой работы. Содержательные, организационные и методические аспекты ведения тренинговой группы / И.В. Вачков. – М. : Эксмо, 2007. – С. 141.
4. Гуд, М.Б. Технология тренинговой работы с несовершеннолетними условно осужденными // Быть частью хорошего: современные технологии профилактики правонарушений несовершеннолетних : науч.-метод. пособие / под ред. Е.Г. Артамоновой. – М. : АНО «ЦНПРО», 2015. – 258 с.

Дата поступления в редакцию: 21.09.2022

УДК 159.9.07

П.А. Шамелов

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ

Рассматриваются вопросы жизненных ценностей как совокупности социальных установок человека относительно наиболее важных, значимых для него предметов и явлений действительности, образующих смысл жизни. Вместе с тем социальная действительность, а также и сам человек подвержены постоянному развитию, изменению. Например, у людей, совершивших преступление, в процессе отбывания наказания могут меняться нравственные установки, содержание реакций на среду, отношение к окружающему миру и к самому себе, у них нарушаются первостепенные социальные связи, положительные семейные и профессиональные контакты. В местах лишения свободы человек вынужден пересмотреть свою жизнь, осознать свое прошлое, оценить, адаптироваться к новым жизненным условиям и построить планы на будущее, исходя из своих возможностей. Значимость доминирующих ценностей осужденного важна в

анализе и прогнозировании его поведения, как в период отбывания наказания, так и после освобождения.

Ключевые слова: жизненные ценности, личность осужденного, социальное положение, отбытие наказания, незаконный оборот наркотических веществ, профилактика, рецидивная преступность, социализация после освобождения.

P.A. Shamelov

FEATURES OF LIFE VALUES OF CONVICTS SERVING SENTENCES FOR ILLEGAL DRUG TRAFFICKING

The article deals with the issues of life values as a set of social attitudes of a person regarding the most important, significant objects and phenomena of reality for him, which form the meaning of life. At the same time, social reality, as well as the person himself, are subject to constant development and change. For example, in the process of serving a sentence, people who have committed a crime may change their moral attitudes, the content of reactions to the environment, their attitude to the world around them and to themselves, their primary social ties, positive family and professional contacts are violated. In places of deprivation of liberty, a person is forced to reconsider his life, realize his past, evaluate, adapt to new living conditions and make plans for the future, based on his capabilities. The significance of the dominant values of the convict is important in the analysis and prediction of his behavior, both during the period of serving the sentence and after release.

Keywords: life values, convict's personality, social status, serving the sentence, drug trafficking, prevention, recidivism, socialization after release.

Проблемы, связанные с жизненными ценностями личности, относятся к числу важнейших для наук, которые занимаются изучением человека и общества. Это вызвано прежде всего тем, что ценности выступают интегративной основой как для отдельно взятой личности, так и для любой социальной группы, нации и всего человечества.

Первыми, кто дал определение понятию ценностей, были польские психологи Ф. Знанецкий и У. Томас, которые предполагали тождество понятий «ценность» и «социальная установка». Ф. Знанецкий утверждал, что люди постоянно ориентируются на заданные в группе ценности, своими психологическими реакциями, готовностью действовать в соответствии с правилами они поддерживают эти правила до тех пор, пока они являются для них ценностями. «Мы на каждом шагу пытаемся создавать определенные социальные ценности, не принимая во внимание ценностей, которые уже существуют, и от которых зависит результат наших усилий в такой же степени, как и от наших намерений и упорства» [1].

Система ценностей личности занимает промежуточное положение между внутренними установками и нормами социальной среды, между

мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов. Совокупность сложившихся ценностей образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения деятельности, выраженную в направленность потребностей и интересов. Исходя из этого, ценности выступают доминирующим фактором, регулирующим поведение личности [2].

Следует отметить, что единого определения понятия «ценность» в психологической науке не существует. В психологии ценность рассматривается с различных позиций: 1) как предмет, имеющий пользу и способный удовлетворить конкретную потребность человека; 2) как значимость чего-либо для человека или социальной группы в целом; 3) как норма; 4) как идеал.

Согласно С.Л. Рубинштейну, ценность – это значимость для человека чего-то в мире. А.Н. Леонтьев считал, что ценности обязательно должны иметь для человека личностный смысл и проявляться в виде идеалов и жизненных целей, направляющих активность субъекта [3].

Ценности, накопленные всеми предыдущими поколениями, становятся культурным опытом, традициями. Для конкретного индивида эти ценности первоначально являются чем-то внешним, выступают в роли отчужденных культурных «значений».

Выделяют следующую традиционную классификацию ценностей [4]:

а) материальные – ценности, которые существуют в форме вещей (одежда, продукты питания, техника, храм, картина);

б) духовные – ценности, которые гарантируют существование личности как духовного существа (моральные, религиозные, художественные, политические и др.).

Но кроме ценностей, которые удовлетворяют материальные и духовные нужды, выделяют психические и социальные ценности, которые удовлетворяют соответствующие нужды. Так, переживания радости, счастья, душевного комфорта, которых человек хочет и которые ценит, не принадлежат ни к духовной, ни к материальной сферам. Они являются душевными, а не духовными, ценностями. Социальные нужды также удовлетворяются определенными ценностями – социальная защищенность, занятость, гражданское общество, государство, церковь, профсоюз, партия и т. п. Их также нельзя однозначно квалифицировать как материальные или духовные ценности [5].

Особая роль в этом вопросе отводится изучению личности осужденного, совершившего преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств. В этой связи следует принять во внимание, что особенности личности осужденного проявляются в большей степени через

биофизиологические, социальные и психологические характеристики. При этом осужденные отличаются друг от друга по этим характеристикам, и по тем же признакам они схожи между собой.

В силу множественности субъектов преступлений в сфере незаконного наркооборота представляется возможным выделить две основные группы осужденных: имеющих наркотическую зависимость и не имеющих ее. Такое деление связано с тем, что предпосылкой преступного поведения первой группы осужденных является наличие у них наркотической зависимости. В основе второй группы лежит корыстная мотивация, связанная с наркотизацией населения [6].

В.Г. Разозинская приходит к выводу, что среднестатистический преступник, нуждающийся в лечении от наркомании, – это психопатическая личность с агрессивно-антисоциальным поведением, склонная к криминальной активности [7].

Анализ криминологических классификаций осужденных к лишению свободы за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с точки зрения интегрированного подхода показывает, что свойства личности осужденного весьма разнородны и не дают достаточно оснований для единой классификации, основанной на социально-психологических свойствах.

Исследование общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ позволяет выявить признаки, на основании которых можно выделить подсистему личности преступника. В связи с тем что наибольшая часть осужденных к лишению свободы наркозависимые, следует предположить, что их свойства личности могут определяться опасностью наркотического средства или психотропного вещества и опасностью противоправного деяния.

Таким образом, среди особенностей, характеризующих личность осужденного к лишению свободы за преступления наркотической направленности, особое место занимают критерии опасности наркотических средств или психотропных веществ и опасности совершенного деяния. Такое мнение обусловлено тем, что последние отражают отдельные индивидуальные свойства личности преступника, совершившего преступное деяние в сфере незаконного наркооборота. Данный вопрос крайне важен в связи с тем, что предполагается установление различных мер воздействия на лиц, отбывающих меру наказания в местах лишения свободы.

Говоря о личности преступника или осужденного, мы подразумеваем социальное положение человека и выполняемые им социальные функции.

Отметим, что, попав после осуждения в места лишения свободы, преступник начинает играть иные социальные роли, чем на свободе, появляются новые ценности и планы, либо трансформируются уже имеющиеся.

В юридической психологии преобладает ценностно-нормативная концепция личности осужденного [8]. В соответствии с ней в качестве криминально значимого свойства личности выделено такое свойство, как ценностность, которое выражает «пристрастное» отношение к предметам, людям и себе. «Оно определяет первоисточник социальной активности человека, того ядра личности, которое обуславливает определенное видение действительности и избирательность поведения» [9].

Особую значимость имеют такие ценности, как собственность, деньги, человеческая жизнь, семья, чувство гражданского (национального) долга, порядочность, честность, ответственность за данное слово и другие, нравственные и жизненно важные ценности.

Изучая ценности осужденных, важно обращать внимание на изменение в их ценностных ориентациях. Если в дореформенный (советский) период большинство криминальных авторитетов придерживались определенных правил: «не заниматься бизнесом», «не носить холодного оружия», «не совершать убийств» и т. п., то в настоящее время главная жизненная ценность – материальные блага, собственность, для умножения которых хороши все средства, в том числе и лишение жизни других людей. Человеческая жизнь, как социальная ценность, резко девальвировала. Прежние авторитетные преступники не имели права связывать себя семейными узами, а современные воры считают своим долгом не просто создать семью, но и обеспечить ей достойное существование. В настоящий момент ценности существенно изменились с учетом социально-экономического развития общества. И они стали более социально ориентированными.

Важно обратить внимание, что ряд социальных ценностей (особенно инструментальных – «честность», «свобода», «ответственность за данное слово») в криминальной среде приобретают особый смысловой оттенок. Так, ценность свободы для осужденных характеризует клятвенное высказывание «век свободы не видеть». Однако авторитетные осужденные не имеют права освобождаться досрочно, сотрудничать с администрацией. Достаточно высока ответственность преступников друг перед другом за данное слово, за высказанную оценку (обвинение) в адрес другого. И главная причина в том, что для реализации социальных ценностей, их поддержки в преступной среде вырабатываются криминальные нормы (правила) поведения, а также соответствующие санкции для наказания виновных.

Исходя из ориентации осужденных, на социальные нормы не только детерминирует их поведение, но и является индикатором общего состояния оперативной обстановки в учреждении.

Изменение социальных норм у осужденного обладает как позитивными, так и негативными последствиями для личности. Позитивное воздействие ситуации заключается в формировании новых жизненных планов, имеющих социально ценное содержание, на период нахождения в учреждении и на последующую жизнь, вместо разрушенных социально-негативных планов и перспектив. Негативные последствия указанных жизненных ситуаций заключаются в психологической ломке человека.

В том числе на жизненные ценности осужденных влияют такие факторы социальной изоляции: срок изоляции; перспектива досрочного освобождения; жизнь под постоянной охраной и надзором; строгая регламентация распорядка дня; ограничение свободного передвижения; принудительный характер труда; принудительное проведение досуга; цензура переписки; ограничения в получении посылок и передач (или их содержания), а также в пользовании деньгами; принуждение к общению; проживание с людьми «хуже меня»; морально-психологическая атмосфера в учреждении; взаимоотношения осужденных и администрации; моральные переживания наказания (изоляции); вымогательство и преследования со стороны «авторитетов»; ограничения в питании; невозможность удовлетворения половых потребностей.

Таким образом, специфика жизненных ценностей осужденных, как правило, определяется условиями социальной изоляции. Факторов, влияющих на жизненные ценности осужденных в процессе отбывания наказания, целое множество (пол, возраст, образование, рецидив, категория осужденного и др.).

Очень важно изучив эти ценности или факторы, влияющие на их положительное изменение, использовать этот опыт в дальнейшей психокоррекционной работе с осужденными в целях их скорейшей адаптации и социализации после освобождения и в конечном итоге профилактики рецидивной преступности.

Список использованных источников

1. Алиева, Н.К. Криминологическая характеристика лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков / Н.К. Алиева // Изв. вузов. – 2010. – № 3. – С. 285–288.
2. Алферов, Ю.А. Наркомания в ИТУ: опыт работы с осужденными наркоманами / Ю.А. Алферов. – Домодедово : ВИПК МВД СССР, 1991. – 102 с.
3. Пантилеев, С.Р. Методика исследования самоотношения / С.Р. Пантилеев. – М. : Смысл, 1993. – 32 с.

4. Готчина, Л.В. Криминологическая характеристика личности молодого наркопреступника / Л.В. Готчина // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2011. – № 1 (49). – С.107–113.

5. Михлин, А.С. Ценностные ориентации осужденных / А.С. Михлин, В.Ф. Пирожков. – Рязань : РГУ, 1975. – 246 с.

6. Демко, О.С. Криминологические особенности личности преступника, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств / О.С. Демко, В.А. Грецкий, А.Ю. Рычкин // Актуал. вопр. соврем. науки. – 2016. – № 50. – С.170–174.

7. Рагозинская, В.Г. Психологический портрет наркозависимого преступника / В.Г. Рагозинская // Наука и социум : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (30 янв. 2017 г.). – Новосибирск, 2017. – С.120–122.

8. Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности / Е.И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб. : Питер, 2000. – С. 256–288.

9. Дмитриев, Ю.О. Пенитенциарная психология / Ю.О. Дмитриев, Б.Б. Казак. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 681 с.

Дата поступления в редакцию: 21.09.2022

Раздел III ЮРИДИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334 + 517.927

Н.Д. Ганусевич

ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается специфика оперативного противоборства в коммуникационной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь с целью повышения уровня имиджа ведомства. Выделяются направления деятельности органов внутренних дел в информационно-коммуникативной сфере и предлагаются мероприятия, способствующие нейтрализации негативных информационных рисков, вызовов и угроз.

Ключевые слова: информационное противоборство, информация, информационно-коммуникативная деятельность, органы внутренних дел.

N.D. Ganusevich

THE PHENOMENON OF INFORMATION CONFRONTATION IN INFORMATION AND COMMUNICATION ACTIVITIES BODIES OF INTERNAL AFFAIRS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article discusses the specifics of operational confrontation in the communication activities of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus in order to increase the level of the department's image. The author highlights the areas of activity of the internal affairs bodies in the information and communication sphere and proposes measures that contribute to the neutralization of negative information risks, challenges and threats.

Keywords: information warfare, information, information and communication activities, internal affairs bodies.

Радикальные изменения в представлении об информационных основах развития общества, широкое распространение новых систем массовой коммуникации (сетей спутникового и кабельного телевидения, оптоволоконных линий связи и компьютерных сетей), технологический прорыв в полиграфической базе привели к значительному повышению интереса ведущих стран мира к организации информационно-психологического противоборства. Приоритетными стали научные ис-

следования проблем формирования государственной информационной политики в условиях применения новых средств информационного противоборства.

Теоретическую базу исследования составили труды Б.Д. Антонюка, Г.П. Бакулева, И.Л. Бачило, В.М. Березина, В.В. Вахниной, Л.В. Воронцова, А.В. Зубача, И.О. Котеневой, В.Н. Лебедева, Н.В. Лукашова, В.Ф. Макарова, А.В. Манойло, С.В. Масленченко, Т.Л. Партыка, А.А. Постникова, Ю.Д. Романовой, А.И. Соловьева, О.А. Ульяниной, С.А. Филина и др. При достаточно широком освещении темы информационных технологий и противоборства проблема противодействия органов внутренних дел рискам, вызовам и угрозам информационной безопасности Республики Беларусь остается неисследованной в полной мере.

Использование структурно-функционального метода в данном исследовании позволяет выявить структурные элементы противодействующей стороны и ее функциональный потенциал.

Как известно, информационное давление заключается в информационном воздействии на определенный объект с целью трансформации его качественного состояния. Такому воздействию может подвергаться как система моральных ценностей общества, так и психологическая устойчивость населения к проникновению деструктивных элементов пропаганды чуждой идеологии. При этом основными мишенями становятся индивидуальное и массовое сознание граждан, состояние их психологического равновесия. Все это приводит к утрате исторической памяти, потере национальной идентификации, подрыву авторитета органов власти и потере управления, хаосу и окончательному поражению [1, с. 134].

Приоритетными для деятельности органов государственной власти стали вопросы организации информационного противодействия и защиты от негативного влияния противоборствующей стороны не только гражданского населения, но и правоохранительных органов.

Пересмотр основных параметров функционирования изменил и содержание информационной деятельности в правоохранительных органах. На сегодня силовые структуры активно вовлечены в информационные процессы, демонстрируют обществу свою открытость и публичность, выступают субъектом информационных правоотношений, кроме того, осуществляют информационную и пропагандистскую работу среди сотрудников и населения. В связи с чем актуализировалась задача обеспечения практической готовности руководителей и сотрудников этих структур к участию в информационном противодействии попыткам деструктивных сил дезорганизовать деятельность органов государственной власти, подорвать их авторитет.

Современные международные правовые нормы не дают четкой оценки проведению мероприятий со стороны государств или отдельных структур в сфере оказания информационно-психологического воздействия на население недружественной страны. Это обстоятельство открывает возможности широкого использования соответствующих сил и технических средств по дезорганизации системы государственного управления, поражению стратегически важных объектов и группировок сил и средств, воздействию на психику военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, снижению их морального духа. В данных условиях управленческий аппарат, кадровые, воспитательные и информационные структуры должны уметь квалифицированно организовывать и проводить мероприятия информационного противодействия и защиты военнослужащих и сотрудников от негативного информационно-психологического воздействия [2, с. 96].

В глобальном масштабе информационное противоборство представляет собой совокупность таких геополитических отношений между субъектами мирового сообщества, в рамках которых одни из них путем активного воздействия на информационную сферу других стремятся получить превосходство над противостоящей стороной в экономической, политической, военной или иных сферах.

Современный период развития информационного противоборства характеризуется особым его обострением и выходом на качественно новый уровень, что обусловлено следующими основными факторами: информатизацией основных областей деятельности большинства государств; быстрыми темпами формирования глобальной информационной инфраструктуры и превращением ее в базисный элемент жизнедеятельности мирового сообщества; значимыми достижениями в развитии информационных технологий, их воздействием на сознание, волю и чувства людей; активным развитием программно-технических средств нанесения ущерба компьютерным и телекоммуникационным системам; недостаточным уровнем развития средств и методов обеспечения защиты национальных информационных пространств, общественного сознания, сознания отдельных граждан; несовершенством информационной политики и медиа-политики отдельных государств.

Четко организованная информационно-психологическая работа лежит в основе процесса управления любым воинским и служебным коллективом. Соответственно, организация защиты силовых структур от негативного информационно-психологического воздействия включает проведение органами управления комплекса плановых и согласованных мероприятий информационного противодействия по профилак-

тике, пресечению, снижению (устранению) последствий негативного информационно-психологического воздействия.

Основные принципы защиты включают: соответствие целям и задачам морально-психологического обеспечения служебно-боевой и оперативно-служебной деятельности; оперативность проводимых мероприятий по информационному противодействию; превентивный характер деятельности; системность, плановость и непрерывность; использование дезинформации.

Функции защиты от негативного информационного воздействия противника предусматривают различные виды деятельности: политико-разъяснительную; информационно-психологическую; воспитательно-ориентированную; пропагандистско-нейтрализующую; техническую и мобилизующую.

Действия должностных лиц организуются по следующим направлениям.

1. Противодействие распространяемой негативной информации, воспитание «иммунитета» к чуждой идеологии.

2. Усиление физической и информационной защиты объектов связи, коммуникаций и управления.

3. Ужесточение контроля состояния информационных каналов для воспрепятствования возможного проникновения сил и средств противника в информационные ресурсы силовых структур.

4. Разъяснение тактики действий информационного противника методов и приемов проведения враждебных информационно-психологических акций.

5. Разоблачение ложных слухов и информационных «фейков», пресечение элементов паники и деморализующего влияния негативного информационного воздействия на личный состав силовых структур – участников боевых действий, в том числе, в ходе выполнения военнослужащими и сотрудниками служебно-боевых и оперативно-служебных задач при обострении обстановки.

Проведение мероприятий в этой сфере носит комплексный характер и организуется на основе постоянного анализа складывающейся ситуации, ее прогнозирования в контексте динамики изменений внешних и внутренних информационных угроз для национальной безопасности государства. От руководителей всех уровней требуется не только принимать эффективные меры по противодействию негативному информационному влиянию на население и личный состав силовых структур, но всеми силами и средствами пропаганды и контрпропаганды оказывать активное информационно-психологическое воздействие на противостоящую сторону.

Защита от негативного информационно-психологического воздействия предполагает решение следующих задач.

1. Проведение информационных мероприятий по разъяснению общественно-политической и оперативной обстановки, позиции, решений и указаний высшего руководства страны по выполнению задач, стоящих перед силовыми структурами.

2. Анализ информационного фона и прогноз развития информационной обстановки в районе предстоящего или возможного выполнения задач.

3. Подготовка и проведение мониторинга с последующим обобщением информационных материалов негативного информационно-психологического воздействия, выявление источника их появления, предложение мер по их нейтрализации.

4. Снижение опасности негативного информационно-психологического воздействия путем реализации профилактических мер по предупреждению распространения среди личного состава ложных слухов, клеветы и измышлений с целью дискредитации органов внутренних дел и своих начальников.

5. Планирование и проведение информационно-психологических мероприятий, направленных на определенные категории гражданского населения, разъяснение характера задач, стоящих перед органами правопорядка.

К основным формам противодействия и защиты силовых структур от негативного информационно-психологического воздействия относятся как системные и отдельные информационно-пропагандистские, психологические и оперативно-превентивные мероприятия, так и специальные операции.

Рассмотрим на примере деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь некоторые вопросы практики работы в информационно-пропагандистской сфере.

В современном государстве общественное мнение существенно влияет на эффективность как управленческой, так и служебной деятельности органов власти. Сегодня активный диалог с населением – это приоритетное направление в работе органов внутренних дел. Без широкого взаимодействия с гражданским обществом невозможно эффективно защищать права человека, охранять общественный порядок и обеспечивать национальную безопасность страны. Информационно-коммуникативная деятельность есть ценность духовного единения людей в современном глобализирующемся обществе, мире, потому что она преимущественным образом ориентирована на взаимопонимание между людьми и социальными группами, общностями, и стремится

преодолеть губительную для духа взаимопонимания пространственно-временную дистанцию.

Организация информационного противодействия негативному информационно-психологическому воздействию в органах внутренних дел сегодня возложена на соответствующие силы – подразделения, осуществляющие мероприятия морально-психологического обеспечения, актив служебных коллективов и средства (технические, аппаратные и наглядные, а также приборы и устройства, информационные ресурсы и ведомственные средства массовой информации).

При осложнении общественно-политической и оперативной обстановки руководитель территориального органа и структурного подразделения органов внутренних дел обязан определить систему мер по организации информационного противодействия. Эффективность этой работы обеспечит учет определенных факторов и реализацию соответствующих мероприятий.

К ним необходимо отнести:

1) сбор и анализ информации о противоборствующей стороне, ее морально-психологическом состоянии и сведений о подготовке к проведению информационно-психологического воздействия на личный состав с указанием средств, приемов, способов и районов, подверженных наиболее массивному воздействию;

2) осуществление объективной оценки морально-психологического состояния своих сил и средств;

3) определение порядка работы представителей средств массовой информации и предоставления эфирного времени для трансляции подготовленных материалов о деятельности органов внутренних дел через телевидение и радиосети;

4) ознакомление сотрудников с возможными формами и методами информационно-психологического воздействия со стороны деструктивных сил;

5) принятие мер по нейтрализации распространения негативной информации через радиосети органов внутренних дел и перекрытию каналов воздействия на личный состав;

6) выделение приоритетных объектов защиты от негативного информационно-психологического воздействия;

7) действия должностных лиц в отношении сотрудников, распространяющих панические слухи и настроения;

8) организацию взаимодействия по вопросам защиты от информационно-психологического воздействия.

Информационно-пропагандистская работа в системе Министерства внутренних дел, в том числе и информационное противодействие, реализуются в двух аспектах, условно их можно назвать внешними и внутренними.

Внешний аспект заключается в проведении информационных мероприятий, направленных на формирование объективного общественного мнения о характере деятельности органов внутренних дел, в интересах укрепления законности и правопорядка, положительного имиджа сотрудников. Подготовка и проведение таких мероприятий возложены на подразделения информации и общественных связей Министерства внутренних дел.

Не менее важным является внутренний аспект информационно-пропагандистской работы (ИПР), за организацию которой несут ответственность подразделения морально-психологического обеспечения управлений (отделов, отделений) по взаимодействию с личным составом региональных и территориальных органов внутренних дел. В рамках проведения ведомственных мероприятий формы ИПР призваны сформировать у сотрудников настрой на качественное выполнение задач повседневной деятельности и стать мощным фактором повышения их морально-психологической устойчивости. При этом они являются эффективным средством воспитания у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, понимания традиций служебного долга и верности присяге, норм морали и общественной нравственности.

Эффективность информационного противодействия и защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия зависит прежде всего от учета информационных возможностей противоборствующей стороны, характера восприятия сотрудниками силовых структур поступающей информации, оснащенности органов управления современными техническими средствами воспитания.

Большое значение также имеют анализ реального морально-психологического состояния сотрудников и складывающейся обстановки, комплексный подход и системный характер проводимых мероприятий, необходимость корреляции с другими видами морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности.

Решению этих задач способствует обращение к военно-политической истории нашей страны, приобщение к истокам патриотизма и гражданственности. Объединяющий потенциал героических традиций защиты государства позволяет считать патриотизм национальной идеей общества [3, с. 78].

Учет вышеуказанных факторов и реализация соответствующих мероприятий позволит обеспечить эффективность информационно-ком-

муникативной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь, в том числе и в информационном противоборстве.

Список использованных источников

1. Корнев, А.П. Основы управления в органах внутренних дел / А.П. Корнев. – Минск : БГУ, 1998. – 360 с.
2. Васильев, Н.Н. Правоохранительные органы в системе государства / Н.Н. Васильев ; под общ. ред. Н.Н. Васильева, Ю.Ф. Кваши. – М. : Норма, 2010. – 420 с.
3. Гуцин, С.В. Система внутренней безопасности: сущность, структура, функции / С.В. Гуцин. – М. : Юрист, 2006. – 480 с.

Дата поступления в редакцию: 14.09.2022

УДК 316.334:008 + 008

С.В. Масленченко

СОЗДАНИЕ И ЛЕГИТИМАЦИЯ СИСТЕМ ИДЕЙ В РАБОТЕ Ж.-Ф. ЛИОТАРА «СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА»

Определяется применимость концепции Ж.-Ф. Лиотара о конструировании социальной реальности при исследовании информационного общества и манипуляции с информацией. Установлено, что легитимация систем идей обеспечивается коммуникацией социальных субъектов, в ходе которой системы идей принимаются на основе консенсуса экспертов и утверждаются самим обществом. Возможность искажения информации обусловлена природой речевой коммуникации, денотативностью и конотативностью единиц информации, правилами «языковой игры», санкционированными отдельными социальными группами и институтами, другими факторами. Выделяется ряд условий нейтрализации манипуляций с информацией.

Ключевые слова: конструирование социальной реальности, манипуляция, идея, система идей, легитимация.

S. V. Masluchenko

CREATION AND LEGITIMIZATION OF SYSTEMS OF IDEAS IN THE WORK OF J.-F. LYOTARD 'THE STATE OF POSTMODERNITY'

The article defines the applicability of the concept of J.-F. Lyotard on the construction of social reality for the study of the information society and the manipulation of information. It has been established that the legitimation of systems of ideas is ensured by the communication of social subjects, during which systems of ideas are accepted on the basis of expert consensus and approved by society. The possibility of

distorting information is due to the nature of speech communication, the denotative and connotative nature of information units, the rules of the 'language game', which are sanctioned by individual social groups and institutions, and other factors. A number of conditions for neutralizing manipulations with information are distinguished.

Keywords: construction of social reality, manipulation, idea, system of ideas, legitimation.

Информатизация общества во второй половине XX в. существенным образом изменила не только социально-экономические основы его существования, но и основания понимания и интерпретации происходящих трансформаций. «Классические» исследовательские подходы, основанные на постулатах рациональности, детерминизма, универсализма, позитивизма уже не в полной мере способны постичь суть общества эпохи постиндустриальности. В 1960–1980 гг. формируется группа новых методологических подходов к интерпретации реальности, представленных в работах Ю. Хабермаса, Н. Лумана, Э. Гоффмана, А. Гоулднера, А. Турена, М. Калона и др. Среди этих многочисленных попыток объяснения происходящего особое место занимает концепция Ж.-Ф. Лиотара, изложенная в труде «Состояние постмодерна» (включен в список литературы для прочтения по учебной дисциплине государственного компонента «Современная политэкономия»).

Первый всплеск интереса к данной работе на постсоветском пространстве отмечается с 1990-х гг.: И.В. Цурина «Социально-политический контекст философии постмодернизма» [11], Т. Пэнгл «Облагораживая демократию. Вызов постмодернистского века» [8], М.А. Можейко «Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм» [7], Н.А. Терешенко и Т.М. Шатунова «Постмодерн как ситуация философствования» [10], А.В. Марков «Постмодерн культуры и культура постмодерна» [4] и др.

Большинство исследователей наследия Ж.-Ф. Лиотара фокусировали свое внимание на его теории справедливости, трактовке постмодернизма, критике универсализма науки. Проблема создания и легитимации идей о социальной реальности (как часть проблемы конструирования социальной реальности) пусть и не была основной в творчестве французского мыслителя, но долгое время оставалась неисследованной. Отдельные упоминания о лиотаровской концепции формирования знания о действительности можно встретить в трудах ряда постструктуралистов и их критиков: Б.В. Маркова [5], М.А. Можейко [6], В. Штегмайера [12] и др.

Использование герменевтического метода (Г.-Г. Гадамер, В. Дильтей, П. Рикер, Ф. Шлегель, Ф. Шлейермахер и др.) дает эффективный инстру-

ментарий исследования работы Ж.-Ф. Лиотара как текста и позволяет получить объективное толкование сущности создания и легитимации знания о действительности. Применение структурно-функционального метода позволяет выявить креаторов знания и их функциональный потенциал в ходе объективации, институциализации, легитимации идей и их систем.

Уже в начале своей работы Ж.-Ф. Лиотар утверждает, что одной из важных особенностей эпохи «модерна» (ситуации «модерна») выступает легитимация рассказов, которые изначально конфликтуют с самой наукой. Последняя традиционно открыто легитимирует свой гносеологический статус и эксплицитно легитимирует часть рассказов, особенно «великие рассказы», на которые она опирается, тем самым создавая метанарратив (систему универсальных знаков и знаковых систем (понятий, суждений и умозаключений, формирующих единый тип конструирования реальности) – авт.). По мнению Ж.-Ф. Лиотара, после эпохи рассказов наступает время «постмодерна», под которым им понимается не только «состояние знания в современных наиболее развитых обществах» [3, с. 9], но и вся культура постиндустриального общества.

В эпоху «постмодерна» следует реализовать «недоверие в отношении метарассказов» [3, с. 10] (провести деконструкцию метанарративов – авт.), поскольку в них «нарративная функция теряет свои функции <...>, расплывается в облаках языковых нарративных, а также денотативных <...> частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность» [3, с. 10–11]. Конструирование социальной реальности, выраженное в «знании о бытии» (есть не что иное, как система идей – авт.) в эпоху модерна осознанно/неосознанно скрывает/теряет конотативные смыслы, формируется на основании единой «полезной» цели, определяемой заказчиком системы идей/господствующей парадигмой.

Французский мыслитель полагает, что значительная часть вариантов конструирования реальности (знание о бытии) и ее интерпретации обусловлены «языковыми играми», в которых «решающие инстанции» (заказчики и креаторы систем идей – авт.) могут пытаться управлять метанарративами. В эпоху постмодерна нужно подвергнуть деструкции метарассказы, что в гносеологическом плане приведет к новому пониманию реальности, а в онтологическом – к потере монополии власти на знание [3, с. 12]. Основанием нового конструирования реальности и ее понимания и толкования будет не «гомология экспертов» (схожесть нарративов экспертов (в культурном контексте – единообразие стилей, образов и форм, в политическом – схожесть мнений, в научном – парадигмальность знания и т. п.) – авт.), а «паралогия изобретателей» (многообразие противоречивых «знаний о мире» большого числа заказчиков и креаторов идей и их систем – авт.).

В новую эпоху «знание о бытии» перестает быть внутренним «действием» «знающего» (неразрывно связано с формированием разума – авт.), оно с каждым годом все больше подвергается экстернизации. В ситуации «после рассказов» знание становится товаром, что предполагает многообразие и противоречивость моделей конструирования реальности, их понимания и интерпретации (в культурном контексте – плюрализм социокультурного выражения, в политическом – плюрализм мнений, в научном – многообразие исследовательских программ). Ж.-Ф. Лиотар полагает, что разрыв между развитыми и развивающимися государствами продолжит увеличиваться в том и числе за счет более динамичного развития науки в первых [3, с. 19].

Все имеющееся знание Ж.-Ф. Лиотар делит на две части: научное и нарратив. В воздействии на мышление важное место занимает вопрос легитимации, которая традиционно происходит в результате «языковой практики» и «коммуникационного взаимодействия» социальных субъектов [3, с. 101].

Например, знание «должно удовлетворять такой совокупности условий, чтобы восприниматься как научное» [3, с. 27]. Аналогичная ситуация наблюдается в праве, политике, этике и иных сферах, поскольку они используют «родственные языки» (род (-ы) языка) и общие ценностные установки, обобщенно называемые французским мыслителем «Запад» (западная цивилизация – авт.). Контроль над знанием – это вопрос реализации власти, поскольку тот, «кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать» [3, с. 28] обладает силой принуждения.

Опираясь на логико-философский подход Л. Витгенштейна, Ж.-Ф. Лиотар представляет коммуникацию как «языковые игры», которые включают в себя язык как знаковую систему (с «эффектами» денотата и конотата), отправителя, получателя информации, референт и сам процесс взаимодействия [3, с. 32]. При этом правила формируются и (или) самоформируются, они «составляют предмет соглашения – явного или неявного» (слабость подхода в том, что он строится на достижении консенсуса для продолжения игры, что невозможно в ситуациях антагонизма систем идей (идеологий) – авт.). Используя методологию Ч. Пирса и Ч.У. Морриса, Ж.-Ф. Лиотар анализирует устанавливающие социальные связи «языковые акты» (в терминологии Дж. Р. Серля – исходные базовые единицы речевой коммуникации; в теории социальной динамики – аналоги социального акта), пытаясь выявить их прагматические аспекты [3, с. 29].

По мнению Ж.-Ф. Лиотара, западная наука второй половины XX в. предлагает два подхода в понимании общества: парсонсовский, рассма-

тривающий социум как функциональное саморегулирующееся целое, и марксистский, позиционирующий общество как противостояние двух частей. В 1950–1970-х гг. «в странах с либеральным и прогрессивно-либеральным правлением происходит преобразование <...> борьбы (классовой борьбы – авт.) и ее руководителей в регуляторы системы; в коммунистических странах происходит возвращение, под тем же именем марксизма тоталитарной модели и ее последствий» [3, с. 39]. Инструментами «программирования системы» используются «знание о бытии», сконструированное на основании «Капитала» К. Маркса, и критика общества отчуждения, тесно связанная с философией марксизма.

Эти два подхода определили распространение двух дискурсов в научной среде, предлагающих разные системы конструирования социальной реальности. Отсюда Ж.-Ф. Лиотар полагал, что для понимания сущности бытия необходимо понимание самого общества, в котором знание о нем создается. При парсоновском подходе знание выполняет определенную функцию в системе социума («функционализм знания»), его дисциплинарным воплощением выступает кибернетика, материальным – техника. При марксистском подходе знание выполняет критическую функцию в противостоянии двух антагонистических систем конструирования реальности («критицизм знания»), его дисциплинарным воплощением выступают критика политической экономии и учение о неких ценностях и целях (вопрос о материальном воплощении остался нераскрытым – авт.).

В концепции Ж.-Ф. Лиотара постиндустриальное общество движется по пути «отчуждения управляющих» от процессов конструирования реальности (в экономическом аспекте – от экономических процессов) и передачи функций создания, накопления и распространения «знания о бытии» (информации в терминологии французского автора – авт.) технике, что вызывает трансформацию механизмов развития правящего класса, который будет формироваться не столько посредством политической сферы и политической деятельности, а сколько вовлечением представителей разных социальных групп и институтов в процессы управления техникой, в процессы конструирования социальной реальности. На уровне потребителей «знания о бытии» не происходит полная атомизация индивидов: разрываются социальные связи, обусловленные этническими, конфессиональными и иными культурными традициями прошлых исторических эпох, и одновременно создаются новые, более мобильные (в терминологии подходов М. Вебера, П. Сорокина – авт.) социальные отношения.

По мнению французского мыслителя, человек в информационном обществе выступает своеобразным «узлом коммуникации» (в терми-

нологии теории систем – авт.), через который проходят пути сообщений, в том числе о нем и от него. При этом «языковые игры» обеспечивают «необходимый для существования общества минимум связи» [3, с. 46] (обмен информацией – авт.). По мере роста роли информации в современной культуре и обществе возрастает и роль языка в процессах коммуникации. Речевая коммуникация может выступать в форме «манипуляционной речи», «монолога» и «диалога» [3, с. 46–47], а сами сообщения не просто передают информацию, а несут еще конотативные смыслы. Именно благодаря «атомам» (отдельным индивидам и социальным группам – авт.) конструирование социальной реальности перестает быть монополией власти (отдельных институтов, как это было, например, в Средневековье – авт.), а становится участью множества социальных субъектов.

«Языковые игры» включают в себя ожидаемые/неожиданные для участников коммуникации «приемы» (установленные и новые правила коммуникации – авт.), которые упрощают или усложняют процессы передачи информации. Для раскрытия теоретической и практической сути этих «игр» Ж.-Ф. Лиотар наряду с коммуникативной теорией использует теорию игр (Э. Гоффман [15], А. Гоулднер [14], А. Турен [18], М. Калон [13]). В свою очередь, социальные институты «накладывают ограничения на игры», что «по-видимому, не составляет особой трудности» [3, с. 49] для них по причине наличия механизмов насилия. Диктуемые ими правила включают запреты на озвучивание некоторых «вещей», отдают предпочтение в коммуникации «некоторому классу высказываний», отражающих/утверждающих господство дискурса социального института или их совокупности. Очевидным и «крайним» проявлением этой тенденции является бюрократизация [3, с. 49].

Установленные/устанавливаемые границы дозволенного весьма условны: даже в тех случаях, когда они формально имеются, всегда существуют возможности их преодоления, обусловленные, например, хотя бы случайностью, «атомизацией» индивидов, латентным протестом отдельных элементов «институций» или всего социального института (в терминологии Ж.-Ф. Лиотара – «современные институты знания» – авт.).

«Современные институты знания» выдвигают требования к «знанию о бытии»:

- а) предметы, к которым относятся высказывания, определяемые «институцией» как денотативные, должны быть эксплицитно наблюдаемыми;
- б) «имеется возможность решать, принадлежит или нет каждое из этих высказываний языку, который эксперты считают релевантным» [3, с. 52];
- в) «знание о бытии» включает в себя не только денотативные, но и некие конотативные смыслы (в терминологии Ж.-Ф. Лиотара прест-

крептивные и оценочные высказывания: квалифицированность, справедливость, добро, красота, чувствительность и т. д. [3, с. 52]);

г) санкционированное «институцией» «хорошее знание» близко к обычаю, соответствует критериям легитимации, устанавливаемыми культурой народа (знание как социальный конструкт или знание как культура [3, с. 53]).

В историческом срезе формирование традиционного знания начинается с нарративной формы (исследования В. Проппа [9], К. Леви-Стросса [1], Г. Рохайма [16]). Рассказы как ранняя нарративная форма, получившая и последующее распространение, выступают социальными конструктами, а) укоренившимися/укореняющимися в культуре; б) постоянно отсылающими к истории, обычаям и традициям этноса, народности, народа; в) дающими «легитимность общественным институтам (функция мифов), <...> положительные или отрицательные модели интеграции в установленные институты (легенды, сказки)» [3, с. 55]; г) включающими в себя множество дополнительных смыслов. Кроме того, правила рассказа закрепляют его прагматику: рассказ дает слушателю компетенцию стать рассказчиком, а сам рассказчик, впоследствии, может стать героем рассказа;

д) указывающими на «идентичность всех обстоятельств рассказа», при этом «референция рассказов может <...> принадлежать прошедшему времени, но в действительности она всегда современна акту „здесь и сейчас“» [3, с. 59].

Рассказы выступают некой коллективной практикой, «определяют критерии компетенции и/или иллюстрируют ее применение, <...> определяют, что имеет право говорить и делаться в культуре, и поскольку они сами составляют ее часть, то тем самым оказываются легитимными» [3, с. 61]. Фактически для нарративного знания легитимация не имеет большого значения; оно «не прибегает к аргументации или приведению доказательств» [3, с. 69] и толерантно рассматривает научное знание «как разновидность в семье нарративных культур» [3, с. 69] (в подтверждение этого тезиса Ж.-Ф. Лиотар ссылается на исследование К. Леви-Стросса «Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль» [2]).

В свою очередь, любое научное конструирование реальности должно соответствовать ряду «предписаний»:

- а) «отправитель говорит истину о референте» [3, с. 62] (у референта имеются доказательства истинности тезиса, исключаящие противоположное или противоречащее ему высказывание (закон исключенного третьего – авт.);
- б) получатель либо соглашается, либо отвергает то, что сообщает ему референт (у получателя имеются доказательства истинности/лож-

ности тезиса (в случае истинности – соглашается, в случае ложности – должен обладать контраргументами); отсюда получатель и отправитель в процессе коммуникации у Ж.-Ф. Лиотара имеют одинаковый гносеологический статус: они «ровня» [3, с. 63];

в) «референт «выражен» через высказывание в форме, соответствующей тому, чем он является» [3, с. 63]. При этом узнать, чем же он является, можно лишь через высказывание (что можно охарактеризовать, как логический круг – авт.). В итоге высказывание принимается на веру, тем самым легитимируется и легитимирует референт; возникает «консенсус» между партнерами коммуникации.

Ж.-Ф. Лиотар различает два субъекта конструирования социальной реальности посредством науки:

ученый («способен сформулировать истинное высказывание на предмет некоего референта» [3, с. 66]);

специалист («может сформулировать высказывания, верифицируемые или фальсифицируемые на предмет референта, принимаемое экспертами» [3, с. 66]). Ему нужен получатель знания, который, в свою очередь, может выступать отправителем информации («партнером» в терминологии Ж.-Ф. Лиотара – авт.). Истинность знания зависит «от одобрения коллектива равных по компетенции <...> следовательно, необходимо формировать равных» [3, с. 65], реализовывая обучающую функцию.

Кроме того, научное знание содержит в себе «исследовательскую» и «обучающую» игры. Так, в первом акте обмена информацией получатель не обладает компетенцией, а по мере возрастающего числа актов взаимодействия, он становится более компетентным, со временем достигая уровня компетентности отправителя («обучающая игра»). Специалист (эксперт) «может дать» реципиенту информацию о том, «что он не знает, но хочет узнать» [3, с. 65], побуждая в получателе исследовательский интерес и давая ему исследовательскую прагматику («исследовательская игра»).

Наличие «языковых игр», множество участников коммуникационных процессов создают возможности для манипулирования информацией. Пытаясь избежать такого сценария, наука как креатор идей и их систем вырабатывает ряд правил:

«научное знание требует выбора одной из языковых игр – денотативной, и исключения других» [3, с. 66]. Высказывание приемлемо, если оно истинно;

научное знание становится сферой определенной профессии, на обыденном уровне не устанавливает социальные связи, что и нарративное знание;

научное знание объективируется в форме научных институтов, взаимодействие которых с обществом носит особый характер;

научное знание «всегда находится в опасности „фальсификации“» [3, с. 67] проверяется «аргументами и доказательствами», а его высказывания не обладают «силой законности», как у нарративного знания.

В итоге вопрос легитимации знания о реальности в работе «Состояние постмодерна», как и в трудах К. Мангейма «Идеология и утопия», П. Бергера и Т. Лукмана «Конструирование социальной реальности», имеет фундаментальное значение не только для понимания и интерпретации бытия, но солидарного существования граждан, общества и государства. «Научное знание нуждается в легитимации, постоянно ставит под сомнение легитимность нарративного знания и утверждает, что рассказы «никогда не подчиняются аргументам и доказательствам» [3, с. 70], относит их к высказываниям, строящимся на «мнении, обычаях, авторитете, предубеждениях, незнании, идеологии», «являются вымыслами, мифами, легендами» [3, с. 70].

За столетия правила нарративной игры существенно укоренились в культуре (этому способствует и традиция), и, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, их влияние наиболее сильно проявляется в специфике человеческого мышления (обыденное сознание) и масс-медиа [3, с. 72], да и в целом в феномене массовой культуры. Кроме того, нередко научное знание для решения вопроса легитимации прибегает к нарративу. По утверждению Ж.-Ф. Лиотара, «рассказы, легитимирующие знание» бывают двух видов:

политический: субъект – «человечество как герой свободы» с правом на науку, реализации которого могут противодействовать «духовники и тираны» [3, с. 80], либо нация, от имени которой действует государство; игра легитимации – государственно-политическая; впервые реализовано в наполеоновской Франции;

философский: субъект – «спекулятивный дух» (в терминологии «науки о духе» В. Дильтея и др. – авт.) и воплощен в «Системе» (в терминологии И. Фихте и Ф. Шеллинга), а «государство может адекватно выражать народ только посредством спекулятивного знания» [3, с. 85]; знание строится на трех началах «выводить все из первоначала» (научная деятельность), «соотносить все с идеалом» (этическая и социальная практики), «объединять это первоначало и этот идеал в единой Идеи» [3, с. 83] (истинные причины, исследованные наукой, совпадают со справедливыми целями в нравственной и политической жизни); игра легитимации – философская; впервые реализовано в Германии при создании Берлинского университета («„спекуляция“ – <...> имя, данное дискурсу о легитимации научного дискурса. Школы – функциональны,

университет спекулятивен, т. е. философичен» [17]). При этом философия соединяет разрозненное знание множества наук и доуниверситетское знание, как «отдельные моменты в становлении духа» в «рациональной метанаррации» [3, с. 84]. В итоге «настоящее знание – это всегда не прямое знание, сформированное из относительных высказываний и инкорпорированное в метарассказ субъекта, который обеспечивает его легитимность» [3, с. 86].

Появление нового знания ведет к появлению проблемы легитимации новых правил языковой игры и легитимации нового знания как такового. Сами правила имманентны игре и устанавливаются только посредством научного спора и принимаются на основе консенсуса экспертов. Однако не только ученые, эксперты могут устанавливать правила языковой игры и утверждать легитимность знания о бытии, но и само общество (народ) придает нормативность консенсусу экспертов. По утверждению Ж.-Ф. Лиотара, этот «народ» отличается от того «народа», что встречается в нарративном повествовании. Он представляет собой некоторую большую общность, активно разрушающую традиции нарративной культуры, воспринимающей как знание меньшинства; не ограничивается сферой «денотативных, раскрывающих истину высказываний» и продуцирует «прескриптивные, претендующие на справедливость» высказывания [3, с. 77–78].

По мнению Ж.-Ф. Лиотара, движущей силой прогресса выступает не само знание, а свобода воли, которая дает возможность легитимировать не только денотативные высказывания, но и прескриптивные (то, что у И. Канта именовалось «императив», а на языке современной юриспруденции называется «предписание»). Ученый не только информирует о действительности, но и дает возможность «нравственности» (предписания, прескриптивные высказывания) стать действительностью. Он может отказывать в научной поддержке той власти, которую считает несправедливой, а в этом и заключается специфика ситуации постмодерна. Конечной целью научного знания должно стать освобождение человечества от несправедливости.

Еще в XIX в. в европейской культуре обнаруживаются первые ростки и «делегитимации» знания, однако этот процесс обретает свою полную силу только в эпоху постмодерна, чья культура уже строится на принятии языка «позитивных» наук как общего вида языка, который содержит в себе «предположения (формальные и аксиоматические), которые он должен объяснять» [3, с. 95]. Другими словами, это начало процесса делегитимации, «движущей силой которого выступает требование легитимации» [3, с. 95]. В результате, четкие границы наук эпохи модерна исче-

зают, начинают появляться «захваты» предметных областей, возникают межпредметные связи, исследования и комплексные науки. И меняется статус университета: «факультеты ограничиваются передачей знаний, считающихся установленными, и с помощью дидактики обеспечивают воспроизводство скорее преподавателей, чем ученых» [3, с. 96].

В эпоху постмодерна наука больше не может легитимировать другие языковые игры и себя так, как это предполагает спекуляция. Отраженные в языке социальные связи накапливаются вокруг социального субъекта, наслаиваются за счет растущих социальных связей и новых языков (например, программирования, «языков» и «языковых игр» субкультур – авт.). При этом единого, в лингвистическом смысле, метаязыка не существует, никто не знает и множества существующих языков; позитивизм как парадигма перестал носить универсальный характер, появился позитивизм частности, частной области научного познания; ученые превратились в научных сотрудников, решающих задачи по частям, – все это создает «пессимистическое впечатление» [3, с. 99], воплотившееся в философии Э. Маха и Л. Витгенштейна (предлагает легитимацию вообще «другого рода» – перформативность), искусстве Р. Музиля, К. Крауса, Г. фон Гофманшталя, А. Шенберга, Г. Броха и др.

В постмодернистской культуре новое значение приобретает результативность научных исследований, которая определяется не только приростом нового знания, но и возможностью ее применения в общественных отношениях.

В гносеологическом плане в этот период она переживает еще «два изменения: обогащение аргументации и усложнение предъявления доказательств» [3, с. 102]. По мере развития европейской культуры именно язык логики стал тем метаязыком, который до сих пор определяет аксиоматику новых языков. Результаты научного познания должны быть обоснованы, синтаксически завершены, определены (операция с понятием/понятиями – авт.), независимы от других аксиом. В отношении последних устанавливается консенсус между экспертами, которые принимаются остальными участниками научного познания (и (или) языковой игры). Необходимая для доказательства аргументация в этом случае заменяется на принятие правил (языковой игры – авт.). «Прогресс в знании», по утверждению Ж.-Ф. Лиотара, проявляется, во-первых, в создании нового «приема» аргументации в рамках установленных правил и, во-вторых, в изобретении новых правил [3, с. 106], что ведет к лиотаровскому «обогащению аргументации». Возникает «множество формальных аксиоматических систем, способных аргументировать денотативные высказывания» [3, с. 106], систем, «описанных универсальным, но не обоснованным метаязыком» [3, с. 106] (логики – авт.).

«Усложнение предъявления доказательств» как второй тренд развития науки постмодерна заключается не только в том, чтобы «сделать публичными средства доказательств» [3, с. 107], но еще и в привлечении к процессу легитимации науки технических средств, которые, как утверждает Ж.-Ф. Лиотар, служат «протезом органов чувств». При этом сама техника лишь повышает эффективность познания в плане затрат. К тому же, по Ж.-Ф. Лиотару, она требует и затрат, как на создание, так и на функционирование, становясь, как правило, частью мира богатых. Отсюда языковые игры богатых ведут их к преимуществу в легитимации знания о действительности: «самые богатые имеют больше всего шансов быть правыми» [3, с. 109].

Весь процесс признания результатов научного познания помещается в триаду: богатство, эффективность (производительность), истина.

С появлением капитализма эта система дополняется идеей о том, что без техники невозможно богатство: инвестиции в технику становятся инвестициями в богатство. Их целью становится не истина, а производительность. В сфере производства реализуется новый тип языковой игры – техническая игра. Как утверждает Ж.-Ф. Лиотар, денотативная игра строится вокруг истинности/ложности, прескриптивная – справедливости/несправедливости, техническая – эффективности/неэффективности [3, с. 112]. Техническая среда обладает определенной «силой»: усиливая «технические приемы, «усиливают» реальность, а следовательно, – шансы быть справедливым и правым» [3, с. 114], и наоборот, усиливая знания, получают «усиленную» технику.

Преподавание, как способ передачи знания, традиционно выступает одним из средств его легитимации. Легитимация самого преподавания в постмодерне осуществляется через его результативность («оптимальный вклад в наилучшую эффективность социальной системы» [3, с. 117]). В результате описанной выше «делигитимации» университетское образование формирует не идеалы, а отдельные компетенции: высшее образование уже не формирует элиту, «вовлеченную в решение великой задачи социального прогресса» [3, с. 118], «но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах, которые требуются институтам» (идея Т. Парсонса – авт.).

Французский ученый предугадал возрастающий запрос заказчика кадров на специализацию, на знания частного, а не общего порядка, на навыки и умения коммуникации, пользования информацией, грамотной постановки вопроса (формирования поиска из банков данных). По его мнению, изменился не только сам университет (стал более доступным для масс и менее затратным, перестал быть простым передатчиком информа-

ции, став центром постоянной переподготовки и повышения квалификации), но и обучающийся, и заказчик, для которых главными критериями результативности образования стали меркантильность и эффективность.

Все эти изменения осуществляются на фоне устранения современным западным постиндустриальным обществом и постмодернистской культурой «коммунистической альтернативы» и придания ценности «индивидуальному обладанию благами и услугами» [3, с. 92–93].

Если в аграрную и индустриальную эпохи государство и его институты контролировали полностью или частично процессы конструирования социальной реальности, «разрешали обсуждать» знание о бытии и определять его истинность, то по мере становления постиндустриального общества происходит трансформация «знания о реальности», находящегося под нарастающим влиянием информации.

Знание в ситуации постмодерна становится не только одним из источников экономического процветания, но и источником власти, что открывает «новое поле для индустриальных и коммерческих стратегий, а также для стратегий военных и политических» [3, с. 20]. Отсюда информатизация общества тесным образом увязывается Ж.-Ф. Лиотаром с «вопросом об управлении» [3, с. 28] и, как следствие, «вопросом о власти». В постмодернистской культуре управление информацией может стать «желанным» инструментом контроля и регуляции системы [3, с. 158].

По утверждению французского мыслителя, культура и общество постиндустриальности актуализируют идеологию «коммуникационной прозрачности», дополненную идеей коммерциализации знания. При этом государство трактуется как источник помех, как «шум» и «фактор непроницаемости» [3, с. 20]. А сама идея «абсолютного контроля над системой, который должен улучшать ее результаты», ведет к обратному: увеличиваются затраты на контроль, что снижает эффективность самой системы. Бюрократии «душат контролируемые ими системы или подсистемы и задыхаются вместе с ними» [3, с. 134]. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, это обусловлено тем, что начавшийся в 1970-е гг. кризис «государства всеобщего благоденствия» сопровождался запросом на «ослабление административного управления» и переход к «государству-минимуму» [3, с. 22], ограниченно влияющему на социокультурные процессы. По сути, ученый предугадал нарастающее к последней четверти XX в. противостояние гражданского общества и государства в информационной сфере, позже дополненное их противостоянием в вопросе общего функционального статуса государства, завершившееся переходом в первом десятилетии XXI в. последнего в статус партнера, а затем и, вообще, сервисного метаинститута.

Частично опираясь на системный подход Н. Лумана, Ж.-Ф. Лиотар утверждал, что система функционирует, сокращая сложность (ведет к повышению эффективности/производительности), и повышает приспособляемость индивида к собственным ожиданиям. По мере роста объемов информации становится затруднительным принимать решения, основанные на полном ее анализе. Возникает «соблазн» управления ожиданиями индивида для их «совмещения с решениями системы» [3, с. 147–148], принимаемыми в ускоренном порядке на основании неполного объема информации. Решения системы состоят не в удовлетворении желаний индивида, а в формировании желаний под запросы самой системы. Система влияет на формирование языков игр и познание. Во всех своих действиях она руководствуется эффективностью (утверждение применимо к обществам европейской цивилизации, перешедших и развивающих капиталистические идеи – авт.). Такое общество ориентировано на удовлетворение потребностей групп, находящихся в социальном расслоении над обездоленными, поскольку ориентация на последних многократно увеличит затраты системы и снизит ее эффективность.

Система формирует малую группу руководителей и массу исполнителей, которые должны подчинять свои ожидания целям самой системы. В таком ракурсе наука постмодерна предлагает антимодель (открытая система с релевантными высказываниями, порождающими идеи) устойчивой системы [3, с. 152–153]. Так, метаязык науки позволяет ей преодолевать попытки установления навязываемой системой языковой игры (переход в иные языковые игры или использование собственно метаязыка). Язык общества постмодерна – «наслоение гетероморфных классовых высказываний» [3, с. 155]. Язык науки – метаязык, дающий общие метапредписания, позволяющие в ходе языковой игры получать достоверные и аргументированные высказывания (идеи).

Кроме того, избежать контроля над системой конструирования социальной реальности (создания знания о бытии и его легитимация), по мнению французского мыслителя, позволит свободный доступ всех к информации, возможностям ее хранения и обработки.

В заочном споре Н. Лумана и Ю. Хабермаса о конечной цели науки Ж.-Ф. Лиотар принимает сторону скорее первого. Придерживаясь идеи о том, что концом научной прагматики является паралогия, французский ученый в нескольких местах своей работы заявляет о призрачности цели научной прагматики в теории Ю. Хабермаса – достижения консенсуса (диалога аргументаций). Даже если удастся его достичь, то он должен быть «локальным», допускать свое «расторжение» равноправными партнерами. В противном случае наука превратиться в рас-

сказ или инструмент подавления иных «несовместимых» с системой ожиданий индивида.

В заключение необходимо отметить следующее:

во-первых, представления Ж.-Ф. Лиотара о конструировании социальной реальности имманентно прослеживаются через призму его концепции о знании в эпоху постмодерна, а также строятся на достижениях науки и исследовании процессов, характерных для современной западной культуры, чье содержание и динамика начали воплощаться с 1960-х гг.;

во-вторых, в лиотаровской концепции конструирование социальной реальности (система идей о бытии) в культуре модерна осуществляется преимущественно посредством нарративов (рассказов), в культуре постмодерна – преимущественно посредством науки, которая может включать в себя «рассказы», создавая «метанарративы» (систему универсальных знаков и знаковых систем (понятий, суждений и умозаключений, формирующих единый тип конструирования реальности – система идей)). Субъектами конструирования социальной реальности эпохи постмодерна выступают ученый и специалист (эксперт), а также техника, в том числе обеспечивающая проведение исследований;

в-третьих, легитимация систем идей происходит в результате коммуникации («языковые игры», «языковая практика», «коммуникационное взаимодействие», иное) социальных субъектов, некоторая автономность которых обеспечивает снижение монополии отдельных социальных групп и институтов на создание, распространение, хранение и обработку информации, особенно в постмодернистской культуре. В нарративной культуре правила устанавливаются «сверху», в постмодернистской – только посредством научного спора, принимаются на основе консенсуса экспертов в форме четких «предписаний», утверждаются самим обществом. Поскольку достижение абсолютного консенсуса невозможно, то основанием нового механизма конструирования реальности и системы ее толкования, ведущих к потере монополии власти на знание, становится многообразие противоречивых «знаний о мире» большого числа заказчиков и креаторов идей и их систем («паралогия изобретателей»), а также процесс «„делегитимации“ знания, „движущей силой которого выступает требование легитимации“» (делегитимация знания ведет к множеству конкурирующих высказываний в научной сфере, а в образовательном пространстве и экономике – к специализации);

в-четвертых, возможность искажения информации обусловлена: а) самой природой речевой коммуникации (может выступать в форме «манипуляционной речи»); б) денотативностью и конотативностью единиц информации (проблема интерпретации социальными субъектами Ж.-Ф. Лиотаром в данной работе не исследовалась); в) правилами

«языковой игры», санкционированными «институцией» (отдельными социальными группами и институтами); г) инвестициями в технику, дающими преимущество состоятельным субъектам в создании, распространении, распоряжении информацией (утаивание данных, частичное информирование, иное); д) «соблазном» управления ожиданиями индивида (-ов) для их интеграции с целями/желаниями заказчиков и креаторов идей и их систем;

в-пятых, для нейтрализации манипуляций с информацией научное сообщество как креатор идей и их систем вырабатывает ряд правил: а) опора на денотат (денотативная игра строится вокруг истинности/ложности и исключает конотативные смыслы; б) конструированием социальной реальности (идей и их систем) занимаются только профессиональные ученые; в) научное знание объективируется в форме научных институтов; г) научное знание должно быть аргументировано и верифицируемо, его высказывания не обладают «силой законности», как у нарративного знания; д) внедрение идеологии «коммуникационной прозрачности» (ослабление регламентации, партнерские отношения социальных субъектов, свободный доступ всех к информации, возможностям ее хранения и обработки, иное); е) отказ в научной поддержке заказчиков и креаторов знаний о реальности, чьи идеи ведут к несправедливости; ж) опора на саму науку постмодерна как открытую систему с релевантными высказываниями, обладающую языком, позволяющим в ходе «языковых игр» не только получать достоверные и аргументированные высказывания, но и обходить попытки навязывания правил игры со стороны агентов несправедливости.

Список использованных источников

1. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : Наука, 1985. – 399 с.
2. Леви-Стросс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / К. Леви-Стросс. – М. : Акад. проект, 2008. – 486 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 159 с.
4. Марков, А.В. Постмодерн культуры и культура постмодерна / А.В. Марков. – М. : Рипол классик, 2018. – 254 с.
5. Марков, Б.В. Герменевтика Dasein и деструкция онтологии у Мартина Хайдеггера [Электронный ресурс] / Б.В. Марков // Anthropology.ru. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/germenevtika-dasein-i-destrukciya-ontologii-u-martina-haydeggera>. – Дата доступа: 30.06.2022.
6. Можейко, М.А. «Закат метанарраций» // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов, науч. ред. М.А. Можейко [и др.]. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, Современ. литератор, 2002. – С. 268–269.

7. Можейко, М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм / М.А. Можейко. – Смоленск : Изд-во Смолен. гос. пед. ун-та, 2004. – 238 с.

8. Облагораживая демократию. Вызов постмодернистского века : реф. / сост. А.В. Валюженич. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – 21 с.

9. Пропп, В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – М. : Колibri, 2021. – 640 с.

10. Терещенко, Н.А. Постмодерн как ситуация философствования / Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. – СПб. : Алетейя, 2003. – 190 с.

11. Цурина, И.В. Социально-политический контекст философии постмодернизма : науч.-аналит. обзор / И.В. Цурина. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – 52 с.

12. Штегмайер, В. Деконструкция и герменевтика. К дискуссии о разграничении / В. Штегмайер // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. – С. 4–9.

13. Callon, M. Sociologie des techniques? / M. Callon // Pandore. – 1979. – № 2. – P. 28–32.

14. Gouldner, A.W. The dialectic of ideology and technology. The origins, grammar, and future of ideology Critical Social Studies / A.W. Gouldner. – London : Mac-Millan Press, 1976. – 304 p.

15. Goffman, E. The presentation of self in everyday life / E. Goffman. – Edinburgh : University of Edinburgh, 1956. – 161 p.

16. Roheim, G. Psychoanalysis and anthropology : culture, personality and the unconscious / G. Roheim. – N. Y. : International Universities Press, 1950. – 496 p.

17. Schleiermacher, F. Die Anfänge : 1768–1808 / F. Schleiermacher, H. Beintker. – Berlin : Evang. Verl.-Anst., 1965. – 143 s.

18. Touraine, A. Lutte étudiante / A. Touraine. – Paris : Ed. Du Seuil, 1978. – 373 p.

Дата поступления в редакцию: 21.09.2022

УДК 316.4 + 355.01

М.Ю. Узгорок

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Раскрывается сущность имиджа сотрудников органов внутренних дел; актуализируются роль и значимость имиджа в оценке обществом работы правоохранительной системы; предлагаются конкретные практические рекомендации формирования положительного внешнего и внутреннего имиджа сотрудников органов внутренних дел в современных социокультурных условиях.

Ключевые слова: имидж, имидж сотрудников органов внутренних дел, практические рекомендации формирования позитивного имиджа, социальная и гражданская ответственность сотрудников органов внутренних дел, престиж службы в органах внутренних дел, социальная зрелость сотрудников органов внутренних дел, имидж руководителя в органах внутренних дел.

M. Yu. Uzgorok

MODERN PRACTICE OF EFFECTIVE FORMATION OF A POSITIVE IMAGE OF POLICE OFFICERS

The essence of the image of police officers is revealed; the role and importance of the image in assessing the work of the law enforcement system by society is updated; specific practical recommendations are offered for the formation of a positive external and internal image of police officers in modern socio-cultural conditions.

Keywords: image, image of police officers, practical recommendations for the formation of a positive image, social and civic responsibility of police officers, prestige of service in the police department, social maturity of police officers, the image of the head in the police department.

В современных условиях развития белорусской государственности возрастает роль органов внутренних дел (ОВД), которые не только защищают, но и обеспечивают права и свободы человека и гражданина.

Социально-экономические преобразования, происшедшие в нашей стране, породили необходимость формирования нового образа и стиля социального поведения сотрудников ОВД, их позитивного имиджа, отвечающего современным задачам развития белорусского общества.

Имидж сотрудников ОВД является весьма значимым феноменом, связанным с оценкой населением эффективности правоохранительной деятельности. Он отражает устойчивые представления граждан о социальном значимых качествах личности сотрудников, проявляющихся в их профессиональной сфере [5]. Становясь стереотипом общественного сознания, имидж сотрудников ОВД поддерживается механизмами межличностной, внутригрупповой и межгрупповой коммуникации [6], в частности, средствами массовой информации, художественными образами и традициями.

В современных условиях положительный имидж сотрудников ОВД обусловлен ожиданиями общественного сознания проявлений у них высокой степени культуры, в том числе правовой и профессиональной, образованности, интеллигентности, компетентности, честности, порядочности.

Формирование позитивного образа сотрудников милиции, повышение их авторитета и престижа нуждается в постоянном совершенство-

вании и требует значительных усилий, как от самих сотрудников, так и от государственных и общественных организаций.

С целью формирования положительного внешнего и внутреннего имиджа сотрудников ОВД мы предлагаем конкретные практические рекомендации.

1. На формирование внешнего имиджа огромное влияние оказывают средства массовой информации (СМИ). В целях повышения авторитета сотрудников ОВД и доверия к ним населения необходимо использовать активное взаимодействие СМИ и ОВД. СМИ должны представлять на суд общественности правдивую и качественную информацию об ОВД, усиливая тем самым достаточно впечатляющую картину о деятельности стражей порядка и воспитывая граждан в духе уважения закона и личности. Считаем, что в условиях постиндустриального общества СМИ должны выступать в качестве связующего звена между ОВД и населением, рассматривая его как дополнительный источник информации для проведения оперативных мероприятий, получения содействия, а также как средство формирования установок и стереотипов общества, повышения престижа деятельности правоохранительных органов.

2. Особое внимание необходимо уделять самостоятельным службам по формированию имиджа ОВД. В первую очередь это касается действующих пресс-служб. В их компетенцию должно входить решение таких вопросов, как подготовка пресс-релизов, сообщений, обзоров, других материалов, отражающих наиболее важные события, происходящие в ОВД, предназначенных для размещения в периодической печати, теле- и радиопередачах. Субъекты управления ОВД через пресс-службы должны максимально контролировать представляемую информацию СМИ, минимизируя возможность ее интерпретации в спекулятивных целях. При этом необходимо совершенствовать содержательную и техническую сторону транслируемой информации.

3. Существенное внимание необходимо уделить рекламе. Именно она способна оперативно, на эмоциональном уровне привлекать людей на службу в ОВД. В основу рекламных роликов службы в правоохранительных органах должна быть заложена продуманная система мотивации заинтересованности молодых людей. Реклама должна привлекать внимание к наиболее значимым положительным аспектам службы в ОВД, наполнять патриотические чувства людей, создавать ощущение единения с национальными интересами Республики Беларусь и значимости своей профессиональной деятельности, как для отдельного человека, так и для общества в целом.

4. В современных условиях интернет-технологии оказывают все большее влияние на общество и могут использоваться сотрудниками

правоохранительных органов в различных аспектах. Учитывая анонимный характер международной сети и возможность регистрации сайтов в других государствах, а также массовый характер интернет-аудитории, можно утверждать, что сеть Интернет является благоприятной средой для использования ее деструктивными силами с целью дестабилизации общественно-политической обстановки в нашей стране и формирования отрицательного имиджа всей системы правоохранительных органов. В этой связи соответствующим службам необходимо контролировать киберпространство, отслеживать и опровергать или блокировать дезориентирующую информацию, вести борьбу с кибертерроризмом.

5. Разработать комплекс мер по недопущению нарушений сотрудниками служебной и исполнительской дисциплины, иных правонарушений, которые носят общественный резонанс. Сотрудник ОВД, нарушающий служебную дисциплину, представляет серьезную опасность, подрывающую нравственно-правовые и организационные основы служебной деятельности ОВД. Происшествия, происходящие с участием и по вине сотрудников ОВД, вызывают резкий рост критики в их адрес. Это, в свою очередь, способствует снижению профессиональной активности сотрудников, формированию негативного отношения граждан к ОВД и эффективности принимаемых мер по укреплению доверия граждан к органам правопорядка, а также дискредитирует их в глазах общественности, снижает уровень доверия к ОВД.

6. Кадровым службам необходимо обращать особое внимание на отбор и профессиональную подготовку сотрудников, личностные качества и развитие коммуникативных навыков представителей правоохранительных органов, на целенаправленную воспитательную работу с ними. Особенно это касается сотрудников милиции общественной безопасности (чаще всего люди общаются с сотрудниками патрульно-постовой службы) и Государственной автомобильной инспекции. Именно на восприятии гражданами поведения представителей этих служб строится стереотипизированный негативный образ сотрудников ОВД, несмотря на то, что они не являются репрезентативной частью всех сотрудников правоохранительных органов.

7. Повышать престиж службы в ОВД. Целесообразно формировать у сотрудников чувство гордости за свою профессию, стремление соответствовать высокому званию сотрудника ОВД. Для этого считаем необходимым проводить пропаганду социальной значимости службы в ОВД Республики Беларусь, доносить преимущества и трудности данной профессии до населения Республики Беларусь, делая акцент на профориентационную работу с молодежью. Рекомендуется проводить дни откры-

тых дверей в образовательных учреждениях системы ОВД, размещать в открытом доступе информацию о критериях отбора и требованиях к абитуриентам.

8. В реализации имиджевой политики, касающейся сотрудников ОВД, важны не отдельные мероприятия, а комплексная государственная программа, предполагающая тесное взаимодействие всех органов государственной власти и институтов гражданского общества. В данном случае значимую роль в формировании имиджа ОВД должен играть Общественный совет при Министерстве внутренних дел Республики Беларусь, который мог бы стать координатором мероприятий, направленных на создание образов, положительно характеризующих ОВД, способных укрепить общественную поддержку и доверие к ним.

Формирование внутреннего имиджа сотрудников ОВД также требует важных, на наш взгляд, практических рекомендаций.

1. Необходимо на постоянной основе повышать профессиональный уровень сотрудников на базе ведомственных учреждений образования. Рекомендуется также поощрять и поддерживать самообразование сотрудников ОВД. Примечательно, что включение наиболее перспективных сотрудников ОВД в кадровый резерв является важным стимулом их стремления к повышению своего профессионализма, в том числе и за счет повышения качества своего образования.

2. В работе по укреплению законности и дисциплины среди личного состава основной упор необходимо делать на индивидуальное воспитание подчиненных, обратив особое внимание на лиц, склонных к совершению проступков, а также на молодых сотрудников.

В служебных коллективах следует формировать обстановку нетерпимости к нарушениям служебной дисциплины и законности, общественного осуждения противоправного поведения нарушителей и объективной оценки их действий [4].

3. Считать одной из важнейших задач в процессе воспитательной работы среди сотрудников ОВД формирование патриотической личности в контексте ценностей духовной культуры [7]. В первую очередь это касается молодых сотрудников и обучающихся различных учебных заведений системы ОВД. В воспитании патриотических чувств нецелесообразно использование событий истории, архитектурных памятников, произведений литературы и изобразительного искусства, музыки, природы Беларуси. Особое внимание следует уделять изучению государственной символики Республики Беларусь, основанной на героической истории белорусского народа. Воспитывать понимание того, что под Государственным гербом и Государственным флагом новые поколения будут

строить высокоразвитое государство с учетом динамических процессов мирового сообщества.

В учебных заведениях системы ОВД дисциплины общегуманитарного цикла наполнить патриотической составляющей и при их изучении прививать любовь к Родине на примерах жизни и деятельности известных людей и сотрудников ОВД, поступки которых являются предметом уважения и гордости среди коллег и общества в целом.

4. Необходимо проводить постоянную идеологическую работу с сотрудниками ОВД с целью формирования социально зрелой, устойчивой личности, обладающей набором профессиональных и личностных качеств [1]. Социальная зрелость сотрудника правоохранительных органов заключается в его готовности и способности обеспечивать общественную безопасность и правопорядок в государстве, противостоять преступности, коррупции, достойно преодолевать повседневные трудности и негативное воздействие актуальных рисков, вызовов и угроз в идеологической сфере.

Необходимо развивать у сотрудников правоохранительных органов социальную и гражданскую ответственность, уважение к закону, воспитывать положительное отношение к труду, прививать высшие моральные ценности, развивать такие нравственные качества личности, как социальная ответственность, гордость за свою страну, альтруистичность, стремление служить на благо своего государства, осознанно и активно исполнять свой гражданский долг, честь и достоинство [2]. Исследования, проведенные белорусскими учеными, показали, что в массовом сознании преобладают отнюдь не профессионально-правовые оценки образа сотрудников ОВД, а нравственные, непосредственно связанные с этическими нормами и психологическими стереотипами.

5. В формировании внутреннего имиджа ОВД очень важна роль руководителя. Изменившаяся политическая и социокультурная ситуация в нашей стране в последние годы привела к переменам и в области имиджа руководителя правоохранительных органов: от «силовика» с порой неограниченной властью к образу добросовестного стража закона, справедливого и порядочного человека, интеллигента в своей профессии. Опрятный внешний вид в сочетании с хорошей физической формой, безукоризненная форменная одежда, экипировка, грамотная и вежливая речь – необходимые эстетические детали благоприятного имиджа руководителя.

Организовывать работу в коллективе ОВД целесообразно посредством активизации мотивов к выполнению оперативно-служебных задач, для чего сотрудники должны ощущать успешность своей деятель-

ности, иметь возможность выразить себя в совместной служебной деятельности, ощутить собственную значимость [3].

6. Важным фактором для формирования внутреннего имиджа сотрудников ОВД является наставничество. Наставление – метод однократного применения со стороны руководителя, когда он пытается аргументированно объяснить целесообразность служебного задания для подчиненного. Применяется при назначении на должность стажеров по должности сотрудников милиции.

7. Для формирования внутреннего позитивного имиджа сотрудников ОВД важным представляется также соблюдение в коллективе следующих правил и традиций: субординационные отношения; ношение форменной одежды; награждение сотрудников на общем собрании коллектива в связи с юбилеями, достижениями высоких результатов в служебной деятельности, спортивной или трудовой жизни коллектива; торжественное присвоение специальных званий офицерскому составу с «вручением погон» на общем собрании служебного коллектива; проведение корпоративных мероприятий в неформальной обстановке, посвященных государственным праздникам, дням образования службы; помещение фотографий сотрудников, достигших высоких результатов в служебной и трудовой деятельности, на Доску Почета; вручение переходящих вымпелов на годовом отчетном собрании лучшим подразделениям; торжественные проводы сотрудника на пенсию, в связи с достижением предельного возраста; материальная поддержка сотрудника при различных семейных обстоятельствах (рождение ребенка, приобретение дорогостоящих лекарств на лечение (сотрудника либо членов его семьи), похороны близкого родственника, различные чрезвычайные происшествия); материальное поощрение по итогам квартала, года сотрудников за достижение высоких результатов в службе; поддержание физической, служебной формы сотрудников с обязательной сдачей нормативов; строевая подготовка. И это далеко не полный перечень мероприятий, проводимый Министерством внутренних дел.

Подводя итог, отметим, что имидж сотрудника ОВД – важнейшая составляющая его профессионализма, которая напрямую зависит от системы отношений и оценок, доминирующих в обществе в отношении стражей правопорядка. Создание положительного имиджа ОВД является одним из приоритетных направлений работы правоохранительных структур, поскольку положительная оценка деятельности сотрудников ОВД, уровень доверия к сотрудникам и авторитета у населения является важным критерием работы всей правоохранительной системы.

Формирование положительного имиджа сотрудников ОВД требует систематических усилий, как со стороны общества, так и со стороны самих сотрудников. Это не спонтанная, а долговременная и системная деятельность, требующая концептуального обоснования, координации и постоянного контроля.

Список использованных источников

1. Анисимова, Т.И. К вопросу о профессионально важных личностных качествах юриста / Т.И. Анисимова, С.А. Потапова // Юрид. образование и наука. – 2019. – № 2. – С. 2–6.
2. Кубышко, В.Л. Воспитательная работа в органах внутренних дел и пути ее комплексного реформирования / В.Л. Кубышко // Профессионал. – 2017. – № 80. – С. 9–13.
3. Аслаханова, С.А. Роль руководителя в системе управления организацией / С.А. Аслаханова // Молодой ученый. – 2015. – № 24 (104). – С. 17–21.
4. Логинов, И.Е. Имидж офицера : учеб.-метод. пособие по одноименной дисциплине для курсантов, обучающихся по специальности «Тыловое обеспечение войск (по направлениям)» / И.Е. Логинов. – Гродно : ГрГУ, 2018. – 251 с.
5. Мисун, Е.Н. Корпоративный имидж органов внутренних дел и защита деловой репутации / Е.Н. Мисун // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24 янв. 2018 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – С. 305–306.
6. Панасюк, А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники / А.Ю. Панасюк. – М. : Омега-Л, 2012. – 452 с.
7. Узгорок, М.Ю. Патриотизм как высшая ценность духовной культуры личности / М.Ю. Узгорок ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск : БГПУ, 2007. – 119 с.

Дата поступления в редакцию: 27.09.2022

УДК 316.334.4

Е.В. Шкурова, М.А. Кудревич

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРАВО

Определяется проблемное поле социологии права. Рассматриваются основные разновидности социального контроля в обществе, одной из форм которого выступает институт права. В рамках социологического анализа институт права представлен как система социального действия. Концептуализированы категории «рабочая группа суда» и «юридическая гильдия». Как способы со-

циального влияния на институт права представлены технические и сетевые механизмы осуществления правовой деятельности.

Ключевые слова: социология права, социальный контроль, право, рабочая группа суда, юридическая гильдия, COVID-19, сетевые технологии, виртуальное правосудие.

E.V. Shkurova, M.A. Kudrevich

SOCIAL CONTROL AND LAW

The problematic field of the sociology of law is designating in the article. The main types of social control in society are considered, one of its forms is law institution. Law institution is presented as a system of social interaction through the sociological analysis. The categories 'courtroom workgroup' and 'lawyers' guild' are conceptualized. Technical and network mechanisms for the implementation of legal activities are presented as ways of social influence on law institute.

Keywords: sociology of law, social control, law, courtroom workgroup, lawyers' guild, COVID-19, network technologies, virtual justice.

Традиционно считается, что основоположником социологии права как междисциплинарной отрасли научного знания является Е. Эрлих, хотя сам термин введен в научный оборот в 1892 г. Дионисио Анцилотти и, в принципе, осмысление социально-правовой проблематики закономерно попадает в поле зрения социологической науки. Социология права представляет собой специальную социологическую теорию, направленную на применение концептуальных и методологических средств социологии для изучения социальных условий формирования, развития и действия права как социального института в обществе, его взаимодействия с другими социальными институтами с целью установления зависимостей между функционированием элементов права и состоянием и динамикой общественных отношений. Специфика социологического осмысления права опосредуется направленностью на рассмотрение его как социального института, развивающегося и функционирующего в социальном контексте. В институциональном аспекте право рассматривается в первую очередь функционально как социальный регулятор, определяющий социальное поведение.

Будучи саморегулирующейся системой, общество вырабатывает совокупность механизмов регулирования деятельности социальных субъектов и поддержания социального порядка, направленных на приведение поведения индивидов и социальных общностей в соответствие с принятыми образцами и нормами, формирующих систему социального контроля. Основными мерами его воздействия на поведе-

ние являются физическое насилие (следует отметить, что, несмотря на то что оно выступает основанием любого политического порядка, постоянное применение насилия неэффективно, оно опосредуется скорее сдерживающим влиянием всеобщего знания о средствах насилия), предупредительные меры воздействия, выраженные в первую очередь в экономическом давлении, а также механизмы группового воздействия, используемые социальными общностями, в которых индивиды объединены чувствами личной привязанности, для ограничения реальных и потенциальных девиантов.

Характер воздействия совокупности элементов социального контроля зависит от социальной среды, которая определяет систему координат относительно принуждающих и ограничивающих индивида сил. Наиболее заметное принудительное воздействие на индивида осуществляется со стороны политико-юридической системы в лице государства, которой обязаны подчиняться все члены общества. Через общественное поощрение или порицание воздействуют на индивида мораль, обычаи и нравы. Менее широким кругом социального контроля, проникающим в повседневность индивида, является профессиональная среда. Существенное воздействие, опосредованное влиянием общественного мнения, на поведение оказывает социальное окружение, влияние которого носит неформальный характер. И, наконец, наибольшее воздействие эмоционально-психологического плана на частную жизнь индивида оказывают малые группы – семья и близкие друзья [1].

В целом любая социальная общность вырабатывает систему правил, стандартов и норм, которая направлена на обеспечение конформного поведения участников, компонентами которой выступают привычки, обычаи и системы санкций. Опривыченный способ поведения устанавливается для определенных ситуаций и не вызывает негативных реакций группы. Хотя соответствующее привычкам поведение пользуется групповым одобрением, нарушение привычки не влечет негативных санкций. Признанная группой система ценностей с установленными образцами поведения по отношению к определенным ситуациям формирует обычаи, который в силу моральной окрашенности предполагает некоторую степень принуждения, связанную с негативными санкциями. Поскольку обычаи имеют значение для группы, неуважение обычаев подрывает ее сплоченность. Санкции характеризуют реакции группы на поведение индивидов в социально значимых ситуациях. Широта спектра социально значимых явлений определяет многообразие санкций. Основными функциями санкций являются стимулирование желательного поведения посредством руководства действиями участников группы и пресечение

нежелательного с целью обеспечения внутренней сплоченности и непрерывности социальной жизни [2].

Таким образом, набор управляющих механизмов формирует систему социального контроля, особое значение в структуре которой имеют конкретные рамки поведения социальных субъектов, содержащие равные меры воздействия на него. Тем самым конструируется совокупность нормативных регуляторов, рассчитанных на неопределенный круг лиц, к которым имеет отношение норма, характеризующаяся обязательностью исполнения, регулярностью действия и наличием санкций за нарушение установленных норм поведения. В этом смысле наиболее значимой регулирующей отношения людей в обществе на основе совокупности устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил является система права.

Специфика социологического подхода к праву определяется в первую очередь осмыслением права как социального института. Кроме того, в социальной системе право может интерпретироваться как нормативный комплекс, социальное явление, информационная система и социальная ценность.

В институциональном аспекте право выступает элементом общественной системы, порождается общественными потребностями и направлено на выполнение социально значимых функций во взаимодействии с другими социальными институтами. Соответственно, оно характеризуется целеполаганием, функциональностью, наличием системы социальных ролей, материальных и символических средств для достижения поставленных целей. В данном контексте ключевым компонентом правовой системы является функциональный, направленный на создание условий, способов и форм удовлетворения социальной потребности в обеспечении стабильности и социального порядка, для чего формируется набор стандартов поведения в определенных условиях. Кроме того, в социальной системе право выполняет интегративную роль и одновременно дифференцирует общество, включается в социокультурную среду и обеспечивает формирование социальных ценностей. Функциональность права как социального института определяется бесконфликтностью его включения в глобальную систему институтов конкретного общества, рациональностью разделения труда и рационализацией его организации, деперсонализацией и объективацией выполняемых функций и ролей, общепризнанностью членами социальных общностей.

Право как нормативный комплекс охватывает совокупность норм, функционирующих в обществе. Особенностью правовых норм является их императивность, так как они выступают как требование, веление

общества, формальность, поскольку они санкционируются и устанавливаются государством, и общеобязательность. Норма права выступает как мера свободы волеизъявления и поведения индивида. Наибольшая эффективность реализации правовых норм достигается при совпадении целей отдельной личности и общества. Правовая норма выступает как форма определения и закрепления прав и обязанностей, которые, в свою очередь, формируют ориентиры, обозначающие диапазон свободы действий субъектов права.

Нормы права определяют направление, время и пространство действия социального субъекта, предписывая при этом правильный с точки зрения общества и потому обязательный для индивида способ действия. Общность нормы выступает в качестве равного масштаба для всех, кто оказывается в сфере ее действия. Норма права представляет собой правило поведения, гарантированное государством, поэтому возможность государственно-правового принуждения в случаях нарушения правовых норм, является одной из гарантий действительности права. Правовая норма обладает качеством системности, которое проявляется, с одной стороны, в структурном построении нормы, с другой – в специализации и кооперации норм различных отраслей и институтов права.

Право как социальное явление выступает как результирующая процесса функционирования и развития общества. Право не всегда совпадает с установками законодателя и не тождественно законодательству. В нем проявляется дозаконотворческий и надзаконотворческий комплекс, связанный с социальной необходимостью, требованиями общественно-политической жизни. В социальной структуре правовая подсистема формируется и функционирует в ходе социального взаимодействия (вне социальной системы право теряет значение) и связана с особенностями организации социальной системы и признаваемыми в качестве приоритетных ценностями. Социальный смысл права заключается в постулировании примата его зависимости от интересов социальных субъектов, в связи с чем оно должно быть направлено на удовлетворение реальной социальной потребности и создание гарантий ее удовлетворения.

Понимание права как информационной системы коренится в русле двух теоретико-методологических течений в социальной мысли, направленных на решение вопроса о закрытости или открытости системы права. Юридический позитивизм (формализм, объективизм) рассматривает право как закрытую информационную систему, независимую от внешней среды, автономную, представленную совокупностью общих норм. Эта система требует механического правоприменения нормы к юридическому факту. Юридический антиформализм рассматривает право как от-

крытую систему, зависящую от внешних факторов и представленную не только совокупностью норм, но и конкретных решений, связанных с их реализацией. Она предполагает оценку правоприменения с точки зрения взаимодействия субъектов в многообразии их связей и интересов.

В ценностном смысле право выступает в качестве цели и средства удовлетворения социально справедливых потребностей и интересов социальных субъектов. Значимые для них свойства и элементы права, мотивирующие социальные действия, формируют правовые ценности, среди которых свобода, всеобщее благо, социальная справедливость, законность, равенство. Социальная ценность права в общественной структуре определяется его инструментальностью, направленной на обеспечение организованности и устойчивости общественных отношений, а также согласование общих и частных интересов, ориентацией на установление критерия свободы в обществе, определяя не саму свободу, а ее пределы и ответственность за их нарушение, регулятивностью, поскольку право в системе социальных регуляторов имеет приоритетное значение, а также заданием рамок социального поведения.

Очевидно, что в системе современного социального знания, актуализируется вопрос отхода от исключительно функциональной, нормативной интерпретации права и правовых норм и поиска механизмов понимания их функционирования в системе общественных отношений. В этом и заключается специфика социологического подхода, в отличие от, например, формально-юридического, которая обеспечивает возможность отказа от абстрактного рассмотрения права только как социального института и понимания его в контексте социальных субъектов.

Попытка осмысления того факта, что право и закон не являются незыблемой силой и абсолютной истиной, а также существенно зависят от сложившейся системы социальных взаимодействий и характера исполняемых социальными субъектами ролей, осуществлялась еще Г. Спенсером в очерке «Грехи законодателей» [3]. Более детально данная проблематика раскрывается в русле организационного подхода в социологии и политологии. Одним из его концептов является введенный И. Гоффманом термин «команда» (team), представляющая группу индивидов, которая функционирует для поддержания заданного на основе межличностных отношений определения ситуации. Она работает как латентная структура, члены которой создают собственную систему символов и взглядов для внутреннего, недоступного внешнему кругу, обмена информацией [4].

Наиболее распространенным в социально-политической мысли является применение организационного подхода к анализу судопроизвод-

ства. Для изучения специфики ведения судебного процесса П. Нардулли использует термин «элита зала суда» (courtroom elite) [5], а подробно его рассматривают Дж. Эйзенштейн и Х. Джейкоб в рамках категории «рабочая группа суда» (courtroom workgroup) [6]. Ключевой характеристикой процесса судопроизводства является тот факт, что суд представляет собой организацию, а его работа – коллективную деятельность. Это не абстрактный набор социальных ролей и функций, а система межличностных отношений.

Рабочая группа включает судью, прокурора и адвоката, в некоторых случаях еще подсудимого и персонал суда. Основная цель рабочей группы – установление соглашения (юридическая сделка) для скорейшего завершения судебного процесса, а основным механизмом взаимодействия выступает информация. При этом они функционируют в организационном контексте, поэтому деятельность участников опосредуется целями организации. Иерархические структуры – обеспечивающие организации (суд, прокуратура, адвокатура) – регулируют деятельность участников процесса и определяют профессиональную идентичность.

Несмотря на унифицированный порядок ведения судебного процесса, приверженность целям и нормам взаимодействия в рабочих группах определяется совокупностью факторов. Одним из таких факторов могут являться и внутренние цели основных участников рабочей группы. Так, для прокурора сутью деятельности выступает вынесение обвинительного приговора и склонение подсудимого к признанию вины в случае недостаточной доказательной базы. Для судьи целью является скорейшее завершение дела и облегченное судопроизводство, а потому он также заинтересован в признании вины подсудимым. Наиболее сложная позиция в заключении сделки у адвоката, ибо он является посредником между обвиняемым и судом. Положение адвоката определяется, с одной стороны, необходимостью сохранения репутации и минимизации издержек своего подсудимого, а с другой – потребностью сохранения социального капитала и своей роли в рабочей группе.

Сама рабочая группа может существовать не только посредством зала суда, ее возможность заложена в другой более общей форме правовой деятельности – юридической гильдии. Юридическая гильдия – феномен социальной организации большей части юристов, *toroi koinoi*¹ которых – общность юридического языка и производственных отношений, включающая как непосредственно юридическую деятельность, так и совместную подготовку и досуг членов гильдии. Таким образом, ключевым

¹ Общие места (греч.).

выводом является то, что характеристики подсудимого, тип и сущность правонарушения не являются определяющими компонентами при вынесении решения. Судебное решение есть результат взаимодействия, опосредованного нормами конкретного зала суда и юридической гильдии. На его принятие влияет социальный контекст, связанный в том числе с особенностями судебной системы в целом, характером детальности правоохранительных органов, исправительных учреждений, средств массовой информации. Так, правоприменение выступает не как единая внешняя система, а определяется спецификой локальных взаимодействий.

В российской социологии права также предпринимаются попытки анализа специфики судопроизводства с точки зрения организационного подхода. Разница эффектов рабочих групп проявляется на уровне районных судов города и даже на уровне судей одного суда. Ключевую роль в этом играет политика обеспечивающих организаций. Влияние также оказывает криминогенная обстановка. Рабочие группы функционируют с разной интенсивностью, что в российском контексте обусловлено особенностями процесса рекрутинга в разные профессиональные группы, ротацией кадров и системой стимулов участников (отчетность, работа на показатели), а к социально значимым факторам относятся характер взаимодействия руководства обеспечивающих организаций и неформальные договоренности [7].

Дополнительным примером социального воздействия на правовую деятельность является влияние сетевых технологий во время распространения COVID-19. В условиях пандемии большинство судов Америки были вынуждены осваивать дистанционные форматы ведения судебных процессов. Дистанционные суды позволяют запустить и реализовывать новую форму – «виртуальное правосудие», преимущества которого проявляются в ряде аспектов. Во-первых, возможность социального контроля за судебными процессами посредством прозрачности, удобства и доступности их трансляций. Во-вторых, ускорение судебных процессов, сокращение логистических и инфраструктурных издержек. Так, отмечается, что по административным и гражданским делам увеличилась посещаемость судов ответчиками. Позитивность данных тенденций была закреплена «Руководящими принципами для постпандемических судебных технологий» [8]. Но, кроме преимуществ, виртуальное правосудие имеет и ряд недостатков, наиболее системным из которых является феномен цифрового неравенства и отсутствие (или их неисправность) необходимых технических средств для проведения судебного процесса.

Отсутствие face-to-face¹ коммуникации значительно осложнило контроль над высказываниями участников процесса, привело к созданию перцептивной и эмоциональной дистанции в «зале суда», появились новые возможности для заключения сделки в рабочей группе. Как следствие, отмечалось увеличение обвинительных приговоров и сумм штрафов и залогов². Опасным стала и возможность цифрового бессмертия историй разнообразных судебных процессов, в рамках которых индивид вне зависимости от статуса, в силу записи судебного процесса оставлял свои нежелательные цифровые следы. Таким образом, виртуальное правосудие создает диспропорции в существующей возможности и механизмах социального контроля за системой права.

Специфика социологического подхода к праву заключается в отказе от формально-юридической его интерпретации, обеспечивающей возможность его рассмотрения и как социального института, и как системы социального действия. В системе социального контроля, которая реализует функцию саморегуляции общества, право выступает основным нормативным регулятором. При этом, будучи включенным в систему общественных отношений, право подвергается регулирующему воздействию со стороны других институтов и социальных явлений. Организационный подход в социологии позволяет рассмотреть правовую деятельность в контексте непосредственных профессиональных социальных взаимодействий и показать ее зависимость от организационных и личных мотивов участников рабочей группы суда, в частности зависимость исхода судебного процесса от успешности заключения соглашения участниками рабочей группы. Помимо рабочих групп судов и юридических гильдий, в условиях цифровой трансформации современного общества немаловажным фактором влияния на организацию правового процесса выступают сетевые технологии, обеспечивающие появление новых институтов, таких как виртуальное правосудие.

Список использованных источников

1. Бергер, П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива [Электронный ресурс] / П. Бергер // Электронная библиотека факультета социологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко. – 1996. – Режим доступа: <http://www.socd.univ.kiev.ua/uk/library/priglasenie-v-sociologiyu>. – Дата доступа: 10.02.2022.

¹ Лицом к лицу (англ.).

² Zoom Court Is Changing How Justice Is Served [Electronic resource] // The Atlantic. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2021/05/can-justice-be-served-on-zoom/618392>. – Date of access: 05.02.2022.

2. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепаньский ; общ. ред. и послеслов. акад. А.М. Румянцева. – М. : Прогресс, 1969. – 240 с.

3. Спенсер, Г. Грехи законодателей / Г. Спенсер // Социол. исслед. – 1992. – № 2. – С. 129–136.

4. Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. – Garden City, N. Y. : Anchor, 1959. – 259 p.

5. Nardulli, P.F. The courtroom elite: An organizational perspective on criminal justice / P.F. Nardulli. – Cambridge, MA : Ballinger Publishing Company, 1978. – 263 p.

6. Eisenstein, J. Felony Justice. An Organizational Analysis of Criminal Court / J. Eisenstein, H. Jacob. – Boston : Little, Brown and Company, 1977. – 322 p.

7. Моисеева, Е.Н. Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга / Е.Н. Моисеева // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2014. – № 4. – С. 86–100.

8. Guiding Principles for Post-Pandemic Court Technology [Electronic resource] // CCJ/COSCA. – Mode of access: https://www.ncsc.org/__data/assets/pdf_file/0014/42332/Guiding-Principles-for-Court-Technology.pdf. – Date of access: 05.02.2022.

Дата поступления в редакцию: 12.09.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕСКОВСКИЙ Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, Президент ОО «Евразийская ассоциация полиграфологов» (Республика Казахстан).

ГАВРИЛЮК Михаил Николаевич, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

ГАНУСЕВИЧ Наталья Дмитриевна, начальник отдела информации и общественных связей ГУВД Мингорисполкома.

ГОЛУБЕВ Василий Леонидович, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

ГРУШЕЦКИЙ Виталий Игоревич, начальник отделения психологического обеспечения исправительного учреждения «Исправительная колония № 17» УДИН МВД по Могилевской области.

ДУБИНКО Наташа Александровна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

КАЗАК Тамара Владимировна, доктор психологических наук Республики Беларусь, доктор психологических наук Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии психологических наук, профессор, заведующий кафедрой инженерной психологии и эргономики учреждения образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники».

КОВАЛЕНКО Сергей Борисович, кандидат юридических наук, ответственный секретарь ОО «Евразийская ассоциация полиграфологов» (Республика Казахстан).

КОТОВ Виктор Викторович, начальник Центра психологического обеспечения Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

КУДРЕВИЧ Максим Александрович, младший научный сотрудник государственного научного учреждения «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси».

ЛАСТОВСКИЙ Александр Андреевич, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

МАЛЫГИНА Ольга Валериевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени А.Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации.

МАСЛЕНЧЕНКО Сергей Валерьевич, кандидат культурологии, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Республики Беларусь, начальник кафедры философии и идеологической работы учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

МИСУН Елена Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

НЕФЁДОВ Илья Олегович, старший инспектор отделения воспитательной работы со спецконтингентом в исправительных учреждениях открытого типа управления организации исправительного процесса Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, г. Минск.

ПАВЛЕНКО Денис Алексеевич, магистр юридических наук, магистр психологии, начальник отдела воспитательной работы со спецконтингентом в исправительных учреждениях, следственных изоляторах и лечебно-трудовых профилакториях управления организации исправительного процесса Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, г. Минск.

ПАСТУШЕНЯ Александр Николаевич, профессор кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор психологических наук, профессор.

ПЕКАРСКИЙ Федор Викторович, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

САГАЙДАК Светлана Станиславовна, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией психофизиологии и профессиографии НМУ БГУ «Республиканский центр проблем человека».

СХОПЧИК Ольга Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

ТОВСТУХА Александр Николаевич, заместитель начальника управления по организации исправительного процесса УДИН МВД Республики Беларусь по Могилевской области, г. Могилев.

УЗГОРОК Марина Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

УРБАНОВИЧ Алексей Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

ФИЛИПЧИК Ирина Владимировна, психолог группы психологического обеспечения исправительного учреждения «Воспитательная колония № 2» УДИН по Могилевской области.

ЧЕРНОБРОДОВ Евгений Романович, кандидат психологических наук, начальник кафедры психологии и педагогики Дальневосточного юридического института МВД России.

ШАМЕЛОВ Павел Анатольевич, начальник отряда отдела организации исправительного процесса исправительного учреждения «Исправительная колония № 2» УДИН МВД по Могилевской области, г. Бобруйск.

ШЕРШЕНЬ Леонид Леонидович, студент лечебного факультета учреждения образования «Белорусский государственный медицинский университет», г. Минск.

ШКУРОВА Елена Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий центром оперативных исследований государственного научного учреждения «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси».

Научное издание

**ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА
И СОЦИОЛОГИЯ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Сборник научных трудов

Основан в 2019 году

ВЫПУСК 4

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 11,39.
Тираж 100 экз. Заказ 273.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.